Выпускъ VI.

СЛОВАРЬ
литературныхъ
ТИПОВЪ

Грибоѣдовъ

КОНТОРА: СПБургъ. Тверская, 14.

СЛОВАРЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

Вышло шесть выпусковъ.

Изъ отзывовъ печати:

1) «Въ основу этого изданія положенъ оригинальный планъ: собрать и систематизировать матеріалы для характеристики русскаго общества по типамъ, выведеннымъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, такая портретная галлерея должна представить двоякую цѣнность: по ней удобно можетъ быть изучаемо съ извѣстной стороны творчество даннаго писателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ собраніе художественныхъ портретовъ, она можетъ дать богатый матеріалъ для изученія самого общества въ его основныхъ особенностяхъ, въ настроеніи опредѣленной эпохи и т. д. Составители «Словаря» отнеслись къ дѣлу чрезвычайно внимательно». «Неожиданное и очень пріятное впечатлѣніе производятъ эти портреты, такъ хорошо, еще съ дѣтства знакомыхъ лицъ. Читая такую характеристику, гдѣ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ, а то и полустраницы, собрано все до мельчайшихъ черточекъ, что счелъ нужнымъ сказать о данномъ лицѣ Тургеневъ, вы удивлены: такъ много новаго оказывается въ давно знакомомъ, такъ много конкретныхъ чертъ, незамѣченныхъ, или, по крайней мѣрѣ, несопоставленнымъ вами: въ повѣсти все это разбросано и перетасовано характеристикой другихъ лицъ, а здѣсь собрано дѣйствительно въ одинъ портретъ. Разумѣется, фонъ, безъ котораго портретъ теряетъ свое значеніе, надо искать въ самой повѣсти, но какъ пособіе при изученіи художественныхъ образовъ эти характеристики оказываются дѣйствительно очень цѣнными». (**«Вѣстникъ Европы»**, № 3, Мартъ 1908).

2) «Оригинальный трудъ, единственный въ обширной сокровищницѣ матеріаловъ историко-литературнаго характера», «Словарь—весьма полезное справочное пособіе, умѣло, съ любовью составленное: онъ одинаково пригодится и учителю и ученикамъ: первый, готовясь къ уроку, быстро возстановитъ нужныя ему свѣдѣнія, не роясь въ другихъ книгахъ, второй повторитъ и проконспектируетъ прочитанныя имъ ранѣе произведенія: оба вмѣстѣ найдутъ объясненія каждаго дѣйствующаго лица въ сочиненіяхъ Тургенева». Словарь — «нужная книга и на столѣ преподавателя и въ любой библіотекѣ». (**«Педагогическій сборникъ»**, Ноябрь, 1908 г.).

3) «Въ первыхъ двухъ выпускахъ собраны и систематизированы типы и образы изъ произведеній И. С. Тургенева, причемъ въ характеристики вносились, главнымъ образомъ, подлинныя опредѣленія самого автора. Получилась такимъ образомъ огромная галлерея давно знакомыхъ намъ портретовъ, индивидуальныя черты и особенности которыхъ подчеркиваются здѣсь особенно выпукло и часто даже неожиданно ярко, потому что каждый типъ, каждый образъ мы видимъ здѣсь изолированнымъ, поставленнымъ внѣ привычной для насъ обстановки романа или разсказа Тургенева. Перелистываешь «Словарь», перечитываешь всѣ тѣ же слова и фразы любимаго писателя, и все же кажется, какъ будто старые знакомцы немножко почистились и принарядились для новаго визита. Быть можетъ, оторванные отъ фона, на которомъ рисовалъ ихъ художникъ, выдѣленные изъ тѣхъ соотношеній и комбинацій, въ которыхъ они представлялись самому автору, нѣкоторые изъ персонажей Тургенева и въ самомъ дѣлѣ кое-что существенное потеряли, кое-что новое пріобрѣли въ этой изолированной обстановкѣ

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ ГРИБОѢДОВА.

ПЕТЕРБУРГЪ.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

ГРИБОѢДОВЪ.

Типо-литографія „ЭНЕРГІЯ“, Загородный просп., д. 17.

Отъ редакціи.

Въ настоящемъ шестомъ выпускѣ «Словаря», посвященномъ Грибоѣдову, всѣ типы, образы и лица сведены вмѣстѣ, безъ выдѣленія второстепеннаго матеріала въ особый «Указатель»; какъ и къ предъидущему выпуску («Литературные типы Аксакова»), въ концѣ приложенъ особый «Списокъ», гдѣ даны краткія характеристики лицъ, связанныхъ съ именемъ и дѣятельностью Грибоѣдова. Въ тотъ же «Списокъ» внесены названія предметовъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ и перепискѣ Грибоѣдова,—предметовъ теперь, въ большинствѣ случаевъ, полузабытыхъ и требующихъ разъясненія.

Большая часть грибоѣдовскихъ стиховъ изъ его безсмертной комедіи стала пословицами, давно уже вошла въ обиходъ разговорнаго языка—поэтому значительно расширенъ въ этомъ выпускѣ «Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій». Тѣми же особенностями грибоѣдовскаго творчества объясняется появленіе въ приложеніи новой рубрики: «Прототипы дѣйствующихъ лицъ «Горя отъ ума».

Во всемъ прочемъ планъ изданія шестого выпуска остался безъ перемѣнъ и намъ остается здѣсь лишь повторить лицамъ незнакомымъ съ предъидущими выпусками то, что говорилось въ предисловіи къ первымъ четыремъ:

«Большинство характеристикъ распадается на три самостоятельныхъ отдѣла: а) характеристика типа въ освѣщеніи автора, б) сводъ критическихъ мнѣній и в) библіографія предмета. Не столько ради полноты изданія, сколько въ прямомъ соотвѣтствіи съ его главной цѣлью, въ «Словарь» введены всѣ типы и образы изъ произведеній разсматриваемаго писателя.

Въ характеристики вносились, по возможности, подлинныя опредѣленія самого автора. Изъ критическихъ отзывовъ бралось лишь то, что, такъ или иначе, обрисовываетъ и освѣщаетъ данный типъ. Приложенныя библіографическія указанія должны помочь лицамъ, пользующимся книгой, самимъ, ближе и въ болѣе полномъ объемѣ, ознакомиться съ отмѣченными произведеніями критической литературы.

Въ концѣ книги прилагается «Перечень произведеній» и всѣхъ, входящихъ въ нихъ, дѣйствующихъ и упоминаемыхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ «Перечень» служитъ алфавитнымъ index'омъ произведеній. «Словарь» является такимъ же алфавитнымъ index'омъ типовъ и, своего рода, ключомъ для изученія писателя, которому посвященъ выпускъ.

Исходя изъ той мысли, что художественныя произведенія не могутъ разсматриваться внѣ фона и времени, въ «Перечень» введены примѣчанія историко-литературнаго характера. Эти послѣднія, вмѣстѣ съ біографической канвой, даютъ возможность легко навести ту или другую справку, касающуюся жизни писателя, условій его творчества и самаго творчества.

Весь матеріалъ во всѣхъ отдѣлахъ «Словаря» расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ алфавитъ же введенъ и приложенный къ изданію (см. Приложеніе 2-ое) сводъ «нарицательныхъ именъ». И здѣсь мы стремились, по возможности, не сузить, а расширить рамки понятія «нарицательное имя». Въ рубрику ихъ введены всѣ яркія, мѣткія т. н. «крылатыя слова», которыя не только характеризуютъ стиль и манеру писателя, но и составляютъ его индивидуальное отличіе».

Н. Носковъ.

А. С. Грибоѣдовъ.

(*Біографическая канва*).

1795 г. 4 Января родился въ Москвѣ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Отецъ писателя — секундъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Грибоѣдовъ; мать, Наталья Ѳедоровна, урожденная Грибоѣдова (изъ дальней вѣтви того же рода).

1810 г. Вольнослушатель этико-политическаго отдѣленія московскаго университета. Профессора: Буле, Геймъ, Сохацкій, Спѣшневъ, Рейнгардтъ и Шлецеръ. Занятіе музыкой.

1811 г. Первые литературные опыты. Набросокъ пьесы «Студентъ».

1812 г. Экзаменъ на кандидата. Военная служба. Корнетъ московскаго кн. Салтыкова Гусарскаго полка.

1813 г. Переходъ въ Иркутскій Гусарскій полкъ. Юго-Западный край: Могилевъ, Слонимъ, Брестъ. «Пробывъ всего четыре мѣсяца въ этой дружинѣ, цѣлыхъ четыре года потомъ не могъ попасть на путь истинный».— Дружба со С. Н. Бѣгичевымъ; кн. А. А. Шаховской.

1815 г. Пріѣздъ въ Петербургъ.—Литературныя знакомства: Н. П. Хмельницкій, А. А. Жандръ, Н. И. Гречъ.—«Молодые супруги» на сценѣ петербургскаго императорскаго театра. Отдѣльное изданіе комедіи.

1816 г. Петербургъ. Выходъ въ отставку.—Членъ ложи «Des amis reunis».

1817 г. Знакомство съ Пушкинымъ.—Появленіе на сценѣ «Притворной невѣрности».—Окончаніе вмѣстѣ съ Катенинымъ пьесы «Студентъ».— Служба въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.—Истомина.—Дуэль Завадовскаго съ Шереметевымъ.—Пять сценъ для «Своей семьи» Шаховскаго. Занятіе греческимъ языкомъ.

1818 г. Представленіе «Своей семьи».—Отдѣльное изданіе «Притворной невѣрности» и «Своей семьи».—Въ имѣніи у Бѣгичева.—«Непритворная печаль» по поводу переговоровъ о службѣ въ Персіи.—Назначеніе секретаремъ посольства въ Тегеранѣ.—Отъѣздъ изъ Петербурга въ Персію.—Новгородъ и мысли о Петербургѣ.

1819 г. Тифлисъ. «Дуэль съ Якубовичемъ, карты и болѣзнь».—Эривань. Тегеранъ.—Въ странѣ «слѣпого рабства и слѣпой власти».—Въ Чечнѣ у Ермолова.

1820 г. Тегеранъ. Тавризъ.—Секретарь «бродячей миссіи».—«Смертная лѣнь и скука»: «мѣсяцы тянутся въ мучительной долготѣ».

1822 г. Тифлисъ. В. К. Кюхельбекеръ. Первыя два дѣйствія «Горя отъ ума».

1823 г. «Въ четырехмѣсячномъ отпуску» (на самомъ дѣлѣ до 1825 г.). Планы заграничной поѣздки. Окончаніе «Горя отъ ума».—«Юность вѣщаго».

1824 г. Окончательная отдѣлка «Горя отъ ума». Новая развязка (см. «Перечень: «Горе отъ ума»).—Чтеніе комедіи въ литературныхъ кругахъ и въ «разныхъ закоулкахъ». «Грому, шуму, восхищенію, любопытству

конца нѣтъ».—«Побрякушки авторскаго самолюбія».—«Горе отъ ума» расходится во множествѣ списковъ.

1825 г. Репетиція въ театральной школѣ «приватно, безъ дозволенія цензуры», «Горя отъ ума». Отрывки изъ комедіи появляются въ альманахѣ Булгарина. «Горе отъ ума» и цензура. Списки комедіи получаютъ широкую извѣстность.—Отъѣздъ на Кавказъ. Кіевъ и Крымъ. Желаніе найти «уголокъ для уединенія». Путешествіе на Кавказъ «скрѣпя сердце». «Тоска неизлѣчимая» и «мрачность до крайности». Желаніе умереть. Ипохондрія «въ такой усиленной степени, какой еще никогда не бывало».—Въ дѣйствующемъ отрядѣ у А. П. Ермолова.

1826 г. Арестъ по подозрѣнію въ соучастіи въ заговорѣ декабристовъ (январь). «Съ курьеромъ въ Петербургъ».—Слѣдствіе и допросъ.—Комитетомъ «оправданъ начисто какъ стекло».—Лѣто на Выборгской у Булгарина. Вынужденное возвращеніе на Кавказъ.

1827 г. Исполненіе «Горя отъ ума» на любительской сценѣ въ Эриванѣ. Отставка Ермолова.—Главнокомандующій кавказской арміей Паскевичъ. Назначеніе завѣдующимъ дипломатическими сношеніями между Турціей и Персіей.

1828 г. Заключеніе мира съ Персіей. Представленіе Туркманчайскаго договора императору Николаю. — Назначеніе полномочнымъ министромъ-резидентомъ въ Персію. Отъѣздъ «безъ желанія, потому что противъ воли»:—«политическая ссылка». Въ главномъ отрядѣ Паскевича.—Тифлисъ. Женитьба на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе.—Путешествіе «съ огромнымъ караваномъ» въ Тегеранъ. «Впереди такъ темно, неопредѣленно».

1829 г. Тавризъ. Тегеранъ.—Двѣ сцены изъ «Горя отъ ума» на подмосткахъ Спб. Большого театра (декабрь).

30 января при возстаніи въ Тегеранѣ убитъ А. С. Грибоѣдовъ. Обезображенный трупъ былъ узнанъ по рукѣ прострѣленной пулей на дуэли (Якубовичемъ) и привезенъ въ Тифлисъ.—Могила Грибоѣдова въ тифлисскомъ монастырѣ Св. Давида.

1831 г. Представленіе «Горя отъ ума» въ Петербургѣ въ полномъ (хотя и урѣзанномъ цензурой) видѣ.

1833 г. Первое разрѣшенное изданіе пьесы по театральному списку.

Словарь литературныхъ типовъ.

А.

Аглая («Молодые супруги»).—Уп. л. По словамъ Ариста, «вертушка», съ ней «всякому легко быть въ дуракахъ». «Вездѣ, гдѣ только балъ. она необходима».

Аристъ («Молодые супруги»).—«Сущій вѣтрогонъ».—«Увѣренный, что онъ женою обожаемъ, что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ, въ безпечности благой живетъ, какъ Сибаритъ: вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ», такъ характеризуетъ А. Сафиръ. По собственнымъ словамъ, «отъ свѣта не отсталъ». Любитъ жену «по чести». «Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожаніе», говоритъ онъ, «и межъ тѣмъ пріятнѣе, когда мы не вмѣстѣ». «Съ женою разговоръ едва ли нахожу», «хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно; скажу ей что-нибудь,—она мнѣ потакаетъ, и рѣчь въ устахъ моихъ, не кончась, замираетъ. У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты». «Единобразіе скушно» и «тягостно согласіе всегдашне». Проводитъ «время въ забытіи» съ Аглаей; на балу «съ Аглаей все шепталъ и танповалъ нарочно», чтобы вызвать въ Сердаликовѣ чувство ревности, «но нынѣ, какъ въ судѣ, мое рѣшаютъ дѣло и можетъ приберутъ имѣніе къ рукамъ, я вмѣсто, чтобъ скакать по стрянчимъ, по судамъ платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду». «Доволенъ тѣмъ», что Эльмира «любитъ лишь» его. «Однако,—говоритъ онъ,—«хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ рядиться, нравиться—пріятной, ловкой быть; а болѣе еще, чтобъ таковой прослыть, чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно, но сю презрѣнный, рой жалкій и несчастной; а я бы думать могъ на этотъ балъ смотря: «старайтесь кругъ ее, а наслаждаюсь я». Узнавъ о рѣшеніи Эльмиры «перемѣнить образъ жизни» и вновь показаться въ свѣтъ, А. съ грустью вспоминаетъ о томъ, что когда то «блаженство обрѣталъ» онъ «на ея груди»; «смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ, любви достаточнымъ казался» ему «залогомъ»; «я такъ увѣренъ былъ, безпеченъ, что, ей-ей, въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней! Внезапно кротость та пожертвована вздору, Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору, она сбирается на балъ, а я, сказать стыжусь, и въ провожатые ужъ болѣ не гожусь». Когда же Эльмира скрываетъ отъ него дѣловое письмо, А., подозрѣвая ее въ гнусныхъ замыслахъ, въ бѣшенствѣ кричитъ на нее: «какъ заблужденія дерзаете равнять мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать! Мои суть шалости, а ваши—преступленья». «Письмо я требую, прошу его отъ васъ не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ повсюду разглашать вашъ стыдъ, мое безчестье. И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье, надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить, печальну истину раскрасить, распестрить, еще похвалить васъ, что мужа обманули. Нѣтъ! лучше

припасу двѣ роковыя пули—одну бездѣльнику, другую для себя». Узнавъ же, что письмо—дѣловое и сама Эл. хлопотала о спасеніи его имѣнія, становится на колѣни, говоря: «что требуешь? скажи: чтобъ удалился я въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края? мой другъ, изволь; и тамъ забуду я съ тобою веселья бурныя, утраченныя мною».

Б.

Беневольскій, Евлампій Аристарховичъ («Студентъ»).—«Студентъ изъ Казани»; «сухощавъ», «одѣтъ какъ шутъ»; «говоритъ странно, фигурно»; чрезмѣрно преувеличеннаго мнѣнія о своей «образованности»: «столько читалъ, что ничѣмъ не удивленъ», «изъ тысячъ книгъ собиралъ познанія о свѣтѣ», «прилежалъ особенно усиленно къ наблюденіямъ практической философіи, читалъ Мармонтеля, Жанлисъ, плѣнительныя повѣсти нашихъ новыхъ журналовъ», «прошелъ полный курсъ этико-политическихъ наукъ, политическую исторію, политическую экономію, политику въ строгомъ смыслѣ слова, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское»... «Поэтъ»,—«краса казанскаго Парнаса»; жаждетъ «прочной славы», «удѣла великаго», считая свои творенья «свѣжимъ листкомъ, вплетеннымъ въ вѣнецъ поэзіи». Вѣритъ въ свое будущее, когда «цари и вельможи будутъ внимать строю» его «лиры» и «въ этомъ блуждалищѣ, которое зовется большимъ свѣтомъ, встрѣтятся» ему «авторы-стихотворцы, которые уже стяжали себѣ громкую славу, признаны безсмертными въ двадцати, въ тридцати изъ лучшихъ домовъ».—«Я»,—говоритъ Б.,—«къ нимъ буду писать посланія,—они ко мнѣ; мы будемъ хвалить другъ друга». «Жизнь свободная, усмѣшка музы»—вотъ всѣ мои желанья, «ни чины, ни богатства для меня не приманчивы».—«Почести—это дымъ, мечта», «я не занимаюсь этой малостью», «этой прозой», однако, мечтаетъ о томъ, какъ онъ «разбогатѣетъ, нажлвется», «почести рѣкой польются на пѣвца». — Полюбину не стоитъ большого труда уговорить Б. «сдѣлаться современемъ государственнымъ человѣкомъ», Саблинъ пробуждаетъ въ Б. склонность «къ ремеслу Цесаря, сына Филиппова», ибо поэзія только «прелестная игра воображенія, отрада въ скукѣ», а «дѣло министра существенное; онъ рѣшаетъ задачи народовъ».—«Быть вождемъ полумилліона героевъ, воспѣвать самому свои побѣды—тоже значительно, завидно». «Итакъ я,—рѣшаетъ Б.,—буду законодателемъ, полководцемъ и стихотворцемъ».—Считаетъ себя исключительной натурой, «вознесенной выспрѣ изъ среды обыкновенности», презираетъ окружающихъ, такъ какъ «ни одинъ изъ нихъ не чувствуетъ этого стремленія, этого позыва души туда, къ чему-то высшему, неземному». Ищетъ «безсмертія въ любви», мечтаетъ найти «женщинъ милыхъ, любительницъ талантовъ, какую-нибудь Нинону Севинье». При первомъ же знакомствѣ съ Варинькой замѣчаетъ какъ «краска стыдливой скромности взыграла на лицѣ невинности», п. ч. Варинька, «вѣрно, хотѣла скрыть смятенье первой любви». Однако, Б. «униженно подкрадывается», «все время кланяется Звѣздову, готовъ быть наперсникомъ, повѣреннымъ Звѣздовой и Саблина, такъ какъ «они,—разсуждаетъ Б.,—за это постараются о моей женитьбѣ». Пріѣхавъ къ Звѣздову приказываетъ Ф. «выкладывать изъ чемодана вещи», хотя ему еще и комнаты не отвели. Въ концѣ концовъ, проигравъ всѣ свои деньги въ карты, «согласенъ быть корректоромъ».

Блестовъ («Притворная невѣрность»).

Боринька («Горе отъ ума»).—Уп. л. См. Левонъ.

———

В.

Варвара Савишна («Своя семья»).—Тетка Любима. По словамъ сестры Ѳеклы Савишны, В. С. «прожила весь вѣкъ, не нажила ума», «расчету ни на грошъ, всегда столы у ней!»

Варинька («Студентъ»).—Воспитанница Звѣздовыхъ. «Осемнадцатилѣтняя дѣвушка», «красавица, нечего сказать».—«Не знаю, можетъ быть, я не умна, а ручаюсь, что вѣкъ свой проживу безъ хитростей», говоритъ она Полюбину. «Не ручайтесь, всѣ такъ говорятъ до замужества. Впрочемъ, вы на другихъ не похожи»—отвѣчаетъ тотъ.—«Ни за кого кромѣ васъ я не выйду», говоритъ В. Саблину, но не хочетъ выйти замужъ «безъ согласія покровителей, чтобъ послѣ ее называли неблагодарной!» «Ни за что на свѣтѣ!»—«Боже мой, какъ тяжко зависѣть отъ такихъ людей, которые за свои благодѣянія располагаютъ вами, какъ собственностью! Теперь я чувствую каково быть сиротой», прибавляетъ В. Когда Беневольскій принимаетъ ее за горничную, «съ досадой» замѣчаетъ: «можетъ быть, въ глазахъ господина Беневольскаго и въ самомъ дѣлѣ на это похожа».

Вельская, Наталья («Притворная невѣрность»).—Уп. л.

Воркуловъ, Евдокимъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Репетиловъ записалъ его въ число рѣшительныхъ людей»; одинъ изъ тѣхъ горячихъ, «дюжины головъ», которые дѣлаютъ «государственное дѣло». «Ты не слыхалъ какъ онъ поетъ? спрашиваетъ Репетиловъ Чацкаго.—О, диво! Послушай, милый, особливо есть у него любимое одно: «а нонъ лашьяръ ми, но-но-но!»

Г.

Гильоме («Горе отъ ума»).—Танцмейстеръ. «Французъ, подбитый вѣтеркомъ».

Горичева, Наталья Дмитріевна («Горе отъ ума).—См. Наталья Дмитріевна Горичева.

Горичевъ, Платонъ Михайловичъ («Горе отъ ума»).—См. Платонъ Михайловичъ Горичевъ.

Григорій-князь (Горе отъ ума»).—Уп. л. Одинъ изъ «дюжины» «горячихъ головъ». По словамъ Репетилова, «чудакъ единственный. Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка: и такъ же онъ сквозь зубы говоритъ, и такъ же коротко обстриженъ для порядка». У него, по словамъ того же Репетилова, сбирается «народу тьма»; «всю ночь толкуютъ—не наскучатъ», «поятъ шампанскимъ на убой» и «такимъ вещамъ научатъ, какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой» (Репетиловъ Скалозубу).

Д.

Д. («Горе отъ ума»).—Одинъ изъ гостей на вечерѣ у Фамусова. Когда г. N. сообщаетъ ему вѣсть, что Чацкій «съ ума сошелъ», отвѣчаетъ:—пустое!» А ты разславить это радъ? задаетъ онъ вопросъ N, и самъ идетъ освѣдомиться: «чай, кто нибудь да знаетъ». «Вѣрь болтуну,—услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!» замѣчаетъ онъ объ N и спрашиваетъ Загорѣцкаго: «ты знаешь ли о

Чацкомъ? Съ ума сошелъ!» и, «расправляя крылья», идетъ «повыспросить у всѣхъ».

Донторша («Горе отъ ума»).—Уп. л. Вдова. У ней Фамусовъ былъ долженъ «крестить». («Она не родила, но по разсчету, по моему, должна родить»).

Дядюшка Любима («Своя семья»). — Секундъ-маіоръ. «Въ сѣдыхъ усахъ».

З.

Загорѣцкій, Антонъ Антоновичъ («Горе отъ ума»).—По характеристикѣ Платона Михайловича, «человѣкъ онъ свѣтскій, отъявленный мошенникъ, плутъ». «При немъ остерегись: переносить гораздъ! И въ карты не садись: продастъ!» «Лгунишка онъ, картежникъ, воръ, да мастеръ услужить», отзывается о З. Хлестова. Софьѣ вручаетъ билетъ на завтрашній спектакль, заявляя, что «напрасно бы кто взялся другой вамъ услужить. За то куда я ни кидался? Въ контору—все взято, къ директору—онъ мнѣ пріятель—съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль? ужъ съ вечера никто достать не могъ; къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ. И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой у одного: старикъ онъ хилой, мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,—пусть дома просидитъ въ покоѣ! Хлестовой и ея «сестрѣ» Прасковьѣ «арапченковъ на ярмаркѣ досталъ». «Купилъ, онъ говоритъ», прибавляетъ Хлестова, «но, чай, въ карты сплутовалъ». Чацкій, характеризуя Молчалина, говоритъ: «кто другой такъ мирно все уладитъ, тамъ моську во время погладитъ, тутъ въ пору карточку вотретъ; въ немъ Загорѣцкій не умретъ».—«Прочь! говоритъ ему Платонъ Михайловичъ, поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь. Я правду о тебѣ поразскажу такую, что хуже всякой лжи».—«Оригиналъ, брюзгливъ, и безъ малѣйшей злобы!» отвѣчаетъ Загорѣцкій, но отъ «похвалъ» Хлестовой, которая отъ него «было двери на запоръ», прячется въ толпѣ. Услышавъ отъ г. Д. сплетню о сумасшествіи Чацкаго, притворяется: — «А, знаю, помню, слышалъ. Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ: его въ безумные упряталъ дядя-плутъ. Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили». — «Помилуй! онъ сейчасъ вѣдь въ комнатѣ былъ, тутъ». «Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили», отвѣчаетъ Загорѣцкій и идетъ, чтобы розыскать незнакомаго ему Чацкаго и распространить вѣсть объ его сумасшествіи. Съ нимъ «пенадобно газетъ», замѣчаетъ Д. о З. Графинѣ-внучкѣ сообщаетъ, что Чацкій «сошелъ съ ума». Графинѣ-бабушкѣ сочиняетъ, что Чацкій «въ горахъ былъ раненъ въ лобъ, сошелъ съ ума отъ раны». «Безумный по всему», прибавляетъ онъ въ кругу гостей и подтверждаетъ, что знаетъ, какъ раньше Чацкій «пилъ вино» «бочками сороковыми».—«Какъ думаете вы о Чацкомъ?» спрашиваетъ З. Репетилова.—«Княжны, пожалуйста скажите ваше мнѣнье, безумный Чацкій, или нѣтъ?» допытывается З. у Тугоуховскихъ. Когда же Фамусовъ рѣшилъ, что было бъ хорошо, чтобъ «зло пресѣчь—забрать всѣ книги бы да сжечь», Загорѣцкій возразилъ «съ кротостью»: — «Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если бъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я, на басни бы налегъ. Охъ, эти басни—смерть моя! Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами! Кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари!» На рѣчь Репетилова отвѣчаетъ:—«Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь, такой же я, какъ вы, ужасный либералъ, и оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь, куда какъ много потерялъ!»

Звѣздова («Студентъ»).—«Женщина рѣдкая». «Ей съ небольшимъ 20 лѣтъ», «милая», «ловкая»; «хотя мужъ ея хочетъ поступать въ противность другимъ, всетаки»—она, «наконецъ, ставитъ на своемъ». Приняла въ домъ Варинькy, «полюбила и продолжаетъ любить, какъ дочь». «Желая поставить на

своемъ»,—выдать Вариньку за Полюбина,—«она, за пять лѣтъ замужества», «въ первый разъ намѣрена поступить» съ мужемъ «не чистосердечно». У княжны Дарьи Савишны», на дѣтскомъ балу, предпочитаетъ «забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что всѣ господа военные».

Звѣздовъ («Студентъ»).—«Его превосходительство». «Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ настоящій ребенокъ: все любитъ дѣлать наперекоръ всѣмъ». Ему кажется, что жена «молода его проводить», но «всетаки» она «наконецъ ставитъ на своемъ».—«Мой мужъ,—говоритъ Звѣздова,—дожилъ до 50 лѣтъ, и, кажется, насмотрѣлся, наслышался всего того, что обыкновенно говорятъ насчетъ лукавства нашего пола, самъ поминутно о немъ твердитъ и никакъ отъ него не отдѣлается, когда надобно». Долги З. «въ состояніи платить, но мало платитъ»:—«не у одного есть вексель на мнѣ»,—признается самъ З. «Подлый народъ»,—отзывается онъ о дворнѣ. Приказываетъ «отправить старосту изъ женихой деревни, наказать ему крѣпко-на-крѣпко, чтобъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей»... «Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ,—то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ,—хоть роди, да подай!» «У него тысяча замысловъ» и онъ вѣчно занятъ:—«прошу покорно 15 мѣстъ объѣздить,... а визитовъ сколько». Дома онъ «запретилъ, чтобъ безъ него ничего не дѣлали». Обладая «легкостью въ нравѣ», даетъ приказанія всегда «вполухахъ»; «самъ затѣетъ, а складываетъ на другихъ»; такъ, приказавъ помѣстить «пожитки» Беневольскаго въ залѣ, онъ черезъ нѣкоторое время «гнѣвается»:—«Люди, люди!» (входитъ слуга). «Есть ли въ васъ смыслъ человѣческій? Что вы за безпутные? Про что васъ держатъ въ домѣ, такую ораву? подлый народъ! зачѣмъ эта дрянь здѣсь стоитъ!» «По его милости въ домѣ разстройка ужасная, денегъ нѣтъ: всѣмъ должны».

И.

Иванъ («Студентъ»).—Слуга Звѣздовыхъ. «Только вчера поступилъ въ услуженіе. Александръ Петровичъ изволили выпросить» его «у своей тетушки»; «у ней исправлялъ должность буфетчика». Когда Беневольскій «даетъ ему деньги» и требуетъ за это свѣдѣнія о господахъ, Иванъ соглашается:—«О, впередъ, сударь, будьте увѣрены, всю подноготную выведаю».

Ирина Власьевна («Горе отъ ума»).—Уп. л. Фамусовъ, характеризуя московскихъ дамъ, говоритъ: «сунься кто, попробуй, овладѣй; судьи всему, вездѣ, надъ ними пѣтъ судей; за картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ—дай Богъ терпѣнье!»... «Скомандовать велите передъ фрунтомъ! Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ! Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна! Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!»

К.

Клокъ-фонъ («Горе отъ ума»).—Баронъ. Тесть Репетилова. По словамъ Репетилова, «въ министры мѣтилъ» и «на Фонтанкѣ жилъ».

Кузьма Петровичъ («Горе отъ ума»). — «Почтенный камергеръ.—Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить; богатъ и на богатой былъ женатъ; переженилъ дѣтей, внучатъ, скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ» (Фамусовъ).

Л.

Ладова («Своя семья»).—Уп. л. Графиня, къ которой была отдана Наташа на воспитаніе. По словамъ Наташи, Л. была «по всему противныхъ свойствъ и правилъ». У ней «на все расходъ невѣроятный! И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ, и собирается у ней весь модный свѣтъ: вчера концертный день, а нынче танцовальный, а завтра что нибудь другое». «Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы, бывало, графинѣ только бы купить что ни попало». «Весь графининъ бытъ»: «шумъ, пышность, мотовство, и давка вѣчная въ передней за долгами».

Ласова, княгиня («Горе отъ ума»).—Уп. л. По разсказу Скалозуба, «наѣздница, вдова—но нѣтъ примѣровъ, чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—на-дняхъ расшиблась въ пухъ»; «и безъ того она, какъ слышно, неуклюжа, теперь ребра недостаетъ, такъ для поддержки ищетъ мужа».

Левонъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Въ числѣ дюжины «горячихъ головъ», дѣлающихъ «государственное дѣло», по словамъ Репетилова, «есть два брата—Левонъ и Боринька—чудесные ребята! Объ нихъ не знаешь, что сказать».

Ленскій («Притворная невѣрность»).

Лиза («Горе отъ ума»).—«Горничная» Софьи. «Какое личико твое,—говоритъ ей Молчалинъ.—«Веселое созданье ты, живое!»—Вѣдь, экая, шалунья ты, дѣвчонка!»—замѣчаетъ Фамусовъ.—«Охъ, зелье, баловница!» «Скромна, а ничего кромѣ проказъ и вѣтру на умѣ».—«Ты, быстроглазая!—сердито кричитъ онъ на нее въ послѣдней сценѣ.—«Все отъ твоихъ проказъ! Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы». Фамусовъ «жмется къ ней и заигрываетъ», на что она отвѣчаетъ: «Пустите, вѣтренники сами!.. Опомнитесь, вы старики». «Къ лицу ль вамъ эти лица». Молчалинъ говоритъ ей:—«желалъ бы вполовину къ ней (т. е. къ ея барышнѣ) то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ», и пытается «обнять ее отъ сердца полноты». Она «не дается»: «прошу подальше руки». Когда М. хочетъ соблазнить ее «тремя вещицами», она отвѣчаетъ:—«вы знаете, что я не льщусь на интересы».—«Ахъ, отъ господъ подалѣй, — восклицаетъ она.—У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь. Минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ, и барская любовь».—«Одна лишь я любви до смерти трушу, а какъ не полюбить буфетчика Петрушу?»

Софья спрашиваетъ ее: «какъ думаешь, чѣмъ заняты» мы ночью съ Молчалинымъ? Лиза отвѣчаетъ:—«Богъ вѣсть, сударыня! мое ли это дѣло?» И когда С. разсказываетъ ей: «возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ» и т. д. (см. Софья),—Лиза начинаетъ «хохотать» и не въ силахъ остановиться. По ея мнѣнію, «грѣхъ не бѣда, молва не хороша». Чтобъ «избѣжать огласки», послѣ обморока Софьи, совѣтуетъ ей:—«Вотъ ка-бы вы порхнули въ дверь съ лицомъ веселымъ, беззаботнымъ. Когда намъ скажутъ, что хотимъ, куда какъ вѣрится охотно!.. Улыбочка и пара словъ—и кто влюбленъ, на все готовъ».—«А вамъ, искателямъ невѣстъ, не нѣлиться и не зѣвать бы»,—совѣтуетъ она Молчалину:—«пригожъ и милъ, кто не доѣстъ и не доспитъ до свадьбы».

По мнѣнію Фамусова, Лиза «на Кузнецкомъ мосту» выучилась любовниковъ сводить». «Прошу служить у барышни влюбленной!»—восклицаетъ она.—«Ахъ, амуръ проклятый», «мучительница барышня!» «Вчера просилась спать—отказъ: ждемъ друга», «не спи, покудова не скатишься со стула!» Софья посылаетъ ее за Молчалинымъ «въ пустыя сѣни въ ночь», гдѣ «мочи нѣтъ». Лиза робѣетъ, т. к. боится «домовыхъ».—«Сюда вашъ батюшка вошелъ,—разсказываетъ она Софьѣ.—Я обмерла, вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала». «Теперь ужъ не до смѣха: въ глазахъ темно и замерла душа».—«Вотъ то-то, моего вы глупаго сужденья не жалуете никогда,—говоритъ она своей барышнѣ.—Анъ

вотъ бѣда! На что вамъ лучшаго пророка. Твердила я: въ любви не будетъ этой (къ Молчалину) прока ни во вѣки вѣковъ». Иногда «береть лишнюю вольность» съ барышней: «конечно, вамъ разстаться тяжело», говоритъ она Софьѣ.—«До свѣта залершись, а кажется все мало». Когда Софья пытается объяснить свои прежнія отношенія къ Чацкому дѣтскою дружбою, Лиза замѣчаетъ:—«и только, будто бы?»—«Ну, что же стали вы? поклонъ сударь отгѣсьте.--Подите»,-разлучаетъ она Молчалина и Софью утромъ.—«Богъ съ вами!.. Прочь возьмите руку!»—(разводитъ ихъ.—«Бѣдняжка!»—сострадаетъ она Чацкому. «Что, сударь, плачете?»—спрашиваетъ она его при его отъѣздѣ за границу.—«Живите-ка смѣясь»,—на что онъ ей отвѣчаетъ: — «не даромъ, Лиза, плачу. Кому извѣстно, что найду я, воротясь». Разбирая со своей барышней качества ея поклонниковъ, о Скалозубѣ говоритъ: «рѣчистъ, а больно не хитеръ. «Шутитъ и онъ гораздъ, вѣдь нынѣ кто не шутитъ», — и задаетъ вопросъ: «кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ, какъ Александръ Андреичъ Чацкій?»—«Въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть»,—предчувствуетъ она. «Запретъ опъ васъ—добро еще со мной!». По ея мнѣнію, «кому назначено, не миновать судьбы».—Фамусовъ отправляетъ ее въ деревню: «постой же, я тебя исправлю: изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!»

Лиза («Притворная невѣрность»).

Лохмотьевъ, Алексѣй («Горе отъ ума»).—Ему, по словамъ Репетилова, принадлежитъ выраженіе «радикальныя потребны тутъ лѣкарства, желудокъ больше не варитъ»

Лукерья Алексѣевна («Горе отъ ума»). Уп. л. См. Ирина Власьевна.

Любимъ («Своя семья или замужняя невѣста»).—Мужъ Наташи. «Ты никогда гусаритъ не забудешь»,—говоритъ Наташа Л.—«все станешь вспоминать съ восторгомъ старину, и молодечество, и службу, и войну. Я вижу ужъ тебя: ты, въ дядюшкины годы, какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы, про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти кричишь; безъ милосердія все новое бранишь; свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь, повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь и сердишься за то, что рано устарѣлъ».

М.

Максимъ Петровичъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Покойникъ дядя Фамусова. «При государынѣ служилъ Екатеринѣ». По характеристикѣ Фамусова, «что твой князь, что графъ!» «Серьезный взглядъ, надменный нравъ!» «Весь въ орденахъ», ѣзжалъ то вѣчно цугомъ... «Онъ не то на серебрѣ—на золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ». «Когда же надо подслужиться, и онъ сгибался въ перегибъ. На куртагѣ ему случилось оступиться—упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ. Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой... Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—изволили смѣяться. Что же онъ? Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—упалъ вдругорядь—ужъ нарочно! а хохотъ пуще. Онъ и въ третій такъ же точно». «За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ? Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово? Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми знаетъ почетъ? Максимъ Петровичъ! Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ? Максимъ Петровичъ!»

Марья Алексѣевна («Горе отъ ума»).—Уп л. «Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!» (Фамусовъ). См. Приложеніе 3-ье.

Мими, княжна Тугоуховская («Горе отъ ума»).—См. Тугоуховская княжна.

Молчалинъ, Алексѣй Степанычъ («Горе отъ ума»).—Секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ, «въ чуланчикѣ», по выраженію Хлестовой. «Молодъ». «Въ лицѣ румянецъ есть». «Безродный»; по словамъ Фамусова, «нищій». Фамусовъ «пригрѣлъ его и ввелъ въ свое семейство», «содѣйствовалъ» переводу его изъ «Твери» въ «Москву» и «далъ чинъ ассесора». М. «числится по архивамъ» и (за три года) «три награжденья получилъ». Онъ совѣтуетъ Чацкому «въ Москвѣ служить и награжденья брать и весело пожить». «Съ пріятностью читаетъ» «слогъ» Ѳомы Ѳомича, начальника отдѣленія. По опредѣленію Фамусова, «дѣловой». Чацкій тоже называетъ его «дѣльцомъ»: «къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера». Самъ признаетъ за собою обладаніе «двумя талантами: умѣренностью и аккуратностью». «Скромненькій». «Увѣренъ, что тому, кто «въ небольшихъ чинахъ», «вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ» и что «въ его лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть». «При батюшкѣ три года служитъ»,—говоритъ Софья.—«Тотъ часто безъ толку сердить, а онъ безмолвіемъ его обезоружитъ». «Отъ старичковъ не ступитъ за порогъ. Мы рѣзвимся, хохочемъ — онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ играетъ».--«Старушки всѣ народъ сердитый»,--замѣчаетъ Чацкій. «Не худо чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый тутъ былъ, какъ громовой отводъ». «Молчалинъ! Кто другой такъ мирно все уладитъ? Тамъ моську во время погладитъ, тамъ въ пору карточку вотретъ!»—«Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! Не болѣе наперстка! Я гладилъ все его: какъ шолковая порстка!»—говоритъ М. Хлестовой.—«Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ, Ѳома Ѳомичъ и я». На что Хлестова отвѣчаетъ: «спасибо, мой дружокъ!» «спасибо, мой родной!» «Частенько тамъ мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ»,—думаетъ М. По словамъ Софьи, «дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ». «Мнѣ завѣщалъ отецъ»,—открывается онъ горничной Лизѣ, — «во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья,—хозяину, гдѣ доведется жить, начальнику, съ кѣмъ буду я служить, слугѣ его, который чиститъ платье, швейцару, дворнику, для избѣжанья зла, собакѣ дворника, чтобъ ласкова была».—«И вотъ любовника я принимаю видъ въ угодность дочери такого человѣка» (т. е. Фамусова),—объясняетъ онъ горничной свои отношенія къ Софьѣ. Онъ «любитъ ее» «по должности». «Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего завиднаго». «Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свинжусь и простыну». «При одной я мысли трушу, что Павелъ Аѳанасьичъ разъ когда нибудь поймаетъ насъ». «Надежды много впереди, безъ свадьбы время проволочимъ». Во время ночныхъ свиданій онъ «держится больше робости во нравѣ, чѣмъ даже днемъ и при людяхъ, и въ явѣ». По разсказамъ Софьи, они съ М. «забываются музыкой». Или «возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ, отъ глубины души вздохнетъ, ни слова вольнаго и такъ вся ночь проходитъ. Рука съ рукой и глазъ съ меня не сводитъ». — «Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали», говоритъ Молчалинъ горничной. Но «скромный съ барышней», онъ, по словамъ Лизы, съ горничной «повѣса». «Лизанька!» «кто-бъ отгадалъ, что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ любви еще румянецъ не игралъ». «Дай обниму тебя отъ сердца полноты». «Веселое созданье ты, живое». «Охота быть тебѣ лишь на посылкахъ?» «Приди въ обѣдъ, побудь со мною, я тайну всю тебѣ открою».—«Ты отъ себя ли?» спрашиваетъ онъ Лизу, когда та стучится къ нему ночью.—«Есть у меня вещицы три,—соблазняетъ онъ ее:—есть туалетъ, прехитрая работа! Снаружи зеркальце и зеркальце внутри... Подушечка, изъ бисера узоръ и перламутровый приборъ: игольничекъ и ножинки—какъ милы! Жемчужинки растертыя въ бѣлила! Помада есть для губъ и для другихъ причинъ; съ духами скляночки: резеда и жасминъ».—По словамъ Чацкаго, М., «бывало, пѣсенъ гдѣ новенькихъ тетрадь увидитъ—пристаетъ: пожалуйте списать». По мнѣнію Чацкаго, М. «жалчайшее созданье». «Ума въ немъ мало»; онъ «такъ глупъ!» Чацкій называетъ его «безсловеснымъ». «Вотъ онъ на цыпочкахъ и не богатъ словами». «Еще ли не сломилъ

безмолвія печати?» «Конечно, смиренъ. Всѣ такіе не рѣзвы». «Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души»,—говоритъ подъ конецъ М-ну Софья. Когда Софья услышала всѣ его «низости», онъ пробуетъ всетаки увернуться: «шутилъ и не сказалъ я ничего окромѣ»... «Ахъ, вспомните, не гнѣвайтеся, взгляньте!» «помилуйте!»—взываетъ онъ, «бросается на колѣна», «ползаетъ у ногъ ея»,—«подличаетъ», по выраженію Софьи; послѣ того, какъ она приказываетъ ему: «чтобъ въ домѣ здѣсь заря васъ не застала! чтобъ никогда о васъ я больше не слыхала», онъ отвѣчаетъ: «какъ прикажете».—Но отъ гнѣва Фамусова ему удалось ускользнуть.—«Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ»,—говоритъ Чацкій. «Онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ».

Критика: «Молчалинъ глупъ, когда дѣло идетъ о чести, благородствѣ, наукѣ, поэзіи и подобныхъ высокихъ предметахъ; но онъ уменъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ. Онъ живетъ въ домѣ знатнаго барина, допущенъ въ его свѣтскій кругъ, и совсѣмъ не болтливъ, но очень молчаливъ». (*Бѣлинскій.* Сочиненія, т. V, стр. 88).

2) «Это русскій чиновникъ, съ глубоко усвоеннымъ имъ съ дѣтства (черта, приводящая на память отцовскія наставленія Чичикову) кодексомъ лакейскихъ убѣжденій. Такую форму низкопоклонство способно было принимать въ особенности у насъ вслѣдствіе различныхъ историческихъ вліяній. Это—своего рода дворовый, для котораго важно было пріобрѣсти съ «чиномъ ассесора» дворянство, но который остался навсегда съ типическими особенностями крѣпостного слуги, съ наружнымъ раболѣпіемъ и потаеннымъ обманомъ. Впереди ему грезится обезпеченная жизнь, до которой онъ готовъ добраться ползкомъ,—и до судьбы другихъ людей ему дѣла нѣтъ. Ему некогда философствовать и обобщать,—въ пору только изживать подначальную жизнь въ ожиданіи лучшаго. Если онъ чему-нибудь удивляется въ Чацкомъ, позволяя себѣ въ этомъ отношеніи имѣть свое сужденіе, то именно отсутствію дѣловой, чиновничьей практичности, которая доставляетъ человѣку возможность «служить», и награжденіе брать, и весело пожить. Наконецъ, онъ способенъ притворяться влюбленнымъ въ Софью, увѣрять въ любви и Лизу, съ которой на дѣлѣ просто хочетъ завязать мелкую интригу». (*А. Веселовскій.* Этюды).

3) «Въ этомъ обществѣ молчаливыхъ прекрасно живется Молчалину. Онъ «небогатъ словами» и потому «блаженствуетъ на свѣтѣ», гдѣ «нынче любятъ безсловесныхъ». Онъ свое сердитое начальство обезоруживаетъ безмолвіемъ. Онъ понялъ секретъ успѣха, нашелъ слово загадки, и это слово—молчаніе. Онъ упорно, осторожно, систематически молчитъ, и пусть кругомъ бушуетъ море страстныхъ человѣческихъ голосовъ, онъ непоколебимо, потрясающе молчитъ. Его молчаніе—знакъ согласія. Онъ съ жизнью согласенъ, и ему не о чемъ говорить. Его презрѣнныя уста раскрываются только для лести, для трусливой пошлости и подкупа въ разговорѣ съ Лизой, для угожденья собакѣ дворника или шпицу Хлестовой. Его безмолвная фигура твердо уперлась въ тину дѣйствительности, и вѣковѣчный поединокъ слова и безсловесности, мысли и безмыслія, Чацкаго и Молчалина развѣ могъ окончиться побѣдой перваго? Нѣтъ, говорящаго побѣдилъ молчащій». (*Ю. Айхенвальдъ.* «Силуэты», в. I).

Н.

Н. («Горе отъ ума»).—На его вопросъ о Чацкомъ («какъ его нашли вы по возвращеньи?), Софья отвѣчаетъ:—«онъ не въ своемъ умѣ».—«Ужли съ ума сошелъ?»—«Однако, есть примѣты?»—«Какъ можно въ эти лѣта!»—недовѣрчиво спрашиваетъ N, но тотчасъ же сообщаетъ эту новость г. Д., и самъ идетъ освѣдомиться объ этомъ у другихъ: «чай, кто нибудь да знаетъ».

Наталья Дмитріевна Горичева («Горе отъ ума»).—Молодая дама, знакомая Чацкаго, жена Платона Михайловича. «Говоритъ тоненькимъ голоскомъ». При встрѣчѣ съ нею на вечерѣ у Фамусова, Чацкій говоритъ:—«Однако, какъ, смотря на васъ, не подивиться? Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ; моложе вы, свѣжѣе стали; огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ?» Влюблена въ своего мужа—(«прелестный мужъ», «единственный», «безцѣнный», самъ по себѣ, по нраву, по уму»). «Знаетъ напередъ», что мужъ ея понравится Чацкому.—«Взгляните и судите»,—говоритъ она,—представляя мужа Чацкому. На вопросы Чацкаго къ Платону Михайловичу, за него отвѣчаетъ Нат. Дм.:—«Платонъ Михайлычъ мой къ затѣямъ склоненъ разнымъ». «Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ».—«Платонъ Михайлычъ городъ любитъ». Воспоминанія Чацкаго о прошлой жизни, его совѣты («въ полкъ! эскадронъ дадутъ! Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край, будь чаще на конѣ!»), перебиваетъ заботами о томъ, чтобы мужъ не простудился.—«Ахъ, мой дружочекъ! Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ; ты распахнулся весь и растегнулъ жилетъ!—Послушайся разочекъ, мой милый,—застегнись скорѣй!»—«Мой ангелъ, Бога ради, отъ двери дальше отойди!» За совѣтъ Платону Михайловичу «жить въ деревнѣ», считаетъ Чацкаго сумасшедшимъ. Когда-же Хлестова заводитъ рѣчь о томъ, что Чацкій «чай, пилъ не по лѣтамъ» и «шампанское стаканами тянулъ». Н. Д. прибавляетъ: «бутылками и пребольшими».

Критика: 1) «Наталья Дмитріевна съ своимъ мужемъ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, этимъ «высокимъ идеаломъ московскихъ всѣхъ мужей», ихъ взаимныя отношенія; князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми; графини Хрюмины, бабушка и внучка; Загорѣцкій, Хлестова — все это типы, созданныя рукою истиннаго художника; а ихъ рѣчи, слова, обращенія изъ подъ нихъ, геніальная живопись, поражающая вѣрностью, истинною и творческою объективностью; но все это какъ-то несвязно съ цѣлью комедіи выставляется само собою, особенно и отдѣльно». (*Бѣлинскій.* Сочиненія т. V, стр. 82).

Наталья Николаевна («Горе отъ ума»).—См. Ирина Власьевна.

Наташа («Своя семья»).—Жена Любима. «Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ», ведетъ «себя опрятно» и «умъ не дѣвичій», — такъ отзывается о ней Ѳекла Савишна. Умѣетъ нѣсколько говорить по французски. «Была отдана на воспитаніе графинѣ Ладовой, но ей «опротивѣлъ» графининъ бытъ; «ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ ходила, да лишь-бы суетня такъ время не губила. По словамъ Варвары Савишны, Н. «неприхотлива», и угодительна, ловка и бережлива». Сама «стряпаетъ»—«пирожное одно-съ».—«Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена»,—говоритъ Н. Ѳеклѣ Савишнѣ,—«что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно; я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно». «У меня» «все снадобье простое: морковка, яйцы, и кое что другое, да соку положить лимоннаго чуть-чуть». «Мпогимъ,—признается Наташа,—я обязана тому, что столько времени жила въ большомъ дому. Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы, бывало, графинѣ только-бы купить что ни попало. А я тихохонько высматриваю все, какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то, и се, и выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ, отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ, и, дома запершись, крою себѣ, крою. Теперь-же, вѣрите-ль, я что угодно шью, вы не увидите на мнѣ чужой работы—я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать. Бывало, прочія лишь заняты веселъемъ, на балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ; что вышью, продаю; работою своей своей скопила наконецъ до тысячи рублей».

Наташи мать («Своя семья»).—Уп. л. «Умна была»,—отзывается о ней Ѳекла Савишна. По словамъ Наташи, была «противныхъ свойствъ и правилъ» и «жила куда не роскошно». Съ Ладовой «дружна была» и «къ ней отдала» свою Наташу.

Ночной разбойникъ, дуэлисть («Горе отъ ума»).—Среди «рѣшительныхъ людей», «горячихъ дюжины головъ», дѣлающихъ, по словамъ Репетилова,

«государственное дѣло», онъ «голова», какой въ Россіи «нѣту». Не надо называть, узнаешь по портрету: «ночной разбойникъ, дуэлистъ, въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ и крѣпко на руку нечистъ». «Когда жъ объ честности высокой говоритъ, какимъ то демономъ внушаемъ, глаза въ крови, лицо въ огнѣ, самъ плачетъ...» (См. Приложеніе 3-ье).

«Наше солнышко, нашъ кладъ» («Горе отъ ума»).—У него, по словамъ Чацкаго, «на лбу написано: театръ и маскарадъ; домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи... Самъ толстъ, его артисты тощи... На балѣ, за ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй, былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—пѣвецъ зимой погоды лѣтней». (См. ниже Приложеніе 3-ье).

П.

Петрушка («Горе отъ ума»).—Слуга Фамусова. «Вѣчно» «съ обновкой»: съ разодраннымъ локтемъ. Читаетъ Фамусову календарь и «разныя дѣла на память въ книгу» вноситъ.

Платонъ Михайловичъ Горичъ («Горе отъ ума»).—Старый пріятель Чацкаго по полку. «Теперь въ отставкѣ, былъ военный». «Московскій житель и женатъ» на Натальѣ Димитріевнѣ. Наталья Димитріевна увѣрена, что съ храбростью его, съ талантомъ, когда бы службу продолжалъ, конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ. По словамъ жены, онъ «городъ любитъ», но склоненъ «къ ученьямъ и смотрамъ, къ манежу» и оттого скучаетъ въ Москвѣ.—«Со скуки на флейтѣ я твержу дуэтъ амольный»,—признается самъ Пл. Мих. Прежде: «лишь утро,—ногу въ стремя и носится на борзомъ жеребцѣ; осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть сзади»,—теперь, по словамъ жены, Пл. М. «здоровьемъ очень слабъ»: «все ревматизмъ и головныя боли». «Ужъ точно самъ не тотъ, въ короткое то время!»—говоритъ ему Чацкій. На вопросы Чацкаго предоставляетъ отвѣчать женѣ, лишь повторяя:—«Да, братъ, теперь не то!»—«Теперь, братъ, я не тотъ!»—«Эхъ, братецъ, славное тогда житье то было»,—прибавляетъ онъ «со вздохомъ». По отзыву жены, «прелестный мужъ»;—«твой работникъ»,—говоритъ ей Пл. Мих. «Смертельный неохотникъ» до баловъ, онъ не противится: «на нихъ дежурю за полночь»; а подчасъ тебѣ «въ угодность, какъ ни грустно, пускаюсь по командѣ въ плясъ».—«Охота смертная—прослыть за старика!»—говоритъ въ отвѣтъ ему Нат. Дим.—«Балъ вещь хорошая—неволя то горька»—признается Пл. Мих. «И кто жениться насъ неволитъ?»—задаетъ себѣ вопросъ Пл. Мих.—«Братъ, женишься, тогда меня вспомянь»,—говоритъ онъ Чацкому. «Оригиналъ! брезгливъ, и безъ малѣйшей злобы!»—отзывается о немъ Загорѣцкій, о которомъ онъ хочетъ «правду» поразсказать «такую, что хуже всякой лжи».—«У насъ ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ»,—отзывается Пл. Мих. о Москвѣ. Извѣстіе о сумасшествіи Чацкаго принимаетъ вопросомъ: «кто первый разгласилъ» и, получивъ отвѣтъ жены («ахъ, другъ мой, всѣ!»), успокаивается:—«ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ; а мнѣ сомнительно», но при видѣ Чацкаго, вмѣстѣ со всѣми «пятится отъ него въ противную сторону».

Полюбинъ («Студентъ»).—«Отатскій совѣтникъ»; «славный», «честный человѣкъ».—«Состояніе мое хоть небольшое, но достаточное»,—говоритъ онъ.—«Служба моя даетъ мнѣ право надѣяться вдаль... я заслужилъ нѣсколько отличій; что же касается до счастья домашняго, я увѣренъ, что доставлю его женѣ моей».—«Вы напрасно огорчаетесь, у васъ нѣтъ родителей»,—говоритъ онъ Варинькѣ,—«кто васъ можетъ приневолить? Вы выбрали человѣка по сердцу, отъ васъ зависитъ его счастье». Полюбинъ «разсудительнѣе Саблина», старается «поладить какъ-нибудь съ Звѣздовымъ» и «подличаетъ», по выраженію Саблина. «Не читаетъ «Сына Отечества», «Вѣстника Европы», а если «что чи-

таетъ, такъ только то, что на это не похоже».—«Право, ненадобно столько правъ, ни столько политики! Я ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ»,—говоритъ онъ Беневольскому.

Прасковья Федоровна («Горе отъ ума»).—Уп. л. Къ ней «въ домъ во вторникъ званъ» былъ Фамусовъ «на форели».

Прохоровъ («Студентъ»).—«Не болѣе, какъ честный содержатель типографіи»; его «имя на заглавныхъ листкахъ многихъ книгъ видѣть можно». «Сынъ Отечества», по его мнѣнію, «періодическое изданіе изъ лучшихъ, нумера выходятъ всегда аккуратно, буквы отлично четкія, бумага вообще хорошая».

Пульхерія Андреевна («Горе отъ ума).—Уп. л. См. Ирина Власьевна.

Р.

Раиса Савишна («Своя семья»).—Тетка Любима. По словамъ Любима, «все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ», все печатное, что только вышло вновѣ». Когда къ ней въ «образную» вошелъ Любимъ, Р. С. «тамъ въ очкахъ читала, вздрогнула, ахнула и въ обморокъ упала».

Репетиловъ («Горе отъ ума»).—«Служилъ по статской. «Въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ». — «Тогда баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ, а я къ нему въ зятья шелъ напрямикъ безъ дальней думы»,—разсказываетъ Репетиловъ.—«Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси, ему и ей такія суммы спустилъ, что Боже упаси!.. Женился наконецъ на дочери его, приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего. Тесть нѣмецъ, а что проку?» «Зови меня ванданомъ»,—восклицаетъ онъ,—«я это имя заслужилъ:людьми пустыми дорожилъ, самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ! о дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену! Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ! танцовщицу держалъ и не одну—трехъ разомъ! пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти! Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...» На это Чацкій отвѣчаетъ ему: «послушай: ври, да знай же мѣру. Есть отъ чего въ отчаянье придти».

Р. «рыскаетъ всю ночь на пролетъ». «А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось»,—замѣчаетъ ему Хлестова.—«Изволилъ во время явиться!» (къ разъѣзду съ бала).--«Прощайте, батюшка; пора перебѣситься»,--прибавляетъ она. «Куда теперь направить путь? А дѣло ужъ идетъ къ разъѣзду»,—говоритъ Репетиловъ лакею, послѣ разъѣзда съ бала у Фамусова.—«Поди, сажай меня въ карету, вези куда нибудь!»

«Способностями Богъ меня не наградилъ,—заявляетъ самъ Р.,—далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ. Совру—простятъ...» «Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,... что глупъ я». «Пожалуй, смѣйся надо мною, что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ»,—говоритъ онъ Чацкому

«Ты читалъ (книгу)?»—изумляется Чацкій.—«Задача для меня. Ты, Репетиловъ ли?» «Часто» зовутъ его «суевѣромъ». Говорятъ, «что у него на все предчувствія, примѣты». Упавъ при входѣ въ домъ, онъ считаетъ это предвѣщаніемъ встрѣчи (съ Чацкимъ).—«Не любишь ты меня,—заявляетъ онъ ему,—естественное дѣло: съ другими я и такъ и сякъ, съ тобою говорю не смѣло; я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ».—«Вотъ странное уничиженье»,—замѣчаетъ Чацкій. Встрѣтясь же немного спустя съ Загорѣцкимъ, онъ говоритъ о Чацкомъ: «Онъ не глупъ. Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы... Мы съ нимъ... у насъ одни и тѣ-же вкусы». «У меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга!—говоритъ онъ Чацкому.—Любовь какая то и страсть. Готовъ я душу прозакласть, что въ мірѣ не найдешь такого друга, такого вѣрнаго, ей-ей; пускай лишусь жены, дѣтей, оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ, пускай умру на мѣстѣ этомъ, да разразитъ меня Господь...» «Да полно вздоръ молоть»,—обрываетъ его Чацкій.—«А!

Скалозубъ, душа моя! постой, куда же? Сдѣлай дружбу!»—кричитъ Реп., увидѣвъ Скалозуба и «душитъ его въ объятіяхъ».

«Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь съ умнѣйшими»,—сообщаетъ онъ Чацкому. «Ужъ на меня нисколько не похожи. Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи». Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига! Читалъ ли ты? Есть книга»... «Что намъ высокій умъ и тысячи заботъ! Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?» философствуетъ онъ.—Реп. участвуетъ въ «обществѣ», «секретнѣйшемъ союзѣ», «тайныя собранья» котораго происходятъ «въ англійскомъ клубѣ» «по четвергамъ». «Пожалуйста, молчи, я слово далъ молчать». «У насъ... рѣшительные люди, горячихъ дюжина головъ. Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ». «Шумимъ, братецъ, шумимъ!» «Государственное дѣло! оно, вотъ видишь, не созрѣло, нельзя же вдругъ!» «Тьфу! Служба и чины, кресты—души мытарства. Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ, что радикальныя потребны тутъ лѣкарства, желудокъ больше не варитъ»,—заявляетъ Реп. сейчасъ же, послѣ разсказа о томъ, какъ онъ «неудачи встрѣтилъ» въ поискахъ за чинами». «Ужасный либералъ»,—называетъ его Загорѣцкій. «Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!—разсказываетъ онъ Скалозубу о собраньяхъ «у князя Григорія». «Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ; во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой, а во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ, какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой». Участники ихъ князь Григорій, Воркуловъ Евдокимъ, Левонъ и Боринька, Удумоевъ, Ипполитъ Маркелычъ и т. п. «Вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ». «Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ». «Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ, о Байронѣ, ну о матерьяхъ важныхъ, частехонько сижу не разжимая губъ. Мнѣ не подъ силу, братъ. Я чувствую, что глупъ». «Ну, между ними я, конечно, заурядъ. Немножко поотсталъ, лѣнивъ, подумать ужасъ. Однако жъ я, когда умишкомъ понатужась, засяду—часа не сижу и какъ то невзначай вдругъ каламбуръ рожу! Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ и въ шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ; другіе шестеро на музыку кладутъ, другіе хлопаютъ, когда его даютъ. Братъ, смѣйся, а что любо—любо».—«У насъ съ Чацкимъ дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль,—заявляетъ онъ вслѣдъ за этимъ Загорѣцкому.—Да, водевиль есть вещь, а прочее все—гиль». Репетилова, по его собственнымъ словамъ, часто зовутъ «пустомелей».

Критика: По мнѣнію Бѣлинскаго, «это лицо типическое, созданное великимъ творцомъ». Р. вѣрный прототипъ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. (*Бѣлинскій.* Соч. т. V. Кромѣ того см. ниже: Фамусовъ», стр. 31).

Розье-мадамъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Воспитательница Софьи. По словамъ Фамусова, «старушка золото», «вторая мать». «Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ. Одно не къ чести служитъ ей: за лишнихъ въ годъ пять сотъ рублей сманить себя другими допустила».

С.

Саблинъ «(Студентъ»).—«Гусарскій ротмистръ». «Человѣкъ военный, говоритъ просто»; «въ стихахъ ничего не понимаетъ», «сочинителей терпѣть не можетъ». Если женится когда нибудь, то, «развѣ въ лѣтъ 60, на богатой купчихѣ»; по его мнѣнію, «ни на одномъ балѣ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ ужина». У Саблина «никогда копѣйки нѣтъ за душой»; «кабы не сестра, давно бъ отъ картъ безъ мундира шатался». Къ сестрѣ не переѣзжаетъ лишь потому, что тамъ «не позволяютъ трубокъ курить». По его мнѣнію, если-бы Федьку, слугу Беневольскаго, прислать «въ эскадронъ», то «пять сотъ палокъ» и «можно поу-

чить его послушанію. — «Меня куда хочешь позови, я всюду пойду», — признается онъ Беневольскому.—«Ступай и подличай»,—говоритъ онъ Полюбину, когда тотъ изъявляетъ желаніе «пойти поладить со Звѣздовымъ».

Сафиръ («Молодые супруги»).—Другъ Ариста. По словамъ Эльмиры, «въ полчаса» совершилъ «то, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли». По словамъ Ариста, С. «даръ слова данъ». Считаетъ, что женщина должна быть кокетлива «и симъ» (кокетствомъ) поддержать «честь пола своего».—«Я знаю, говоритъ С. Эльмирѣ, «женщинамъ нѣтъ легче ничего, какъ перемѣнять свой видъ и даже свойства, мнѣнья». Сумѣлъ внушить Эльмирѣ необходимость вести свѣтскій образъ жизни, чтобы вызвать ревность въ Аристѣ, возвратить любовь послѣдняго.

Сердалековъ («Молодые супруги»).—Уп. л. Собутыльникъ Ариста. «Влюбленъ въ Аглаю». На балу, когда Аристъ «все съ Аглаей шепталъ и танцовалъ нарочно», С. «краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ».

Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ («Горе отъ ума»).—«Трехъ саженъ удалецъ». «Полковникъ», служитъ «въ корпусѣ съ восемьсотъ девятаго» и, по словамъ Лизы, «мѣтитъ въ генералы». «Созвѣздіе маневровъ и мазурки и прямизною стана, лицомъ и голосомъ герой», характеризуетъ его Чацкій. «Говоритъ густымъ басомъ»; «хрипунъ, удавленникъ, фаготъ», отзывается о немъ Чацкій. «Рѣчистъ, но больно не хитеръ» (Лиза). «Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду»,—мнѣніе Софьи о Скалозубѣ. Фамусовъ «имъ сильно бредитъ», такъ какъ С. «не прочь ничуть» жениться, а онъ, по отзыву Фамусова, «извѣстный человѣкъ. солидный, и знаковъ тьму отличій нахваталъ! Не по лѣтамъ и чинъ завидный—не нынче, завтра—генералъ!»—«Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько», «пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось, и завиральныя идеи эти брось», наставляетъ Фамусовъ Чацкаго.—«Моя невѣстушка, которой ужъ о васъ говорено», представляетъ Фамусовъ Скалозуба Хлестовой и такъ за нимъ ухаживаетъ, что Скалозубъ заявляетъ: «мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ». Собою С. доволенъ, въ товарищахъ «довольно счастливъ». «Какъ истинный философъ» судитъ о томъ, что для того, «чтобы чины добыть, есть многіе каналы». Для него вакансіи какъ разъ «открыты»: «то старшихъ выключатъ иныхъ,—другіе, смотришь, перебиты». За то, что съ братомъ засѣлъ «въ траншею» получилъ орденъ «на шею».—«Мнѣ только бы досталось въ генералы!—говоритъ самъ Скалозубъ. «Я школы Фридриха», заявляетъ о себѣ Скалозубъ. «Въ командѣ--гренадеры, фельдфебеля мои Вольтеры»[1]. «Ученостью меня не обморочишь», говоритъ С. Репетилову; «скликай другихъ; а если хочешь, я князь Григорію и вамъ фельдфебеля въ Вольтеры дамъ: онъ въ три шеренги васъ построитъ, а пикнете, такъ мигомъ успокоитъ». Недоволенъ братомъ, что тотъ «крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ: чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ, въ деревнѣ книги сталъ читать». «Даютъ ли ордена за это?» На вечерѣ у Фамусова желаетъ обрадовать собравшихся извѣстіемъ о томъ, «что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій: тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два! А книги сохранятъ такъ для большихъ оказій». По его мнѣнію, одно ученье нужно: «чтобъ люди въ ногу шли»[2]. «За армію стоитъ горой» и не сочувствуетъ «предубѣжденіямъ» Москвы «къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ». «Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ! А въ первой арміи, когда отстали? въ чемъ? Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки, и офицеровъ вамъ начтемъ, что говорятъ иные по французски». Самъ употребляетъ въ разговорѣ иностранныя слова: «дистанція огромнаго размѣра»» (о Москвѣ), «ирритація». Изъ рѣчи Чацкаго («а судьи кто?»), понялъ лишь, и то по своему, какъ «искусно» коснулся тотъ «предубѣжденія Москвы»

[1]) По рукописи, поданной «Историч. Музеемъ».
[2]) Ibidem.

къ гвардіи. «Все служба на умѣ!» говоритъ ему Репетиловъ. Разсуждаетъ лишь «о фронтахъ, о рядахъ». На вопросъ Фамусова, какъ С. доводится Настасья Николаевна, отвѣчаетъ: «не знаю-съ, виноватъ: мы съ нею вмѣстѣ не служили». Когда Хлестова замѣчаетъ, что она «не мастерица разбирать полки», замѣчаетъ: —«А форменныя есть отлички: въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички». Когда С. услыхалъ, что Молчалинъ упалъ съ лошади и ударился о землю «прямо въ темя», заявляетъ:—«поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ». «Весь страхъ изъ ничего»—прибавляетъ онъ, увидя Молчалина и проситъ позволенья разсказать одну вѣсть о княгини Ласовой. «Шутить и онъ гораздъ, вѣдь нынче кто не шутитъ!»—заявляетъ о немъ Лиза.—«Ухъ, я точнехонько избавилась отъ петли!»—говоритъ Хлестова, послѣ разговора со Скалозубомъ. «Герой не моего романа», замѣчаетъ о немъ Софья.

Критика: См. ниже «Фамусовъ».

Софья Павловна Фамусова («Горе отъ ума»).—Дочь Фамусова. «Семнадцати лѣтъ». Чацкій утверждаетъ, что онъ «вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ—что-бъ было ей хоть нѣсколько подобно». «Вы расцвѣли прелестно, неподражаемо,—говоритъ онъ С.,—и это вамъ извѣстно, и потому скромны, не смотрите на свѣтъ».—Мать С. умерла рано. Фамусовъ «сумѣлъ ей принанять въ мадамъ Розье вторую мать», «старушку золото». С. воспитывалась вмѣстѣ съ Чацкимъ (см. Чацкій); обучалась «языкамъ», и «танцамъ», и «пѣнью».—Чувство, связывавшее ее съ Чацкимъ до его отъѣзда, С. объясняетъ «дѣтскою дружбой». По словамъ Молчалина, С. «любила Чацкаго». Чацкій вспоминаетъ о «чувствахъ и движеньяхъ сердца» «въ обоихъ насъ». Лиза намекаетъ на то же: «давно прошло, не воротить, а помнится...» Софья отвѣчаетъ ей: «что помнится? онъ славно пересмѣять умѣетъ всѣхъ, болтаетъ, шутитъ, мнѣ забавно: дѣлить со всякимъ можно смѣхъ». «И только, будто бы?» возражаетъ Лиза. С. оправдывается: «я очень вѣтренно, быть можетъ, поступила, и знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила, кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?» С. «любитъ Молчалина». «Прочитъ его себѣ въ мужья». «Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,—говоритъ ей по этому поводу Чацкій,—чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита. Быть можетъ, вашихъ качествъ тьму любуясь имъ вы придали ему». По представленіямъ Софьи, Молчалинъ «за другихъ отдать себя готовъ», «веселостей искать бы могъ—ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ; мы рѣзвимся, хохочемъ,—онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ играетъ». «При батюшкѣ три года служитъ, тотъ часто безъ толку сердитъ, а онъ безмолвіемъ его обезоружитъ, отъ полноты души проститъ». «Онъ дружбу всѣхъ здѣсь въ домѣ пріобрѣлъ». «Уступчивъ, скроменъ, тихъ», онъ человѣкъ «смирнѣйшій», «вкрадчивъ и уменъ, но робокъ», «врагъ дерзости, застѣнчивый, несмѣлый». «Въ лицѣ ни тѣни безпокойства и на душѣ проступковъ никакихъ». Однимъ словомъ, человѣкъ «чудеснѣйшаго свойства».—«Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?»—говоритъ С. «Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ, изъ глубины души вздохнетъ, ни слова вольнаго—и, такъ вся ночь проходитъ, рука съ рукой и глазъ съ меня не сводитъ». Иногда они «забавляются музыкой», «сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло». «Ахъ, въ самомъ дѣлѣ разсвѣло!—говоритъ Софья, когда Лиза обращаетъ ея вниманіе на разсвѣтъ. «И свѣтъ, и грусть... Какъ быстры ночи!»... «Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скуку»,—говоритъ она Молчалину, но и днемъ успѣваетъ видѣться съ нимъ: «сегодня я больна и не пойду обѣдать,—говоритъ С. Лизѣ,—скажи Молчалину и позови его, чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать».—«Счастливые часовъ не наблюдаютъ», замѣчаетъ она. Молчалинъ называетъ Софью Лизѣ «печальной нашей кралей». Молчалинъ для Софьи «дороже всѣхъ сокровищъ». «Молчалинъ!—обращается къ нему она, послѣ паденія его съ лошади,—какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался! Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога! Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?»... «Смятенье! обморокъ!

поспѣшность! гнѣвъ испуга!»—изображаетъ ся состояніе при этомъ Чацкій. «Пойдемъ туда, бѣжимъ», зоветъ она Лизу. «Опомнитесь, куда вы?»—отводитъ ее въ сторону Лиза.—«Однако, о себѣ скажу, что не труслива», говоритъ С. «Вы знаете, что я собой не дорожу»,—замѣчаетъ она Молчалину. «Что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной? Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ». «Кѣмъ изъ нихъ я дорожу? хочу—люблю, хочу—скажу». «Что мнѣ молва? Кто хочетъ—такъ и судитъ». Когда Молчалинъ осторожно замѣчаетъ: «не повредила бы намъ откровенность эта»,—С. пугается не за себя, а за него. «Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?» «Молчалинъ! будто я себя не принуждала? Вошли вы—слова не сказала; при нихъ, не смѣла я дохнуть, у васъ спросить, на васъ взглянуть». На упреки его въ «откровенности», она отвѣчаетъ: «Откуда скрытность почерпнуть!» «Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнут!» «Хотите вы? пойду любезничать сквозь слезъ; боюсь, что выдержать притворства не сумѣю». — Насмѣшки Чацкаго надъ Молчалинымъ «всегда причина ей ужаснаго разстройства». «Не человѣкъ—змѣя!»—отзывается она о Чацкомъ. «Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ». Въ минуту такого «разстройства» она пускаетъ въ ходъ слухъ о «сумасшествіи».—«А, Чацкій,—говоритъ С.,—любите вы всѣхъ въ шуты рядить, угодно-ль на себѣ примѣрить?» «Не смѣхъ, а прямо злость», замѣчаетъ объ этомъ слухѣ Чацкій.—Когда С. услыхала о «низости» Молчалина и поняла его, она «себя, стѣнъ стыдится», «воспоминанія—какъ острый ножъ они!» «Ужасный человѣкъ!» вырывается у нея». «Ни слова, ради Бога! Молчите—я на все рѣшусь!» «Отстаньте, говорю; сейчасъ я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ и погублю себя и васъ». »Чтобъ въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,—приказываетъ она; чтобъ никогда о васъ я больше не слыхала»,—и М. ей повинуется («какъ прикажете»).

Чацкій «насмѣшливо» предсказываетъ С.:—«Вы помиритесь съ нимъ (съ Молчалинымъ), по размышленьи зрѣломъ: себя крушить, и для чего? подумайте, всегда вы можете его беречь и пеленать и посылать за дѣломъ. Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга изъ жениныхъ пажей, высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей». «Ахъ, если любитъ кто кого, зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?»—говоритъ Софья. «Конечно, нѣтъ въ немъ (въ Молчалинѣ) этого ума, что геній для иныхъ, а для иныхъ чума... да этакій ли умъ семейство осчастливитъ?»

Фамусовъ отсылаетъ С. «въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ! Тамъ будешь горе горевать, за пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать».

Критика: 1) «Что такое Софья? Свѣтская дѣвушка, унизившаяся до связи почти съ лакеемъ. Это можно объяснить воспитаніемъ—дуракомъ отцомъ, какою-нибудь мадамою, допустившею себя переманить за лишнихъ 500 рублей. Но въ этой Софьѣ есть какая-то энергія характера: она отдала себя мужчинѣ, не обольстясь ни богатствомъ, ни знатностью его, словомъ, не по разсчету, а напротивъ, ужъ слишкомъ по неразсчету; она не дорожитъ ничьимъ мнѣніемъ, и когда узнала, кто такой Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же оставить домъ, грозя, въ противномъ случаѣ, все открыть отцу. Но какъ она прежде не видѣла, что такое Молчалинъ?—Тутъ противорѣчіе, котораго нельзя объяснить изъ ея лица, а всѣ другія объясненія не могутъ, какъ внѣшнія и произвольныя, имѣть мѣста при разсматриваніе созданнаго поэтомъ характера. И потому Софья не дѣйствительное лицо, а призракъ». (*Бѣлинскій.* Сочиненія, т. V, стр. 85—86).

2) «Смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія,—путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота—все это не имѣетъ въ Софьѣ характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію.

Французскія книжки, на которыя сѣтуетъ Фамусовъ, фортепіано (еще съ

аккомпаниментомъ флейты), стихи, французскій языкъ и танцы—вотъ что считалось классическимъ образованіемъ барышни. А потомъ—«Кузнецкій Мостъ и вѣчныя обновы»; балы, такіе, какъ этотъ балъ у ея отца, и это общество—вотъ тотъ кругъ, гдѣ была заключена жизнь «барышни». Женщины учились воображать и чувствовать и не учились мыслить и знать. Мысль безмолствовала, говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость почерпали онѣ изъ романовъ, повѣстей—и оттуда инстинкты развивались, сентиментальность, исканіе идеала въ любви, а иногда и хуже.

Въ снотворномъ застоѣ, въ безвыходномъ морѣ лжи, у большинства женщинъ снаружи господствовала условная мораль, а втихомолку жизнь кипѣла, за отсутствіемъ здоровыхъ и серіозныхъ интересовъ, вообще всякаго содержанія, тѣми романами, изъ которыхъ и создалась «наука страсти нѣжной». Онѣгины и Печорины—вотъ представители цѣлаго класса, породы ловкихъ кавалеровъ, jeunes premiers. Эти передовыя личности въ high life—такими являлись и въ произведеніяхъ литературы, гдѣ и занимали почетное мѣсто со временъ рыцарства и до нашего времени, до Гоголя. Самъ Пушкинъ, не говоря о Лермонтовѣ, дорожилъ этимъ внѣшнимъ блескомъ, этою предварительностію du bon ton, манерами высшаго свѣта, подъ которою крылось и «озлобленіе», и «тоскующая лѣнь», и «интересная скука». Пушкинъ щадилъ Онѣгина, хотя касается съ легкой ироніей его праздности и пустоты, но до мелочи и съ удовольствіемъ описываетъ модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство—и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, это fatalité, позированье, которымъ щеголяли дэнди. Духъ позднѣйшаго времени снялъ заманчивую драпировку съ его героя и всѣхъ подобныхъ ему «кавалеровъ» и опредѣлилъ истинное значеніе такихъ господъ, согнавъ ихъ съ перваго плана.

Они и были героями и руководителями этихъ романовъ, и обѣ стороны дрессировались до брака, который поглощалъ всѣ романы почти безслѣдно, развѣ попадалась и оглашалась какая-нибудь слабонервная, сентиментальная,—словомъ, дурочка, или героемъ оказывался такой искренній «сумасшедшій», какъ Чацкій.

Но въ Софьѣ Павловнѣ, спѣшимъ оговориться, т.-е. въ чувствѣ ея къ Молчалину, есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина. Разницу между ними кладетъ «московскій отпечатокъ», потомъ бойкость, умѣнье владѣть собой, которое явилось въ Татьянѣ при встрѣчѣ съ Онѣгинымъ уже послѣ замужества, а до тѣхъ поръ она не сумѣла солгать о любви даже нянѣ. Но Татьяна—деревенская дѣвушка, а Софья Павловна—московская, по тогдашнему развитая.

Между тѣмъ въ любви своей точно такъ же готова выдать себя, какъ Татьяна: обѣ, какъ въ лунатизмѣ, бредятъ въ увлеченіи съ дѣтской простотой. И Софья, какъ Татьяна же, сама начинаетъ романъ ,не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадываясь о томъ. Сперва удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она проводитъ съ Молчалинымъ всю ночь: «ни слова вольнаго—и такъ вся ночь проходитъ!» «Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!» Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ.

Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти грація—и куда далеко до безнравственности, нужды нѣтъ, что она проговорилась словомъ: хуже—это тоже наивность. Громадная разность не между ею и Татьяной, а между Онѣгинымъ и Молчалинымъ. Выборъ Софьи, конечно, не рекомендуетъ ея ,но и выборъ Татьяны былъ случайный, да едва ли ей и было изъ кого выбирать.

Вглядываясь глубже въ характеръ и обстановку Софьи, видишь, что не безнравственность (но и не «Богъ», конечно), «свели ее», съ Молчалинымъ. Прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку, бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ,—возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейныя права. Безъ сомнѣнія, ей въ этомъ улыбалась роль властво-

вать надъ покорнымъ созданіемъ, сдѣлать его счастье и имѣть въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого выходилъ будущій «мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга»—идеалъ московскихъ мужей. На другіе идеалы негдѣ было наткнуться въ домѣ Фамусова.

Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись не симпатично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее Чацкій. Послѣ него, она одна изъ всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, съ какимъ онъ разстается съ прочими лицами. Ей, конечно, тяжелѣе всѣхъ, тяжелѣе даже Чацкаго, и ей достается свой «милліонъ терзаній». (*Гончаровъ*. Сочиненія).

3) «Софья, оказывается, тяготѣетъ не къ силѣ ума, а къ силѣ глупости. Какой-то ворожбою проникъ ей въ сердце человѣкъ, совершенно противоположный Чацкому. Конечно, «сердцу дѣвы нѣтъ закона», и было бы странно и безплодно спрашивать, чѣмъ плѣнилъ ее Молчалинъ. Недоумѣніе вызываетъ здѣсь только одно: Софья даетъ передъ Чацкимъ такую характеристику Молчалина, которая должна бы разрушить въ ея глазахъ все обаяніе этого лицемѣрнаго воздыхателя. Не впалъ ли здѣсь Грибоѣдовъ въ этическую ошибку? Вѣдь мы только въ томъ случаѣ совершенно поняли бы любовь Софьи къ Молчалину, если бы послѣдній казался ей не такимъ, какимъ онъ кажется намъ. Это находится, между прочимъ, въ связи съ обычными пріемами Грибоѣдова: онъ въ уста своихъ персонажей часто вкладываетъ уничтожающія характеристики и даже самохарактеристики; его герои съ какой-то непонятной наивностью, въ которой повиненъ авторъ, сами говорятъ о себѣ то, что о нихъ долженъ былъ бы сказать сатирикъ». (*Ю. Айхенвальдъ*. «Силуэты». В. I).

Т.

Татьяна Юрьевна («Горе отъ ума»). «Слыхалъ, что вздорная»... говоритъ о ней Чацкій. По словамъ Молчалина, «извѣстная... притомъ чиновные и должностные—всѣ ей друзья и всѣ родные». «Обходительна, добра, мила, проста. Балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, и лѣтомъ праздники на дачѣ». Она Молчалину «разсказывала что-то, изъ Петербурга воротясь», про связи Чацкаго «съ министрами, потомъ разрывъ».

Тетушка («Горе отъ ума»).—Уп. л. Тетка Софьи. «Все дѣвушкой? Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой? Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?» спрашиваетъ о ней Софью Чацкій. По словамъ Лизы, «какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому», «хотѣла схоронить свою досаду—не сумѣла! Забыла волосы чернить и черезъ три дня посѣдѣла».

Трое изъ бульварныхъ лицъ («Горе отъ ума»). — Они, по словамъ Чацкаго, съ полвѣка молодятся, «родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ со всей Европой породнятся».

Тугоуховская, княгиня («Горе отъ ума»).—Увидя Чацкаго на вечерѣ у Фамусовыхъ, спрашиваетъ:—«От-став-ной?—И холостой?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, зоветъ князя, чтобы тотъ просилъ «Натальи Дмитріевны знакомаго» «на вечеръ въ четвергъ».—«Онъ камеръ-юнкеръ?» спрашиваетъ она о Чацкомъ Наталью Дмитріевну.—Нѣтъ.—Богатъ?—О, нѣтъ.—«Князь, князь! назадъ! кричитъ княгиня. Поддерживаетъ «общее мнѣніе» о сумашествіи Чацкаго:—съ нимъ говорить опасно! (княгиня не сказала съ нимъ ни слова). Давно бы запереть пора. Послушать, такъ его мизинецъ умнѣе всѣхъ и даже князь Петра! Я думаю, онъ просто якобинецъ, вашъ Чацкій». Она знаетъ, что есть въ Петербургѣ институтъ пе-да-го-ническій—такъ, кажется, зовутъ? Тамъ упраж-

няются въ расколахъ и безвѣріи профессора! У нихъ учился нашъ родня—и вышелъ, хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи! Онъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня! Чиновъ не хочетъ знать!» Недовольна Хроминой, которая ея семейство «за пикого считаетъ». На вопросъ Хлестовой о «карточномъ должкѣ», отвѣчаетъ: «за мною, матушка!»

Тугоуховская, княжна Зизи («Горе отъ ума»).

Тугоуховская, княжна Катишь («Горе отъ ума»).

Тугоуховская, княжна Мими («Горе отъ ума»).

Тугоуховскій, князь Петръ Ильичъ («Горе отъ ума»).—Глухой старикъ. Ходитъ съ слуховой трубкой, но и съ помощью ея ничего не слышитъ и «самъ чуть дышитъ». Посланный княгиней пригласить Чацкаго къ себѣ въ домъ на вечеръ, вьется около Чацкаго и покашливаетъ».

У.

Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Одинъ «изъ горячихъ дюжины головъ», дѣлающихъ, по словамъ Репетилова, «государственное дѣло». Все знаетъ: мы его (Удушьева) на черный день пасемъ». «Ты сочиненія его читалъ ли гдѣ нибудь? хоть мелочь?» спрашиваетъ Репетиловъ Чацкаго.—«Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего! Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то и приговаривать: писать, писать, писать! Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать его отрывокъ: «Взглядъ и Нѣчто».

Ф.

Фамусовъ, Павелъ Аванасьевичъ («Горе отъ ума»). «Управляющій казеннымъ мѣстомъ»; при немъ, живущій у него въ домѣ, секретарь, «дѣловой» Молчалинъ. По собственнымъ словамъ, «день цѣлый нѣтъ отдыха, мечусь, какъ угорѣлый. По должности, по службѣ хлопотня, тотъ пристаетъ, другой—всѣмъ дѣло до меня». Боится «одного смертельно, чтобъ множество не накопилось» дѣлъ.—«А у меня, что дѣло, что не дѣло—обычай мой такой: подписано—такъ съ плечъ долой!» Съ помощью лакея Петрушки «разныя дѣла на память въ книгу вноситъ—забудется, того гляди» («къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ во вторникъ званъ я на форели», диктуетъ Фамусовъ Петрушкѣ,—«въ четвергъ я званъ на погребенье», «въ четвергъ, а можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу, я долженъ у вдовы, у докторши крестить, она еще не родила, но по разсчету, по моему, должна родить!»).

Идеалъ Фамусова—«покойникъ дядя»: «сто человѣкъ къ услугамъ»; «весь въ орденахъ», вѣкъ при дворѣ!»—Что твой князь, что графъ! Когда же надо подслужиться, и онъ сгибался въ перегибъ». Чацкаго, «еще дитей» для замысловъ какихъ-то непонятныхъ возилъ на поклонъ къ Нестору «негодяевъ знатныхъ».—«Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?» говоритъ онъ Скалозубу и лѣзетъ самъ, чтобы «отдушничекъ» открыть скорѣй и гостя отогрѣть. При немъ «служащіе чужіе очень рѣдки: все больше сестрины, свояченицыны дѣтки».—«Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой и то затѣмъ, что дѣловой!» признается Ф. Молчалину «далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари».—«Я, говоритъ Фамусовъ, передъ родней ползкомъ, сыщу ее на днѣ морскомъ».—«Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!» признается Фамусовъ. Молчалинъ, котораго онъ «ввелъ» въ свое «семейство» и зачислилъ «по архивамъ», черезъ него «три награжденья получилъ».—«Поди-ка, послужи!» совѣтуетъ Фамусовъ Чацкому. «Жаль, очень жаль», замѣчаетъ онъ о

томъ же Чацкомъ, который «не служитъ», т.е. въ томъ пользы не находитъ». «Служить бы радъ—прислуживаться тошно, возражаетъ ему Чацкій, подчеркивая желаніе служить «дѣлу, а не лицамъ».—«Не я одинъ—всѣ также разсуждаютъ!» подтверждаетъ Фамусовъ.—«Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!» плачется онъ.

«Дожилъ до сѣдинъ», «однако, бодръ и свѣжъ». «Въ мои года не можно жъ пускаться мнѣ въ присядку», говоритъ онъ Чацкому. Когда же Лиза замѣчаетъ ему:—«опомнитесь, вы старики!»—«Почти», отвѣчаетъ Фамусовъ. По собственнымъ словамъ, «монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ». «Разврата не терплю!» признается Фамусовъ, но Лиза называетъ его «вѣтренникомъ» и «баловникомъ». «Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла, какъ замѣчать дѣвичьи красоты!» говоритъ онъ Чацкому, но, оставшись наединѣ съ Лизой, «жмется къ ней и заигрываетъ». «Охъ, зелье, баловница!» «Великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина!» замѣчаетъ Фамусовъ по поводу толковъ о пьянствѣ Чацкаго, но, заставъ дочь вмѣстѣ съ Молчалинымъ, коритъ ее:—«А ты, сударыня, чуть изъ постели прытъ—съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы: всю ночь читаешь небылицы,—и вотъ плоды отъ этихъ книгъ!»—«Дочь Софья Павловна! Срамница! Безстыдница! Гдѣ? съ кѣмъ? ни дать, ни взять, какъ мать ея, покойница жена. Бывало, я съ дражайшей половиной чуть врозь—она ужъ гдѣ нибудь съ мужчиной!» обрушивается онъ на Софью, увидя ее на лѣстницѣ съ Чацкимъ.—«Не надобно другого образца, когда въ глазахъ примѣръ отца!» наставляетъ онъ Софью и гордъ тѣмъ, что, оставшись вдовцомъ, умѣлъ «принанять въ мадамъ Розье вторую мать» для дочери. «Ужъ о твоемъ ли не радѣли воспитаньи съ колыбели?!» спрашиваетъ онъ Софью. «Какъ всѣ московскіе», желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами». «Извѣстный человѣкъ, солидный и знаковъ тьму отличья нахваталъ!» отзывается онъ о Скалозубѣ, которому предлагаетъ «рѣчь завести о генеральшѣ». «Мнѣ что за него—то въ воду», говоритъ о замужествѣ со Скалозубомъ Софья. «Кто бѣденъ—тотъ тебѣ не пара!» наставляетъ дочь Фамусовъ. У него «на все свои законы есть» и «такъ ужъ изстари ведется, что по отцу и сыну честь». Будь плохенькій, да если наберется душъ тысячки двѣ родовыхъ,—тотъ и женихъ». Онъ радъ «всякому» гостю: хлѣбъ-соль всегда на столѣ. «Кто хочетъ къ намъ пожаловать, изволь, дверь отперта для званыхъ и незваныхъ, особенно изъ иностранныхъ; хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—для насъ ровнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ!» Клянетъ французовъ—«губителей карамановъ и сердецъ, но самъ, по примѣру другихъ, бралъ къ дочери учителей «побродятъ», «и въ домъ, и по билетамъ», чтобъ дочь «всему учить, всему—и танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ». Скалозубу разсказываетъ, что самъ «его величество король» «прусскій» «дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—ихъ благонравію не лицамъ». «Какъ будто въ жены ихъ (дочерей) готовимъ скоморохамъ!» замѣчаетъ онъ Софьѣ о московскихъ дѣвицахъ, но Скалозубу говоритъ: «И точно, можно ли воспитаннѣе быть!» Увѣренъ, что «отъ головы до пятокъ на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ и что «едва другая сыщется столица, какъ Москва». «Что за тузы живутъ въ Москвѣ и умираютъ!» задумывается Фамусовъ. «Только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ».

«Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ», а часто безъ толку сердитъ». «Такой всегда», характеризуетъ отца Софья. «Вотъ попрекать мнѣ станутъ, что безъ толку всегда журю», говоритъ самъ Фамусовъ. «Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!» кричитъ онъ, напуганный рѣчами Чацкаго. У него «что слово—приговоръ» и говоритъ онъ «дѣло». Молчалину напоминаетъ, что его «безроднаго пригрѣлъ», Чацкому даетъ совѣтъ: «во-первыхъ, не блажи, имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно, а главное—поди-ка послужи!» «Въ работу васъ! на поселенье васъ! За грошъ меня продать готовы!» кричитъ онъ на дворню. «Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!» грозитъ онъ Лизѣ. «Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ

съ людьми»... «въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ! обращаетъ онъ свой гнѣвъ на Софью. Къ людямъ относится недовѣрчиво. «За вами примѣчай! «Все ты лжешь!» заявляетъ онъ Лизѣ. «Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно»... говоритъ онъ при видѣ Софьи и Молчалина. «Братъ, не финти, не дамся я въ обманъ! Хоть подеритесь—не повѣрю», замѣчаетъ онъ, увидя Чацкаго вмѣстѣ съ Софьей. «Гдѣ чудеса—тамъ мало складу». «Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ! Пофилософствуй—умъ вскружится. То бережешься—то обѣдъ: ѣшь три часа, а въ три дня не сварится», размышляетъ Фамусовъ. Чацкаго считаетъ «мотомъ, сорванцомъ», но при встрѣчѣ съ нимъ привѣтствуетъ его: «Здорово, другъ! Здорово, братъ, здорово!» «Моя невѣстушка, которой ужъ давно про васъ говорено!» представляетъ онъ Скалозуба Хлестовой, на что послѣдняя замѣчаетъ Софьѣ: «Вотъ полоумный твой отецъ! Знакомить не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли». «Англійскаго клуба старинный, вѣрный членъ до гроба». «Разсказывай, чай, у тебя готово собранье важное вѣстей». Садись-ка, объяви скорѣй!» говоритъ Фамусовъ, увидя Чацкаго, который «грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ». «Подробности малѣйшей не забуду, вамъ первымъ, потомъ разсказывайте всюду», обѣщаетъ Чацкій откланиваясь, чтобы явиться «черезъ часъ». Услышавъ вѣсть о сумасшествіи Чацкаго кричитъ: «Я первый, я открылъ!» и прибавляетъ: «по матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ: покойница съ ума сходила восемь разъ». «Который же изъ двухъ?» (Молчалинъ или Чацкій?) задаетъ себѣ вопросъ Фамусовъ, такъ какъ на него «глупость» и «слѣпота нашла». «Все это заговоръ и въ заговорѣ» были всѣ противъ него, рѣшаетъ онъ, по крайней мѣрѣ, Молчалину такъ и удалось избѣжать его гнѣва.

—«Ужасный вѣкъ!» отзывается Фамусовъ о современности, черпая сужденія изъ забытыхъ газетъ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма».—«Вы, нынѣшніе нутка!» говоритъ онъ о молодежи.—«Спросили бы, какъ дѣлали отцы, учились бы на старшихъ глядя!» «Къ свободной жизни» его «вражда непримирима». Онъ увѣренъ, что «ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина, что нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей, и дѣлъ и мнѣній». На предложеніе Скалозуба книги сохранить «лишь для большихъ оказій», отвѣчаетъ: —«нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь—забрать всѣ книги бы да сжечь!» «Въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ», говоритъ Софьѣ и «отъ русскихъ книгъ» ему самому «больно спится». Рѣчь Чацкаго перебиваетъ восклицаніями:—«Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!»—«опасный человѣкъ!»—«Онъ вольность хочетъ проповѣдать!»—«Да онъ властей не признаетъ!»—«Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ на выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!» Рѣчами Чацкаго такъ напуганъ, что «ничего не видитъ и не слышитъ». «Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись».—«Пожалуйста при немъ не спорь ты вкривь и вкось, и завиральныя идеи эти брось!» совѣтуетъ Фамусовъ Чацкому при появленіи Скалозуба. «Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!» говоритъ онъ про себя и уходитъ въ кабинетъ, оставляя Чацкаго со Скалозубомъ.—«Ну, кто сюда придетъ—куда мы съ вами?» спрашиваетъ его Лиза.—«Кому сюда придти?!» увѣренно отвѣчаетъ Фамусовъ. Когда же Лиза начинаетъ говорить «какъ можно громче», «зажимаетъ ей ротъ»:—«помилуй, какъ кричишь!» Услыхавъ голосъ Софьи, крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ. При видѣ входящаго Чацкаго, признаннаго всѣми «сумасшедшимъ», «пятится въ сторону» и говоритъ опасливо:—«О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!» «Любезнѣйшій, вы не въ своей тарелкѣ! обращается онъ къ Чацкому.

Критика: 1) Фамусовъ лицо типическое, художественно-созданное. Онъ весь высказывается въ каждомъ своемъ словѣ. Это гоголевскій городничій этого круга общества. Его философія та же. Знатность, вслѣдствіе чиновъ и денегъ—вотъ его идеалъ жизни. Чтобы не накопилось у него много дѣлъ, у него обычай: «Подписано, такъ съ плечъ долой». Онъ очень уважаетъ родство.

Но нигдѣ не высказывается онъ такъ рѣзко и такъ точно, какъ въ концѣ комедіи: онъ узнаетъ, что дочь его въ связи съ молодымъ человѣкомъ, что ея,

слѣдовательно, и его доброе имя опозорено, не говоря уже о тяжелой, жгущей душу мысли быть отцомъ такой дочери—и что-жъ?—ничего этого и въ голову не приходитъ ему, потому,—что ни въ чемъ этомъ онъ не видитъ существеннаго: онъ весь жилъ и живетъ, внѣ себя: его Богъ, его совѣсть, его религія—мнѣніе свѣта.

Но этотъ Фамусовъ, столь вѣрный самому себѣ въ каждомъ своемъ словѣ, и измѣняетъ иногда себѣ цѣлыми рѣчами.

Это говоритъ не Фамусовъ, а Чацкій устами Фамусова, и это не монологъ, а эпиграмма на общество.

Нужно ли доказывать, что Фамусовъ слишкомъ глупъ для такихъ язвительныхъ эпиграммъ, и такъ добродушно преданъ пошлой сторонѣ своего общества, что считаетъ за грѣхъ отъ другого услышать противъ его выходку, что, наконецъ, все это Фамусовъ говоритъ не отъ себя, а по приказу автора?» (*Бѣлинскій*).

2) Фамусовъ символизируетъ собою прочный, грузный, спокойный укладъ стараго быта, удручающую устойчивость и оцѣпененье духа. Въ его средѣ всѣ взгляды на жизнь давно уже выработаны, и эта жизнь мирно и мѣрно катится по ровной дорогѣ традиціи». (*Ю. Айхенвальдъ*. «Силуэты»).

3) Ор. Миллеръ сводитъ всѣ отрицательныя лица комедіи къ тремъ видоизмѣненіямъ одного и того же типа: Фамусовыхъ, кандидатовъ въ Фамусовы и Фамусовыхъ неудачниковъ. «Фамусовъ, Павелъ Аѳанасьевичъ, при своемъ характерномъ міросозерцаніи, не можетъ не быть увлеченъ тѣмъ, что въ Москвѣ и живутъ и умираютъ тузы, что въ ней никогда не переводятся благовоспитанныя невѣсты ,а равно и женихи съ двумя тысячами душъ, вознаграждающими за отсутствіе прочихъ достоинствъ. Онъ не можетъ не вѣровать въ верховное блаженство «ѣды на золотѣ», а потому и фанатически пропагандируетъ ведущее къ тому битье объ полъ лбомъ и искренно сожалѣетъ объ опасномъ «вольнодумствѣ» сына своего друга. Онъ совершенно спокойно, какъ объ истинно добромъ дѣлѣ, заявляетъ вслухъ: «какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,—ну, какъ не порадѣть родному человѣку». Его удивляетъ слабое развитіе этой черты въ предметѣ его ухаживанія, Скалозубѣ, да оно и въ самомъ дѣлѣ объясняется только тѣмъ, что Скалозубъ гораздо ограниченнѣе Фамусова. Но не это дѣлаетъ понятною ту откровенность, съ какою Скалозубъ сознается, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, за что собственно данъ ему послѣ дѣла 3-го августа орденъ. И изъ этого вовсе не слѣдуетъ такого сатирическаго преувеличенія, чтобы онъ ни разу не получалъ ордена за дѣйствительную храбрость; слѣдуетъ только, что «нахватываньe знаковъ отличія» и безъ особенныхъ даже заслугъ вовсе не представлялось удивительнымъ и непохвальнымъ ему, какъ и другимъ «созвѣздіямъ маневровъ и мазурки», собирающимся не то въ штуку, а не то и въ серіозъ дать всѣмъ такъ называемымъ вольнодумцамъ «фельдфебеля въ Вольтеры». Скалозубъ, этотъ Фамусовъ въ армейскомъ мундирѣ, вполнѣ натурально удивляется тому, какъ это его братъ, набравшійся какихъ-то новыхъ правилъ, вышелъ въ отставку въ то время, когда ему слѣдовалъ чинъ.

Молчалинъ открытымъ заявленіемъ о своихъ двухъ талантахъ—умѣренности и аккуратности—совершенно правдоподобенъ въ своей средѣ, гдѣ именно «безсловесностью» и можно было безродному человѣку пробиться въ Фамусовы, съ тѣмъ, чтобы потомъ преобразить свою *лесть въ спесь*. При этомъ онъ даже вовсе не ограниченъ, а скорѣе уменъ въ своемъ родѣ,—уменъ, примѣняя отцовское завѣщаніе всѣмъ подслуживаться къ ухаживанію за дочкой начальника—на столько, чтобы это не компрометировало его, а даже содѣйствовало его служебнымъ видамъ. Молчалинъ совершенно серіозно считаетъ и не можетъ не считать Чацкаго чуть не дуракомъ послѣ его пренебрежительнаго отзыва о Татьянѣ Юрьевнѣ. Предметъ совершенно искренняго и вполнѣ практичнаго уваженія для Молчалина составляетъ, да и не можетъ не составлять для такихъ

людей, именно эта дама, доставляющая мѣста, а равно и Ѳома Ѳомичъ, сумѣвшій остаться начальникомъ отдѣленія *при трехъ министрахъ*. Столько же возможенъ, или, лучше сказать, неизбѣженъ въ этой средѣ и Репетиловъ—съ его совершенно даже прямымъ самоопленаніемъ. Репетилову только не удалось добиться какого-нибудь дѣйствительно служебнаго проку отъ женитьбы на дочери вліятельнаго фонъ-Клока — и вотъ онъ ударился въ либеральное краснобайничанье въ полусекретныхъ кружкахъ. Но Репетиловъ не совсѣмъ глупъ—а потому и чувствуетъ нѣкоторую фальшивость въ своемъ положеніи и старается выкупить ее тѣмъ «самобичующимъ протестомъ», который, по выраженію поэта, «съ Ивана Грознаго до переписки Гоголя есть русскихъ гражданъ достояніе». Въ сущности, не повези по службѣ самому Фамусову, и онъ бы могъ перейти въ Репетиловы, но вышелъ бы менѣе забавенъ при совсѣмъ уже незначительной дозѣ ума. Вѣдь и Фамусовъ не хуже Репетилова хвалится Скалозубу задоромъ московскихъ старичковъ, у которыхъ «что ни слово, то приговоръ», хотя и то правда, что эти «прямые канцлеры въ отставкѣ по уму», безъ которыхъ «не обойдется дѣло», обыкновенно только «придерутся къ тому-сему, а больше ни къ чему, поспорятъ, пошумятъ—и разойдутся». Въ словахъ этихъ Фамусовъ, опятьтаки совершенно натурально, обнаруживаетъ то пока еще благонамѣренное фрондерство, которое какъ бы служитъ ему про запасъ,—чтобы, въ случаѣ какой-нибудь невзгоды, завернуться въ него, какъ въ либеральную мантію.

Нимало не раздутымъ въ своемъ нравственномъ убожествѣ является, наконецъ, и Загорѣцкій. И онъ нисколько не каррикатура—особенно въ сравненіи съ соотвѣтственными гоголевскими двойниками—Бобчинскимъ и Добчинскимъ, переходящими въ самомъ дѣлѣ въ каррикатуру. Загорѣцкій, только бы повезло, могъ бы, пожалуй, пробраться и въ Фамусовы, но обстоятельства сложились иначе— и вотъ онъ иными путями удитъ рыбу,—удитъ ее уже прямо въ мутной водѣ. Это всѣмъ хорошо извѣстно, но онъ вездѣ принятъ въ качествѣ всеобщаго прислужника и угодника. Это своего рода всѣмъ необходимый Молчалинъ. Не даромъ же Чацкій и говоритъ про послѣдняго, что въ немъ не умретъ Загорѣцкій, хотя ему пока еще не достаетъ способности не связаннаго дѣловымъ поприщемъ Антона Антоновича служить живою газетою, сообщающею всякія сплетни и новости—безъ утомительнаго процесса чтенія. Благодаря всего болѣе этому, Загорѣцкій по своему сдѣлалъ карьеру, хотя не прочь считать себя и либераломъ à la Репетиловъ. Когда же ему прямо въ глаза говорятъ, что онъ мошенникъ, Загорѣцкій, хорошо зная, что это ему не закроетъ доступа на обѣды и балы, самымъ натуральнымъ образомъ притворяется, что принимаетъ это за шутку» (*Ор. Миллеръ*).

4) «Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится.

Такъ разсуждаетъ Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ. И эта животная философія есть рычагъ всей его дѣятельности.

Нравственной стороны жизни Павелъ Аѳанасьевичъ не понимаетъ; не понимаетъ ея и все его общество: Молчалины, Загорѣцкіе, Скалозубы, Хлестовы,— эти представители идей и чувствъ отжившаго XVIII в.

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ изображенъ въ комедіи какъ общественный дѣятель, чиновникъ и какъ отецъ. Какъ общественный дѣятель, онъ стоитъ очень низко. Онъ служитъ не «дѣлу», а «лицамъ» (по выраженію Чацкаго). Опъ учитъ Чацкаго, во второмъ актѣ, какъ надо служить. Идеалъ служащаго человѣка для него—только что умершій дядя его, Максимъ Петровичъ, камергеръ двора императрицы Екатерины, знатный и богатый, тщеславный и высокомѣрный съ низшими, униженный передъ высшими».

Дѣломъ Фамусовъ не занимается: для этого у него есть секретарь Молчалинъ; онъ только подписываетъ бумаги. «У меня,—говоритъ онъ,

Что дѣло, что не дѣло—
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой».

Мѣста у себя раздаетъ онъ только своимъ родственникамъ. Въ поговорку вошли его слова:

Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!

Какъ отецъ, Павелъ Аѳанасьевичъ тоже стоитъ низко. Онъ не понимаетъ родительскихъ чувствъ:

Мать умерла—умѣлъ я принанять,
Въ мадамъ Розье, вторую мать!

Попрекаетъ онъ Софью Павловну, убѣжденный, что родительскія чувства можно купить за деньги. Онъ воспитываетъ и учитъ свою дочь, но потому только, что этого требуетъ свѣтъ, и притомъ совершенно внѣшнимъ образомъ. Какъ всѣ московскіе отцы его общества, онъ (по выраженію Чацкаго) хлопочетъ

Набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле.

Эти дешевые педагоги обучаютъ Софью Павловну (по его собственнымъ словамъ)

И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ.

Благовоспитанная дѣвица, по его мнѣнію, должна только умѣть не уронить себя въ гостиной, понравиться свѣтскому обществу. Онъ въ восторгѣ отъ московскихъ барышень:

Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой!
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки.

Павелъ Аѳанасьевичъ заботился и о замужествѣ дочери. Но не за того хочетъ онъ отдать ее, кто могъ бы составить ея счастье, кого она могла бы полюбить. Онъ прочитъ ей въ женихи полковника Скалозуба, потому что такой выборъ одобритъ свѣтъ. А что Софья Павловна терпѣть не можетъ Скалозуба, что ей все равно, что за него, что въ воду, до этого Павлу Аѳанасьевичу нѣтъ дѣла, важно только то, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна». (*Незеленовъ*).

Федька («Студентъ»).—Слуга Беневольскаго. Получаетъ отъ барина «всего сорокъ рублей на мѣсяцъ». Любитъ «умничать» и недоволенъ «грамотеями»:—«имъ не давай ни пить, ни ѣсть, дай перо да бумаги—и сытехоньки и горя половина». Не прочь «поравняться съ господами»; по его мнѣнію, «денегъ нѣтъ — слуги нѣтъ: самъ себѣ сапоги чисти, за мѣсяцъ впередъ, а не то прощай». Когда Ф. узналъ, что баринъ «проигралъ въ картежъ», рѣшаетъ поискать «барина по толковѣе».

Филька («Горе отъ ума»).—Слуга Фамусова, швейцаръ. «Прямой чурбанъ», «лѣнивая тетеря». «Не знаетъ ни про что ,не чуетъ ничего».

Французикъ изъ Бордо («Горе отъ ума»).—На вечерѣ у Фамусова, по словамъ Чацкаго, онъ «чувствуетъ себя» «маленькимъ царькомъ»; «надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча, и сказывалъ, какъ снаряжался

въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами; пріѣхалъ, и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца, ни звука русскаго, ни русскаго лица не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—своя провинція!» «Онъ радъ, но мы не рады».

X.

Хлестова («Горе отъ ума»).—«Старуха» «65-ти лѣтъ». «Свояченица» Фамусова, его «невѣстушка». «Все знаетъ:—«ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать! восклицаетъ Хлестова и, по словамъ Фамусова, «спорить голосиста». Увѣрена, что «на свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья» и что «всѣ врутъ календари». Фамусова, за то, что онъ знакомитъ ее со Скалозубомъ, «не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли», обзываетъ «полоумнымъ». — «Ухъ! я точнохонько избавилась отъ петли!» говоритъ она, послѣ ухода Скалозуба. Загорѣцкаго аттестуетъ: «плутишка онъ, картежникъ, воръ; я отъ него и двери на запоръ, да мастеръ услужить». «Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ», замѣчаетъ Чацкій, котораго Хлестова, по ея словамъ, «въ дѣтствѣ за уши дирала». «А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось!»—«Пора перебѣситься!»—говоритъ она Репетилову. Сомнѣвается, чтобы Загорѣцкій купилъ двухъ арапченковъ («чай, вѣрно, въ карты слуговалъ»), но принимаетъ отъ него «подарочекъ».—«Дай Богъ ему (Загорѣцкому) здоровья!» говоритъ Х. Молчалина называетъ «мой дружочекъ», «мой родной. На вечеръ у Фамусовыхъ «часъ битый» ѣхала «съ Покровки» и «отъ скуки взяла съ собой арапку дѣвку, да собачку».—«Ну, а что нашелъ смѣшного? Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ? Надъ старостью смѣяться грѣхъ!» замѣчаетъ она на смѣхъ Чацкаго. «Туда же изъ смѣшливыхъ! сказала что то я,—онъ началъ хохотать!» вспоминаетъ о томъ же она позднѣе. Услыхавъ извѣстіе о сумасшествіи Чацкаго, говоритъ:—«съ ума сошелъ? прошу покорно! Да невзначай, да какъ проворно!» «Ты, Софья, слышала?» Ищетъ причину сумасшествія Чацкаго и спрашиваетъ: «чай, много пилъ вина?» и тотчасъ прибавляетъ увѣренно: «шампанское стаканами тянулъ». «И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ, отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ? Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій».—«Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ, то все равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль». «А Чацкаго мнѣ жаль», прибавляетъ Х., «по христіански, такъ онъ жалости достоинъ: былъ острый человѣкъ». Такъ, Богъ ему судилъ, а, впрочемъ, полѣчать—вылѣчатъ авось!» Увидя Чацкаго, вмѣстѣ со всѣми пятится въ сторону: — «ну, какъ съ безумныхъ глазъ затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!»

Хрюмина-бабушка («Горе отъ ума»).—Графиня. Шепелявитъ и плохо слышитъ.—«Мой другъ, мнѣ ужъ уши заложило, скажи погромче!» проситъ она внучку. «Ее не вразумишь!» говоритъ о ней Загорѣцкій. «Охъ, глухота большой порокъ!» бросаетъ она по адресу князя Тугоуховскаго.—«Охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышетъ!» говоритъ она, но внучкѣ признается: «когда нибудь я съ бала да въ могилу».

Хрюмина-внучка («Горе отъ ума»).—Графиня. «Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ», отзывается о ней княгиня Тугоуховская. Услышавъ отъ Загорѣцкаго, что Чацкій, съ которымъ она только что «говорила», сошелъ съ ума, отвѣчаетъ:—«представьте! я замѣтила сама! И хотъ пари держать,—со мной въ одно вы слово». Это «я видѣла изъ глазъ (Чацкаго), прибавляетъ графиня. —«Ah, grand maman! вотъ чудеса! вотъ ново!»—обращается она къ бабушкѣ.— «Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ? Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!»... и указываетъ бабушкѣ на Загорѣцкаго: «il vous dira toute l'histoire...» «На Чацкаго обижена, что онъ ее «модисткою изволилъ величать!» На догадку Хлестовой, что

Чацкій, чай, пилъ не по лѣтамъ, отвѣчаетъ:—«безъ сомнѣнья!» Софьѣ говоритъ: «Jamais trop diligente, vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente»—Ну, балъ! Ну Фамусовъ! Умѣлъ гостей назвать! Какіе то уроды съ того свѣта, и не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!» замѣчаетъ она при разъѣздѣ.

Ч.

Чахоточный («Горе отъ ума»).—Родня Фамусова. «Книгамъ врагъ». «Поселился въ ученый комитетъ» «и съ крикомъ требовалъ присягъ, чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился». (См. Приложеніе 3-ье).

Чацкій, Александръ Андреевичъ («Горе отъ ума»).—«Сынъ Андрея Ильича» Чацкаго, «друга Фамусова». «Молодой человѣкъ» (товарищъ дѣтства Софьи), «холостой». Помѣщикъ. «Имѣетъ триста душъ», или «четыреста». По словамъ Фамусова, «имѣньемъ управлялъ оплошно». «Отставной». Молчалинъ говоритъ, что Чацкому «не дались чины». У него была «съ министрами какая то связь, потомъ разрывъ». Самъ Чацкій заявляетъ, что «служить бы радъ, прислуживаться тошно». Ч. «членъ англійскаго клуба». Фамусовъ называетъ его «франтомъ-пріятелемъ». По признанію самого Ч., онъ «недавно отрекся отъ нѣжности» къ «расшитому и красивому» мундиру. «Теперь ужъ,—прибавляетъ онъ,—въ это мнѣ ребячество не впасть».

По характеристикѣ Софьи, Ч. «уменъ, остеръ, краснорѣчивъ». «Умъ» его «скоръ, блестящъ»; такого рода, «что геній для иныхъ, а для иныхъ чума». Хлестова называетъ Ч. «острымъ человѣкомъ». Лиза говоритъ ему: «мудрено (изъ двухъ языковъ) скроить такой, какъ вашъ».—«Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,—упрекаетъ Ч. Софья,—веселость ваша не скромна: у васъ тотчасъ ужъ острота готова»; «грянетъ градъ колкостей и шутокъ». По ея словамъ, Ч. «невоздержент на языкъ» и «не скрываетъ презрѣнія къ людямъ»: «случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали, ошибкою, добро о комъ нибудь сказали? хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть». «Не человѣкъ—змѣя!» характеризуетъ она Ч. Чацкій возражаетъ ей: «ахъ, Боже мой! Неужли я изъ тѣхъ, которымъ цѣль всей жизни смѣхъ? Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю, а чаще съ ними я скучаю».—«Послушайте, ужель слова мои всѣ колки и клонятся къ чьему нибудь вреду? Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу: я въ чудакахъ иному чуду разъ посмѣюсь, потомъ забуду». «Я свиданьемъ съ вами оживленъ,—говоритъ онъ С.,—и говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ, что я Молчалина глупѣе?» «Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ, какъ А. А. Чацкій»,—замѣчаетъ Лиза (см. ниже).

Онъ «малый съ головой», «славно пишетъ, переводитъ» (Фамусовъ). Ужасаясь разсужденіямъ и «завиральнымъ идеямъ» Чацкаго, тотъ же Фамусовъ восклицаетъ:—«и говоритъ, какъ пишетъ!» Софья говоритъ ему, что у него «грозный взглядъ и рѣзкій тонъ и этихъ въ васъ особенностей бездна».—«Разъ въ жизни притворюсь»,—рѣшается Ч., чтобы выпытать, кого любитъ Софья.

Ч. «воспитывался, росъ» вмѣстѣ съ Софьей, въ домѣ Фамусова. «Привычка каждый день быть вмѣстѣ неразлучно связала ихъ «дѣтской дружбою». Дѣтство, по воспоминаніямъ Ч., время, «когда все легко такъ и нѣжно, и незрѣло». «Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный, когда, бывало, въ вечеръ длинный мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ, играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ». Лиза, для отвода глазъ Ч-му, совѣтуетъ Софьѣ «поразвернуться въ разсказахъ о прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ» дѣтства. Часто въ тѣ дни «Чацкій танцовалъ съ Софьей»; Хлестова «за уши его дирала, только мало». «Нашъ ментеръ... помните колпакъ его, халатъ, перстъ указательный, всѣ признаки ученья какъ наши робкіе тревожили умы»,—напоминаетъ Софьѣ

Ч. объ учителѣ «нѣмцѣ». Фамусовъ «еще съ пелепъ», «еще дитей для замысловъ какихъ то непонятныхъ возилъ его къ вельможѣ на поклонъ». Потомъ Ч. «съѣхалъ» отъ Фамусовыхъ: «ужъ у насъ ему казалось скучно и рѣдко посѣщалъ нашъ домъ». «Потомъ,—по словамъ Софьи,—онъ прикинулся влюбленнымъ, взыскательнымъ и огорченнымъ». Затѣмъ,—говоритъ Софья,—«о себѣ задумалъ онъ высоко. Охота странствовать напала на него». Онъ уѣхалъ за границу. «Слезами обливался, я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался», напоминаетъ Софьѣ Лиза. Онъ пробылъ «вдали три года». «Три года не писалъ двухъ словъ» Фамусовымъ. «Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ, не отъ болѣзни, чай, отъ скуки то вѣрнѣе»,—замѣчаетъ Лиза. По словамъ же самого Ч., онъ «хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ и не объѣхалъ сотой доли».

При возвращеніи душу Чацкаго «наполнилъ чадъ и дымъ надеждъ». Ч. «спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!» Его «чувствъ» къ Софьѣ и «движеній сердца» «ни даль не охладила, ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ». Онъ «дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно». «Сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря, верстъ больше семисотъ пронесся... Вѣтеръ, буря!.. и растерялся весь, и падалъ сколько разъ», «спѣшилъ, голову сломя», «гремя и день и ночь по снѣговой пустынѣ», мечтая о «прелести встрѣчъ! живомъ участьи! крикахъ! радости! надѣлсь найти въ Софьѣ «награду всѣхъ трудовъ». «Домой не заѣзжая», онъ направился прямо къ Фамусовымъ. «Чуть свѣтъ ужъ на ногахъ и я у вашихъ ногъ», привѣтствуетъ онъ Софью. Но его встрѣтили «холодности», «лицо святѣйшей богомолки». Софья «дичится его, какъ чужого», «какъ будто не прошло недѣли, какъ будто бы вчера вдвоемъ, мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли». И Ч. приходитъ къ мысли, «что, напослѣдокъ людей и лошадей знобя, онъ только тѣшилъ самъ себя». «Ахъ, тотъ скажи любви конецъ, кто на три года въ даль уѣдетъ».—«И всетаки» Ч. «безъ памяти любитъ» Софью. Первое время онъ только и говоритъ съ Фамусовымъ, что о «Софьѣ Павловнѣ», такъ что, наконецъ, Фамусовъ замѣтилъ ему: «тьфу, Господи прости, пять тысячъ разъ твердитъ одно и тоже! То Софья Павловна больна, то Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже». «Дайте мнѣ зайти хотя украдкой къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ,—проситъ онъ Софью,—тамъ стѣны, воздухъ, все пріятно!.. согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ воспоминанія объ томъ, что невозвратно». «Дознаться мнѣ нельзя ли,—спрашиваетъ онъ,—хоть и некстати, нужды нѣтъ: кого вы любите?» «Васъ онъ стоитъ ли? Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату, какъ человѣку вы, который съ вами взросъ, какъ другу вашему, какъ брату, мнѣ дайте убѣдиться въ томъ; потомъ отъ сумасшествія могу я остеречься, пущусь подалѣе—простыть, охолодѣть». «Есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та, чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался прахъ и суета? Чтобъ сердца каждое біенье любовью ускорялось къ вамъ? Чтобъ мыслямъ были бы и всѣмъ его дѣламъ душою *вы*, *вамъ* угожденье? Самъ это чувствую, сказать лишь не могу». Ч. не можетъ повѣрить, что С. «полюбила» Молчалина. Услышавъ ея похвалы Молчалину, Ч. дѣлаетъ выводъ, что только «сатира и мораль смыслъ этого всего». «Она его не уважаетъ»; «она не ставитъ въ грошъ его»: «значитъ, она его не любитъ». Послѣ же бесѣды съ Молчалинымъ, Ч. «почти громко» восклицаетъ:—«съ такими чувствами, съ такой душою, любимъ!.. обманщица смѣялась надо мною».—И вотъ онъ узналъ, наконецъ, «рѣшеніе загадки»: Софья «любитъ Молчалина». «Не впрямь ли я сошелъ съ ума?» вырывается у него при этомъ. «Вотъ я пожертвованъ кому! Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ. Глядѣлъ, и видѣлъ и не вѣрилъ». «О Боже мой! кого себѣ избрали, когда подумаю, кого вы предпочли!» обращается онъ къ Софьѣ. Когда же, затѣмъ онъ узнаетъ, что и «злобнымъ» «вымысламъ» (о сумасшествіи) «ей обязанъ»:—«Не образумлюсь...—говоритъ онъ,—виноватъ!.. И слушаю—не понимаю!.. Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ... Растерянъ мыслями... Чего то ожидаю... Слѣпецъ, я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?.. Предъ

кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко былъ расточитель нѣжныхъ словъ!» «Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали, что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ, что вамъ мой видъ, мои слова, поступки, все противно? Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ», укоряетъ онъ Софью. «Зачѣмъ меня надеждой завлекли?» «Довольно! съ вами я горжусь своимъ разрывомъ».

Вернувшись въ Москву, Чацкій думалъ, что «новаго» ему Москва «не можетъ показать ничего»: «вчера былъ балъ, а завтра два», характеризуетъ онъ Москву;—«тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ; все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ». «Дома новы, но предразсудки стары» и «ихъ не истребятъ ни годы, ни пожары». Но въ первый моментъ по возвращеніи, перечисляя представителей московскаго общества, Ч. говоритъ: «жить съ ними надоѣстъ и въ комъ не встрѣтишь пятенъ? Когда жъ постранствуешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Вечеромъ, на балу, онъ уже ьосклицаетъ: «мочи нѣтъ! Милліонъ терзаній въ груди отъ дружескихъ тисковъ, ногамъ отъ шаркацья, ушамъ отъ восклицаній, а пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ. Душа здѣсь у меня какимъ то горемъ сжата и въ многолюдствѣ я потерянъ: самъ не свой. Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!» Затѣмъ, оказывается, что черезъ какое то «колдовство нелѣпости о немъ всѣ въ голосъ повторяютъ» (о его «сумасшествіи»), «повѣрили глупцы, другимъ передаютъ, старухи вмигъ тревогу бьютъ и вотъ общественное мнѣніе! И вотъ то родина!»--восклицаетъ онъ.--«Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ». Окончательно «отрезвляется» онъ въ послѣдней сценѣ. «Куда меня закинула судьба? Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа, въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ, разсказчиковъ неукротимыхъ, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ, старухъ зловѣщихъ, стариковъ, дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!» «Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто съ вами день пробыть успѣетъ, подышитъ воздухомъ однимъ и въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ. Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ».

«Въ повозкѣ такъ то, на пути, необозримою равниной, сидя праздно, все что то видно впереди: свѣтло, сине, однообразно и ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь все таже гладь и степь и пусто и мертво... Досадно! Мочи нѣтъ! Чѣмъ больше думать станешь». «О, еслибъ кто въ людей проникъ,—думаетъ въ концѣ концовъ Чацкій,—что хуже въ нихъ, душа пли языкъ?» Судьба «людей съ душой гонительница, бичъ. Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ».

«Всѣ... осуждаютъ Чацкаго, по словамъ Фамусова. Самъ Фамусовъ называетъ его «опаснымъ человѣкомъ», «карбонаріемъ», говоритъ, что онъ «вольность хочетъ проповѣдать», «властей не признаетъ», его мнѣнія считаетъ «развратомъ», «завиральными идеями». «А судьи кто?» спрашиваетъ Чацкій. По его мнѣнію, эти «строіе цѣнители и судьи» въ Москвѣ—«старики», «богатые грабительствомъ», но «нашедшіе защиту отъ суда въ друзьяхъ и родствѣ»; «разливающіеся въ пирахъ и мотовствѣ» и становящіеся «чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже»; «знатные негодяи». «Доживъ до сѣдинъ», они «черпаютъ сужденья изъ забытыхъ газетъ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма». «Ихъ вѣкъ»—былъ вѣкъ «низкопоклонничества», «раболѣпства»; «вѣкъ покорности и страха, все подъ личиною усердія къ царю». Въ тѣ времена «тотъ и славился, чья чаще гнулась шея»; «не на войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ, стучали о полъ не жалѣя». «Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима».

Въ противоположность этому, Чацкій проповѣдуетъ идеалъ «свободной жизни», идеалъ человѣка, «не требующаго ни мѣстъ, ни повышеній въ чинъ», «вперяющаго умъ, алчущій познаній, въ науки», или «получившаго отъ Бога жаръ къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ». Онъ говоритъ «о жизни въ деревнѣ», которая «лѣтомъ рай», о «путешествіяхъ». Онъ не отказывается и «служить», но только «дѣлу, а не лицамъ». «Чуть низко поклонись,—

говоритъ о немъ Фамусовъ,—согнись-ка кто кольцомъ, хоть предъ какимъ ни есть лицомъ, такъ назоветъ онъ подлецомъ». На совѣтъ Молчалина «въ Москвѣ служить и награжденья брать и весело пожить», онъ отвѣчаетъ: «когда въ дѣлахъ, я отъ веселій прячусь, когда дурачиться — дурачусь, а смѣшивать два этихъ ремесла есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа».—«Чуть изъ насъ, изъ молодыхъ людей» отыщется такой «врагъ исканій»—говоритъ Чацкій—«они (т. е. «цѣнители и судьи») тотчасъ: «пожаръ! разбой! и прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ». Но всетаки «нынче свѣтъ ужъ не таковъ!»—восклицаетъ онъ. Теперь ужъ имъ «не воскресить прошедшаго житья подлѣйшія черты». «Вольнѣе всякій дышитъ и не торопится вписаться въ полкъ шутовъ». «Хоть есть охотники поподличать вездѣ, да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ». Въ московскомъ обществѣ Чацкаго «гнѣвитъ» еще одна черта. «Какъ европейское поставить въ параллель съ національнымъ—странно что то!»—говорятъ Ч-му на балу.—«Ахъ Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края! рѣшили двѣ княжны сестрицы, повторяя урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ». «Съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы, что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья».—«Французъ, подбитый вѣтеркомъ», «танцмейстеръ», можетъ разсчитывать «жениться» «на какой нибудь княжнѣ»: «чтожъ, онъ и кавалеръ!»—«Москва и Петербургъ во всей Россіи то, что человѣкъ изъ города Бордо, лишь только ротъ открылъ, имѣетъ счастье во всѣхъ княженъ вселять участье». «Французикъ изъ Бордо» и «чувствуетъ здѣсь себя маленькимъ царькомъ». Онъ ѣхалъ въ Россію «со страхомъ и слезами» «къ варварамъ», а находитъ, что здѣсь «ласкамъ нѣтъ конца. Ни звука русскаго, ни русскаго лица. Своя провинція». У насъ господствуетъ «чужевластье модъ». «Умный,—добрый нашъ народъ», даже «по языку» считаетъ насъ «за нѣмцевъ». Въ спорѣ на эту тему Чацкій «сердится и жизнь клянетъ» и готовитъ «отвѣтъ громовый». «Пускай меня отъявятъ старовѣромъ», говоритъ онъ, по хуже для меня сталъ сѣверъ во сто кратъ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—и правы, и языкъ, и старину святую, и величавую одежду на другую по шутовскому образцу». Теперь у насъ «смѣшные, бритые, сѣдые подбородки: какъ платье, волосы, такъ и умы коротки». Чацкій «возсылаетъ желанье» «Господу», чтобы Онъ «истребилъ нечистый этотъ духъ слѣпого подражанья», «жалкой тошноты по сторонѣ чужой».—«Ужъ если рождены мы все перенимать, восклицаетъ онъ, хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ».

Критика: Двойственная точка зрѣнія на характеръ Чацкаго послужила главнымъ образомъ причиной страстной полемики въ печати. Взглядъ критика «Вѣстника Европы» (М. А. Дмитріева) на Чацкаго какъ на «сумасброда», не былъ одинокимъ (см. стр. 56). Пушкинъ, высоко цѣня истинный талантъ Грибоѣдова, тѣмъ не менѣе, еще раньше Дмитріева, давалъ такую характеристику Чацкому: «пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под». (Письмо А. А. Бестужеву, 1825 г.). 2) Взглядъ самого Грибоѣдова, горячо защищавшаго Чацкаго, какъ «умнаго человѣка», передъ Катенинымъ (см. ниже «Горе отъ ума»).

Бѣлинскій въ своей статьѣ о «Горѣ отъ ума», отрицая въ Чацкомъ всякую глубину, опредѣлялъ его еще рѣзче: «полоумнымъ». 3) По мнѣнію Бѣлинскаго, Чацкій просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войдти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами, значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Что бы вы сказали о человѣкѣ, который,

войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина—есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?... Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоковѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ *ума*, а отъ *умничанья*. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ, и вышло Богъ-знаетъ что».

Такой взглядъ на Чацкаго, закрѣпленный Бѣлинскимъ, надолго удержался въ литературѣ, вплоть до переоцѣнки Гончарова.

Отрицалась реальность Чацкаго, или «правдоподобіе» его характера и какое либо общественное значеніе типа. И въ этомъ случаѣ въ основѣ лежалъ взглядъ Бѣлинскаго, что «противорѣчіе Чацкаго» только случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а съ кружкомъ лицъ». Но уже Апол. А. Григорьевъ признавалъ, что Ч. «есть единственное, истинное героическое лицо нашей литературы». Отъ его «возвышенной натуры» незаконно требовать равнодушнаго или спокойнаго отношенія къ окружающему «хамству».

4) «Говорятъ обыкновенно, что свѣтскій человѣкъ въ свѣтскомъ обществѣ, во-первыхъ, не позволитъ себѣ говорить того, что говоритъ Чацкій, а во-вторыхъ, не станетъ сражаться съ вѣтренными мельницами, проповѣдывать Фамусовымъ, Молчалинымъ и инымъ. Да съ чего вы взяли, господа, говорящіе такъ, что Чацкій свѣтскій человѣкъ, въ вашемъ смыслѣ, что Чацкій похожъ сколько-нибудь на разныхъ князей Чельскихъ, графовъ Слапачинскихъ, графовъ Воротынскихъ, которыхъ вы напустили впослѣдствіи въ литературу съ легкой руки французскихъ романистовъ? Онъ столько же не похожъ на нихъ, сколько не похожъ на Звонскихъ, Греминыхъ и Лидиныхъ. Въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой мерзости не спуститъ—вотъ и все; и позволитъ онъ себѣ все, что позволитъ себѣ его правдивая натура. А что правдивыя натуры есть и были въ жизни—вотъ вамъ налицо доказательства: старикъ Гриневъ, старикъ Багровъ, старикъ Дубровскій. Такую же натуру наслѣдовалъ, должно-быть, если не отъ отца, то отъ дѣда или прадѣда, Александръ Андреевичъ Чацкій... Другой вопросъ, сталъ ли бы Чацкій говорить такъ съ людьми, которыхъ онъ презираетъ?.. А вы забываете при этомъ вопросѣ, что Фамусовъ, на котораго изливаетъ онъ «всю желчь и всю досаду», для него не просто такое-то или такое-то лицо, а живое воспоминаніе дѣтства, «когда его возили на поклонъ» къ господину, который

Согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

А вы забываете, какая сладость есть для энергической души въ томъ, чтобы, по слову другого поэта,

Тревожить язвы старыхъ ранъ,

или

...смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Успокойтесь: Чацкій менѣе, чѣмъ вы сами, вѣритъ въ пользу своей проповѣди; но въ немъ желчь накипѣла, въ немъ чувство правды оскорблено. А онъ еще, кромѣ того, влюбленъ: знаете ли вы, какъ любятъ такіе люди? Не этою подлою (извините за прямоту выраженія) и недостойною мужчины любовью, которая поглощаетъ все существованіе въ мысль о любимомъ предметѣ и приноситъ въ жертву этой мысли все, даже идею нравственнаго совершенствованія. Чацкій любитъ со страстію, безумно, и говоритъ правду Софьѣ, что

Дышалъ я вами, жилъ, былъ занятъ безпрерывно;

но это значитъ только, что мысль о ней сливалась для него съ каждымъ благороднымъ помысломъ или дѣломъ чести и добра. Правду же говоритъ онъ, спрашивая ее о Молчалинѣ:

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

И подъ этою правдою кроется мечта о его Софьѣ, какъ способной постичь, что «міръ цѣлый» есть «прахъ и суета» предъ идеей правды и добра, или, по крайней мѣрѣ, способной оцѣнить это вѣрованіе въ любимомъ ею человѣкѣ, способной любить за это человѣка. Такую только идеальную Софью онъ и любитъ: другой ему не надобно; другую онъ отринетъ и съ разбитымъ сердцемъ пойдетъ

...искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Посмотрите, съ какой глубокой психологической вѣрностью ведетъ весь разговоръ Чацкаго съ Софьею въ третьемъ актѣ. Чацкій все допытывается, чѣмъ Молчалинъ его выше и лучше; онъ съ нимъ даже вступаетъ въ разговоръ, стараясь отыскать въ немъ

умъ бойкій, геній смѣлый,

и все-таки не можетъ, не въ силахъ понять, что Софья любитъ Молчалина именно за свойства, противоположныя свойствамъ его, Чацкаго, за свойства мелочныя и пошлыя (подлыхъ чертъ Молчалина онъ еще не видитъ). Только убѣдившись въ этомъ, онъ покидаетъ свою мечту, но покидаетъ, какъ мужъ, безповоротно!— видитъ уже ясно и безтрепетно правду. Тогда онъ говоритъ ей:

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушитъ—и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь и пеленать и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!

Вы, господа, считающіе Чацкаго Донъ-Кихотомъ, напираете, въ особенности, на монологъ, которымъ кончается третье дѣйствіе? Но, во-первыхъ, самъ поэтъ поставилъ здѣсь своего героя въ комическое положеніе и, оставаясь вѣрнымъ высокой психологической задачѣ, показалъ, какой комическій исходъ можетъ принять энергія несвоевременная; а во вторыхъ, опять-таки, вы, должно-быть, не вдумались въ то, какъ любятъ люди, подобные Чацкому, въ то, какъ вообще любятъ люди съ задатками даже какой-нибудь нравственной энергіи. Все, что говоритъ онъ въ этомъ монологѣ, онъ говоритъ для Софьи: всѣ силы души онъ собираетъ, всею натурою своей хочетъ раскрыться, все хочетъ передать ей разомъ, какъ въ «Доходномъ мѣстѣ» Жадовъ своей Полинѣ, въ послѣднія минуты своей, хотя и слабой (по его натурѣ), но благородной борьбы. Тутъ сказывается послѣдняя вѣра Чацкаго въ натуру Софьи (какъ у Жадова, напротивъ, послѣдняя вѣра въ силу и дѣйствіе того, что считаетъ онъ своимъ убѣжденіемъ), тутъ для Чацкаго вопросъ о жизни и смерти цѣлой половины его нравственнаго бытія. Что этотъ личный вопросъ слился съ общественнымъ вопросомъ—это опять-таки вѣрно натурѣ героя, который является единственнымъ типомъ нравственной и мужественной борьбы въ той сферѣ жизни, которую избралъ поэтъ,— единственнымъ до сихъ поръ даже человѣкомъ съ плотію и кровію посреди всѣхъ этихъ князей Чельскихъ, графовъ Воротынскихъ и другихъ господъ, расхаживающихъ съ англійскою важностью по мечтательному міру нашей великосвѣтской литературы.

Да! Чацкій есть—повторяю опять—нашъ единственный герой, т.-е. единственный положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили». (*А. Григорьевъ*. Сочиненія, т. I).

5) Еще рѣзче вопросъ «объ умѣ» Чацкаго поставилъ Гончаровъ. «Чацкій не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ—это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ «чувствителенъ и веселъ и остеръ». Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ, Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ—паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь «умъ».

И Онѣгинъ и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже «озлоблены», носили въ себѣ и «недовольство» и бродили, какъ тѣни, съ «тоскующею лѣнью». Но, презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, «блестѣть» и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серіозно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе—считалось квинтъ-эссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука «страсти нѣжной», а прочему всему они учились «чему-нибудь и какъ-нибудь»—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ, готовился серіозно къ дѣятельности. «Онъ славно пишетъ, переводитъ»,—говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно,

намекаетъ онъ самъ. О «тоскующей лѣни, о праздной скукѣ» и помину нѣтъ, а еще менѣе о «страсти нѣжной», какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серіозно, видя въ Софьѣ будущую жену.

Между тѣмъ, Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу—не найдя ни въ комъ «сочувствія живого», и уѣхать, увозя съ собой только «милльонъ терзаній».

Ни Онѣгинъ ни Печоринъ не поступили бы такъ неумно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но за то они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменныя статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою «глупость». (*Гончаровъ*. «Милльонъ терзаній»).

6) «Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь; «жизнь свободную». Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣритъ въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, словомъ—не очеловѣчился.

Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты,

онъ трезво остановится, какъ остановился передъ безсмысленнымъ отрицаніемъ «законовъ, совѣсти и вѣры» въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

Послушай, ври, да знай же мѣру.

Онъ очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что̀ уцѣлѣло, что̀, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, оставалось доживать свой срокъ, что̀ можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: проситъ дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ», не смѣшиваетъ «веселья или дурачества съ дѣломъ», какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы, «мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ», отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ пирахъ и мотовствѣ»—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеалъ «свободной жизни» опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода—«вперить въ науки умъ, алчущій познаній», или безпрепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»,—свобода «служить или не служить», «жить въ деревнѣ или путешествовать», не слывя за то ни разбойникомъ ни зажигателемъ,—и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ—отъ несвободы.

И Фамусовъ и другіе знаютъ это и, конечно, про себя всѣ согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещетъ на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу «свободной жизни».

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ,

между прочимъ—говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

Да онъ властей не признаетъ!

Итакъ, лжетъ и онъ, потому что ему нечего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой—она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное боится ступить очередной шагъ впередъ.

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей, въ свою очередь, смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ самолюбіе или славолюбіе, но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой «милльонъ терзаній», и никакая высота положенія не спасетъ отъ него. Очень немногимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились, хотя и безкорыстно, но не для себя и не за себя, а для будущаго и за всѣхъ, и успѣли.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой, Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Горація и Куріація, миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла, будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ,—ни группировались люди—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта «учиться, на старшихъ глядя», съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ «свободной жизни» впередъ и впередъ—съ другой.

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарѣется когда-нибудь грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ,—или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ сервантесовскаго Донъ-Кихота и шекспировскаго Гамлета являлись и являются безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться грибоѣдовскіе мотивы и слова, и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его, Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова! Много можно бы привести Чацкихъ—являвшихся на очередной смѣнѣ эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда—громкихъ, великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы видѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ. Вспомнимъ, не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, а возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, напримѣръ, Бѣлинскаго. Многіе изъ насъ знали его лично, а теперь знаютъ его всѣ. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ—и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у грибоѣдовскаго Чацкаго. И такъ же онъ умеръ, уничтоженный «милльономъ терзаній, убитый лихорадкой ожиданія и не дождавшійся исполненія своихъ грезъ, которыя теперь уже не грезы больше.

Оставя политическія заблужденія Герцена, гдѣ онъ вышелъ изъ роли нормальнаго героя, изъ роли Чацкаго, этого съ головы до ногъ русскаго человѣка,—вспомнимъ его стрѣлы, бросаемыя въ разные темные, отдаленные углы Россіи, гдѣ онѣ находили виноватаго. Въ его сарказмахъ слышится эхо грибоѣдовскаго смѣха и безконечное развитіе остротъ Чацкаго.

И Герценъ страдалъ отъ «милльона терзаній», можетъ быть, всего болѣе отъ терзаній Репетиловыхъ его же лагеря, которымъ у него при жизни не достало духа сказать: «ври, да знай же мѣру!»

Но онъ не унесъ этого слова въ могилу, сознавшись по смерти въ «должномъ стыдѣ», помѣшавшемъ сказать его.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій не облеченъ такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ, идея, ходячая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочности своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона,—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ, если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ, то едва ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ навстрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, часто не равную, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не знаетъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе?

Нѣтъ, Чацкій—по нашему мнѣнію—изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но, повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи». (*Гончаровъ.* «Милльонъ терзаній»).

7) Такой взглядъ на Чацкаго послѣ Гончарова сталъ господствующимъ: Чацкій «полупомѣшанный», если думаетъ повліять на Фамусова и Молчалина. Но такимъ же полупомѣшанными были и Радищевъ, вздумавшій болѣе ста лѣтъ тому назадъ говорить вещи, еще и теперь запретныя, и декабристы, лучшія черты которыхъ Грибоѣдовъ воплотилъ въ Чацкомъ, и длинный рядъ послѣдующихъ чудаковъ, какъ бы задавшихся цѣлью доказать, что и одинъ въ полѣ воинъ. А у самого Бѣлинскаго, какъ уже замѣтилъ Гончаровъ, развѣ не «звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго?» То разгоняя воспитанную на чтеніи веселой «Библ. д. Чт.» публику мудреною философіей, то сбрасывая съ пьедестала излюбленные кумиры, то пламенно проповѣдуя идеалы, чуждые подавляющему большинству тогдашняго общества, развѣ онъ не былъ тѣмъ же Чацкимъ на Фамусовскомъ балу, развѣ на него не смотрѣли какъ на человѣка свихнувшагося отъ «умничанія» и нѣмецкой философіи? Но историческое значеніе Чацкаго и его братьевъ по духу въ томъ и заключается, что чувство, ими завладѣвшее, такъ сильно и жгуче, что они не могутъ дождаться, когда будетъ «умѣстно» и «своевременно» проповѣдывать, что имъ немедленно надо излить свое пламенное негодованіе. И излить его не предъ людьми, родственными по духу, какъ совѣтуетъ Бѣлинскій, а именно предъ Фамусовымъ и его гостями, чтобы взбудоражить ихъ, взбѣсить, довести до бѣлаго каленія: въ этомъ вся поэзія борьбы. Безграничное значеніе того, что именно въ этой якобы «неподходящей» обстановкѣ Чацкій произвелъ «скандалъ». Ужасъ и недоумѣніе, въ которые онъ повергъ «Грибоѣдовскую Москву», дали огромную огласку его« завиральнымъ идеямъ», вѣсть о нихъ дойдетъ теперь до людей чуткихъ, и въ ихъ душѣ сѣмя истины примется прочно, какъ принялась и разрослась пышнымъ цвѣтомъ одинокая сначала проповѣдь Чацкаго-Бѣлинскаго въ лучшихъ сердцахъ великаго поколѣнія сороковыхъ годовъ (*Венгеровъ.* Сочиненія Бѣлинскаго, т. V, прим. 29-ое).

8) «Характеристика Чацкаго по тѣмъ указаніямъ, которыя намъ даетъ комедія, дѣло не легкое. Изъ всѣхъ типовъ это наиболѣе колеблющійся и неопредѣленный, такъ какъ авторъ былъ очень скупъ на свѣдѣнія объ этомъ, повидимому, ему очень близкомъ лицѣ. Мы не знаемъ ничего о дѣтствѣ Чацкаго и его ранней юности, мы не знаемъ, какъ его воспитывали, не знаемъ даже, кончилъ ли онъ какое-нибудь высшее учебное заведеніе. О чемъ онъ думалъ, чѣмъ занимался—намъ это неизвѣстно. Есть глухое указаніе на какую-то его «связь съ министрами», но маловѣроятно, чтобы у этого мальчика (а съ министрами

онъ, очевидно, былъ знакомъ до своего отъѣзда изъ Россіи, когда ему было 18 лѣтъ), были какія-нибудь серьезныя сношенія съ дѣловыми людьми. Гдѣ онъ пропадалъ три года?—спросимъ мы, и на этотъ вопросъ тоже нѣтъ отвѣта. Онъ былъ, конечно, за границей, такъ какъ сказано, что онъ видѣлъ «свѣтъ» и уѣхалъ «въ даль», а если бы онъ жилъ въ Петербургѣ, то за три года навѣрное побывалъ бы въ Москвѣ, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть на Софью Павловну. Чѣмъ онъ занимался за границей, въ какихъ кругахъ вращался—этой, для того времени очень важной, справки намъ авторъ не даетъ. Наконецъ, куда уѣзжаетъ Чацкій и гдѣ его оскорбленное чувство находитъ себѣ уголокъ—на станціяхъ ли безконечной дороги, у себя въ усадьбѣ (кстати, какъ онъ смотрѣлъ на эту свою обязанность помѣщика? Имѣніемъ, мы знаемъ, онъ управлялъ оплошно, но противъ крѣпостного права декламировалъ хорошо) или, быть можетъ, опять за границей? Кто знаетъ? Онъ появляется передъ нашими глазами въ одно прекрасное утро, и ночью того же дня исчезаетъ, какъ таинственный незнакомецъ.

Въ комедіи ему выдается неопредѣленная аттестація: онъ очень гордъ и большой насмѣшникъ. Пока онъ не появлялся, эта насмѣшливость располагаетъ къ его пользу, а не отталкиваетъ».

«...Передъ нами собственно два Чацкихъ: одинъ — влюбленный юноша, «франтъ-пріятель, отъявленъ мотомъ, сорванцомъ», какъ его аттестуетъ Фамусовъ; гордый, самолюбивый юноша, насмѣшникъ и насчетъ идей довольно беззаботный. Другой—серьезный обличитель разныхъ общественныхъ недуговъ, сатирикъ, съ большой дозой гражданской скорби, съ очень горячей душой. Первый ведетъ себя не умно: плохо знаетъ женское сердце и пренебрегаетъ приличіемъ, любовную интригу ведетъ крайне неумѣло и на каждомъ шагу рискуетъ подставить себя подъ цѣлый рядъ непріятныхъ замѣчаній со стороны людей, которыхъ онъ имѣетъ всѣ основанія не уважать. Фамусовъ былъ правъ, когда сказалъ ему: «Поди-ка, послужи!»—напирая на то, что онъ ни къ какому дѣлу не примкнутъ; ему и Скалозубъ могъ замѣтить:—«я всетаки сидѣлъ въ траншеѣ, а вы?» Наконецъ, и Молчалинъ, если бы онъ собрался съ духомъ, могъ бы и намекнуть Чацкому, что онъ, Молчалинъ, все-таки трудится и зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, а Чацкій живетъ на даровыхъ хлѣбахъ.

Второй Чацкій — тотъ ведетъ себя тоже не умно, потому что говоритъ всегда некстати и передъ лицами глухими, но рѣчь его умна и полна темперамента и смысла, полна искренняго увлеченія предметомъ, о которомъ она трактуетъ. Видно, что онъ велъ долгія бесѣды съ Грибоѣдовымъ. Но изъ этихъ рѣчей нельзя себѣ составить яснаго понятія объ его міросозерцаніи. Мы не знаемъ, насколько этотъ представитель молодого поколѣнія отстаетъ отъ своего времени или опережаетъ тогдашнее движеніе религіозной, общественно и политической мысли. Мы знаемъ только, что противъ старины онъ возстаетъ во имя туманнаго, но весьма честнаго идеала. Онъ, конечно, не консерваторъ, но онъ и либералъ безъ программы. Въ единственномъ вопросѣ, по которому онъ высказывается болѣе подробно,—по вопросу о національномъ чувствѣ, онъ, кажется, склоняется въ сторону націонализма и очень подозрительно смотритъ на иноземное вліяніе. Онъ правъ, потому что обрушивается на смѣшныя стороны подражанія, но гдѣ граница между смѣшнымъ и вреднымъ подражаніемъ и полезнымъ заимствованіемъ—онъ не указываетъ. Если дѣйствительно такіе Чацкіе встрѣчались въ самой жизни, то это были образцы еще совсѣмъ не сформировавшихся молодыхъ людей, большихъ энтузіастовъ и критикановъ, въ сердцѣ и умѣ которыхъ бродили всѣ мысли и чувства; эти люди понимали, что такъ жить, какъ живутъ старики,—нельзя, но они даже для собственнаго обихода не имѣли пока еще сознанія яснаго пути». (*Н. А. Котляревскій.* Лит. напр. въ Алекс. эпоху).

9) «Окончательное одиночество Чацкаго въ своемъ обществѣ—это превос-

ходное драматическое изложеніе той самой темы, которая была такъ трогательно намѣчена въ лирическомъ стихотвореніи поэта [1]) той же эпохи:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!...
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ...
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Но у насъ не обращали вниманія на то, что Чацкій, повидимому, возвращается изъ путешествія уже отчасти разочарованнымъ. На слова Софьи: «гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ! Гдѣ жъ лучше?» Онъ, какъ извѣстно, отвѣчаетъ: «гдѣ насъ нѣтъ!» Иногда объясняютъ это такимъ образомъ: «гдѣ русскихъ нѣтъ». Но проще понимать въ буквальномъ смыслѣ, довольно близкомъ къ поговоркѣ: «славны бубны за горами».

Вспомнимъ, что слѣдуетъ далѣе? «Когда пространствуешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». На теперешней нашей сценѣ Чацкій говоритъ это съ глубокимъ презрѣніемъ [2]). Но это совершенно не вѣрно. Чацкій, несмотря на сознаваемые имъ изъяны въ барской московской средѣ, горячо любитъ свое отечество. «И вотъ та родина!» съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ послѣ милліона терзаній, постигшихъ его на балу у Фамусова, хотя не можетъ, конечно, винить въ этомъ «умный и добрый народъ», о которомъ съ такимъ сочувствіемъ отзывается онъ передъ московскими grand seigneur'ами. Вспомнимъ, для сравненія, стихи Батюшкова о возвращающемся Одиссеѣ, написанные имъ по прибытіи домой изъ Парижскаго похода и кончающіеся словами «очнулся онъ, и что жъ? отчизны не узналъ!» Поэтъ, очевидно, возлагалъ на нее упованія, соотвѣтствовавшія ея выдающемуся положенію въ событіяхъ времени; эти патріотическія упованія невольно вызывались и тѣмъ, что нельзя было быть довольнымъ тогдашней Европой. Другой поэтъ,—тотъ, стихи котораго не разъ приводились выше,—писалъ изъ Парижа въ 1815 г.: «Наши союзники надменностію и жестокостію своею скоро выведутъ изъ терпѣнья народъ, въ сердцахъ котораго еще съ прежнею горячностію кипитъ любовь къ независимости». «Ваши офицеры, ваши солдаты не такъ обходятся съ нами», говорили ему французы: «вашъ Александръ покровитель намъ, онъ нашъ благодѣтель; но союзники его кровопійцы». Между тѣмъ, эти союзники сумѣли распорядиться такимъ образомъ, что Россіи навязано было главенство въ томъ дѣлѣ р е а к ц і и, которое было такъ нужно Австріи и быстрые успѣхи котораго во всей Европѣ заставили Байрона въ озлобленіи обозвать ее нашею и з н о ш е н н о ю Е в р о п о й. Вотъ въ какую пору путешествовалъ Чацкій. Собственно только Пруссія умѣла умно ухватиться за внутреннія преобразованія, какъ за вѣрнѣйшее средство возстановленія своего политическаго значенія. Не пустить на подобный путь Россію—стало завѣтною цѣлью политики Меттерниха, а она нашла себѣ въ этомъ поддержку съ различныхъ сторонъ. Остановка внутренняго роста Россіи должна была подкопать ея черезчуръ уже выдвинувшееся впередъ политическое могущество. Торжественно вручить этой, какъ ее называли, освободительницѣ Европы два тормаза—одинъ для ея внутреннихъ дѣлъ, другой—для внѣшней политики, значило—и скорѣе

[1]) Рылѣева. *Ред.*
[2]) См. стр. 68—69. *Ред.*

достигнуть ея стараніемъ своихъ собственныхъ реакціонныхъ цѣлей, и обратить на нее ожесточенные взоры народовъ. Эта «послѣдняя лесть была горше первой»—даже горше того, что и такіе европейскіе люди, какъ пылкій республиканецъ Лагарпъ, становились у насъ на сторону остзейскихъ бароновъ въ дѣлѣ задержки освобожденія крестьянъ и, такимъ образомъ, прямо попадали въ ряды тѣхъ «кліентовъ-иностранцевъ», которые не только не истребляли, но даже поддерживали у насъ «прошедшаго житья подлѣйшія черты». Еще задолго до Грибоѣдова, при Екатеринѣ, лучшіе русскіе люди, и именно ревнители п р о с в ѣ щ е н і я, хорошо понимали, какъ мало было настоящаго проку отъ нашего «европеизма» для нашего н а р о д а. Грибоѣдовъ еще въ программѣ своей ненаписанной драмы спрашивалъ устами Наполеона: «самъ себѣ преданный,—что бы онъ могъ произвести?»[1]). А глазами Чацкаго Грибоѣдовъ искалъ и не находилъ у насъ той печати истиннаго европеизма, которая заключается въ этой «преданности себѣ». Какъ ни мало привлекательнаго представляла Чацкому современная ему полоса въ европейской жизни, все же въ каждомъ народѣ находилъ онъ тамъ характерность, ясно сознанную потребность стоять на своихъ ногахъ. Не встрѣтивъ, по возвращеніи въ отечество, «ни звука русскаго, ни русскаго лица», не только что рѣшимости «смѣть свое сужденіе имѣть»,—мудрено ли, если онъ молитъ, чтобы Господь истребилъ у насъ этотъ нечистый молчалинскій духъ «пустого, рабскаго, слѣпого подражанья», доходя въ пылу увлеченія до того, что готовъ сочувствовать даже китайцамъ въ ихъ «премудромъ незнаньи иноземцевъ». Чацкому стыдно за нашу безхарактерность передъ «добрымъ и умнымъ русскимъ народомъ», который давно уже сочувственно рисовался поэту со всѣми своими о с о б е н н о с т я м и. Грибоѣдовъ не даромъ изучалъ лѣтописи своего отечества. Онѣ выдвинули передъ нимъ не только его и с п о л и н о в ъ, но и ту сплошную земскую силу, которая завершила свою расправу съ татарщиной самовольнымъ покореніемъ Сибири и спасла отъ крушенія расшатанное, казалось, въ конецъ государственное зданіе Россіи въ 1613 г., когда большинство служилыхъ верховъ и тѣломъ и душой отдалось врагамъ. Она вывезла насъ и въ Отечественную войну, несмотря на всѣ тѣ «отличія и искательства», которыя, по выраженію Грибоѣдова, «уничтожали всю поэзію великихъ подвиговъ». Передъ историческимъ взглядомъ поэта наше военное и политическое торжество въ его время вполнѣ объяснились характеромъ русскаго народа. Тѣмъ оскорбительнѣе долженъ былъ представляться ему тотъ способъ объясненія современныхъ событій ч у д о м ъ, который, сложившись въ мистической головѣ какой-нибудь M-me Крюднеръ, оказывался весьма пригоднымъ для того, чтобы отводить кому нужно, глаза отъ простого русскаго человѣка. Вспомнимъ, что въ старомъ грибоѣдовскомъ планѣ драмы онъ имѣлъ своего представителя, возвращающагося, послѣ величайшихъ подвиговъ, подъ отеческую палку (а вмѣстѣ съ тѣмъ и цивилизованную бритву) помѣщика. Лучшіе русскіе люди того времени, которыхъ представителемъ и является Чацкій, не были совершенно удовлетворены и исторіей Карамзина, потому что въ ней, по ихъ мнѣнію, все же недостаточно выдвигалось впередъ самодѣятельное значеніе русскаго народа. Онъ, этотъ «умный и добрый» (а по нѣкоторымъ грибоѣдовскимъ рукописямъ б о д р ы й) народъ представлялся имъ не безроднымъ бѣднякомъ-неудачникомъ, постоянно ждущимъ какой-то милостивой подачки, а имѣвшимъ свое многотрудное прошлое и уже своимъ умѣньемъ все перебыть и все перемочь предъявляющимъ свои неоспоримыя права на историческое совершеннолѣтіе. Такими отношеніями къ родному народу и родной странѣ окончательно выясняется образъ Чацкаго, какъ представителя тѣхъ людей эпохи, которые переросли цѣлою головой не только тогдашнее, но и позднѣйшее образованное

[1]) «1812 годъ». *Ред.*

большинство. Очень недостаточное пониманіе этого возвышеннаго лица проявилъ даровитый современный сатирикъ, заставляя его завершить свое поприще поступленіемъ въ директоры «департамента умопомраченій». Кто другой, а не герой Грибоѣдова кандидатъ на такое мѣсто!

Не сдавать его въ этотъ смѣшной архивъ должны мы, а желать и въ то же время бояться его возрожденія между нами. Да, б о я т ь с я—потому что онъ бы навѣрное захотѣлъ—и словомъ своимъ и примѣромъ—насъ подстегнуть, «какъ крѣпкою вожжей». А что если бы ему представилось и теперь тамъ и сямъ дополненныя и исправленныя изданія тѣхъ же типовъ: Фамусовы разныхъ сортовъ, проводящіе всѣми мѣрами на всевозможныхъ поприщахъ себя и своихъ, руководясь, за неимѣніемъ какой-либо ясной идеи, мнѣніемъ той или другой Марьи Алексѣевны; Скалозубы, готовые проводить въ Вольтеры все того же, хотя, можетъ быть, и довольно грамотнаго фельдфебеля; Репетиловы, воображающіе себя «охранителями»; Молчалины, видящіе въ себѣ «либераловъ»; Загорѣцкіе всѣхъ видовъ и размѣровъ въ рядахъ и такъ называемыхъ консерваторовъ и такъ называемыхъ прогрессистовъ. Что если за встрѣчу съ подновленными экземплярами его старыхъ знакомыхъ ему бы пришлось расплатиться тѣмъ же милліономъ терзаній—да еще съ процентами?.. (*Ор. Миллеръ*).

10) «Въ рѣчахъ Чацкаго трепещетъ такое искреннее волненіе, какое. при всемъ умѣніи автора вживаться въ характеры дѣйствующихъ лицъ, могла вдохнуть въ героя комедіи лишь страстная личная убѣжденность писателя. Иной разъ, безотчетно, мы поддаемся прежде всего этой искренности, словно заслушавшись горячихъ, блестящихъ, часто нетерпимыхъ рѣчей сатирика и испытавъ очарованіе, о которомъ говорятъ Пушкинъ, Бестужевъ, Полевой. Намъ дороги даже преувеличеніе, полемическій задоръ, поспѣшные приговоры сгоряча, скачки и быстрые переходы въ темпѣ рѣчи, то чувствительной, то насмѣшливой,—вѣдь и это личныя свойства творца Чацкаго.

А убѣжденія героя комедіи,—что-то совсѣмъ своеобразное для той поры, слитое изъ народничества и европеизма, любви къ старинѣ и сочувствія современному общественному движенію, вздоховъ о былой здоровой простотѣ жизни, и поддержки такихъ благъ новой цивилизаціи, какъ высшее образованіе, свобода мнѣній, взаимное обученіе въ народной школѣ,—гордость новымъ вѣкомъ, когда «вольнѣе всякій дышетъ», въ человѣкѣ, способномъ позавидовать вѣковой замкнутости китайцевъ,—развѣ это не живой отпечатокъ взглядовъ самого Грибоѣдова съ его свободной ролью между партіями и направленіями, и русскимъ патріотизмомъ на европейской основѣ?

Но устами Чацкаго онъ говорилъ «за себя и за многихъ». Онъ самъ указалъ на то, что Чацкій «въ друзьяхъ особенно счастливъ»,—и, конечно, друзья эти, среди которыхъ онъ не могъ не явиться руководителемъ и вождемъ, исповѣдывали тѣ же убѣжденія. Они, подобно ему, не владѣли готовою теоріей, выработанной въ мелочахъ программой дѣйствій, у нихъ было всего лишь «пять-шесть мыслей здравыхъ», но своею «связью съ министрами, потомъ разрывомъ» онъ показалъ имъ, что настало время людямъ «съ душой» искать вліянія на дѣла, остановить наплывъ реакціи. Изъ-за Чацкаго намъ видится его кружокъ, изъ-за Грибоѣдова—его поколѣніе, лучшіе люди двадцатыхъ годовъ, подъ знаменемъ народности, старины и европеизма, съ «Русской Правдой», оттолоскамп старославянскихъ доблестей и англійской гражданственности, выступившіе, какъ пушкинскій «свободы сѣятель пустынный до зари», развѣянные по лицу земли.

Пусть же не задаютъ празднаго вопроса: возможенъ, реаленъ ли Чацкій. Онъ—живое, яркое и подлинное лицо,—потому что нѣкогда жилъ и дѣйствовалъ Грибоѣдовъ,—потому что его окружали солидарные съ нимъ его единомышленники, въ которыхъ не разъ мы нашли бы чистокровныя черты Чацкаго. Это Чаадаевъ, Николай Тургеневъ, Рылѣевъ, Михаилъ Орловъ; въ предыдущемъ поколѣніи ихъ предтеча—Радищевъ; въ послѣдующемъ, какъ мѣтко указалъ

еще Гончаровъ, ихъ потомки—Бѣлинскій и Герценъ. Родословное древо Чацкаго разрастается, раскидываетъ вѣтви и крѣпко пустило корни въ почвѣ». (*А. Весловскій.* Этюды).

11) «Если вы вдумаетесь въ тѣ вопросы, которые поднялъ вокругъ себя Чацкій, то вы увидите, что всѣ послѣдующіе публицисты и сатирики только пережевывали его жвачку. Раньше Пушкина и Тургенева, Чацкій заклеймилъ крѣпостное право двустишіемъ: «На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ— отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей»... Онъ первый заставилъ нашихъ реакціонеровъ живо и страстно высказаться противъ науки: «ученье—вотъ чума, учепость—вотъ причина», или: «тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора! У нихъ учился нашъ родня... Онъ—химикъ, онъ—ботаникъ!» Вѣдь эти восклицанія, въ сущности, предусматриваютъ шестидесятые годы и возмущеніе противъ базаровскихъ лягушекъ!.. Чацкій благородно взывалъ къ чувству собственнаго достоинства и къ «свободной жизни русскихъ людей, къ которой вражда предыдущаго вѣка», «за древностью лѣтъ», была непримирима. Объ этомъ вѣкѣ онъ, не обинуясь, сказалъ: «прямой былъ вѣкъ покорности и страха, все подъ личиною усердія къ царю!» Своимъ отношеніемъ къ Фамусову и Молчалину онъ уже намѣтилъ основные мотивы щедринской сатиры на бюрократію. А безвредное фрондерство «нашихъ старичковъ» — этихъ настоящихъ «канцлеровъ въ отставкѣ по уму»? А геніальныя каррикатуры нашихъ клубныхъ заговорщиковъ?... Кто вызвалъ всѣ эти, какъ бы случайныя и драгоцѣнныя разоблаченія, какъ не Чацкій, т. е. опять таки Грибоѣдовъ?»

«Это не крикунъ и не ходатай, а спокойная сила, сознающая свое превосходство. Кромѣ того, это не призракъ, не пошлая публицистическая аллегорія, а живой человѣкъ, съ общечеловѣческими страстями и привязанностями, съ опредѣленно-очерченнымъ въ пьесѣ событіемъ изъ его жизни, имѣвшемъ громадное значеніе для его сердца — это, если хотите, влюбленное историческое лицо, которое нестерпимо до глубины своей души, пострадало въ этомъ эпизодѣ, но, конечно, не перестало быть историческимъ». (*С. А. Андреевскій*).

12) «Чацкій послужилъ ферментомъ благодатнаго волненія въ Россіи; но общество тогда изгнало, осмѣяло его гражданскій пафосъ, а дочь этого общества отвергла его любовь. Онъ пережилъ горькую обиду; но если есть утѣшеніе въ томъ, что потомство за него заступилось, то это утѣшеніе дано ему сполна. Вынесенное имъ горе отъ ума, отъ умнаго слова, нашло себѣ сочувственный откликъ среди позднѣйшихъ русскихъ дѣятелей, и они привѣтствуютъ въ Чацкомъ рыцаря слова, человѣка отважной и честной рѣчи,—какъ бы ни расцѣнивать національно-историческіе моменты его проповѣди».

«Въ «царство молчанія», въ неподвижную среду догматическаго міровоззрѣнія, воплощенной традиціи, окаменѣлаго прошлаго огненной молніей врѣзалась свободная рѣчь Чацкаго, и эта рѣчь опалила его слушателей, но она сожгла и сердце самого оратора. Чацкій, первый заговорившій русскій человѣкъ, всѣхъ напугалъ, оскорбилъ, произвелъ «кутерьму», и всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали: «зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ?» Въ безмолвной средѣ раздалась живая рѣчь,—и всѣ испуганно оглянулись. Самый фактъ, что кто-то заговорилъ, что кто-то осмѣлился гласно объявить пять-шесть мыслей здравыхъ, — самый фактъ уже предосудителенъ, и онъ предрѣшаетъ содержаніе рѣчи. Ясно, что она будетъ протестующей, критической; ясно, что это будетъ вызовъ крѣпостному строю жизни, тѣмъ людямъ, которые отторгаютъ дѣтей отъ матерей и отцовъ. Вѣдь, если удовлетворяться этимъ строемъ, если чувствовать себя хорошо, то нѣтъ нужды говорить: тогда—мы уже видѣли—лучше молчать, какъ это и дѣлаетъ, какъ и молчитъ Молчалинъ. Чацкій, дѣйствительно, возсталъ противъ крѣпостного общества, и оно дало ему холодный отпоръ, и когда онъ послѣ своего пламеннаго монолога оглянулся, то вокругъ него не было слушателей, и всѣ съ

величайшимъ усердіемъ кружились въ вальсѣ... Но этого было мало. Чацкаго нашли помѣшаннымъ; какъ огонь по пороховой ниткѣ, пробѣжала эта сплетня, и въ его присутствіи о немъ стали говорить уже въ прошедшемъ времени. Судьба оказалась еще насмѣшливѣе, чѣмъ Чацкій, и онъ испыталъ всю ея жестокую иронію: умный, онъ былъ признанъ безумнымъ».

«У него сильный и пылкій темпераментъ, въ немъ играютъ возбужденные нервы, его насмѣшливость нехолодна и безучастна, и когда онъ жжетъ другихъ своимъ укоризненнымъ словомъ, онъ горитъ и самъ. Онъ не только взыскательный, но и огорченный. То умное, что проповѣдуетъ Чацкій, могло быть облегчено и въ иную натуру, въ иную психологическую форму; Грибоѣдовъ избралъ изъ этихъ формъ самую жизненную и свѣтлую и тѣмъ стяжалъ себѣ высокую художественную заслугу. Пусть онъ назвалъ свое произведеніе «Горе отъ ума», но онъ не смотрѣлъ на жизнь какъ Эразмъ Роттердамскій, который все дурное въ этомъ мірѣ считалъ порожденіемъ одной только глупости и самъ накопилъ гораздо больше, «ума холодныхъ наблюденій», чѣмъ «сердца горестныхъ замѣтъ».

«Умъ Чацкаго, это гораздо больше, чѣмъ одна только разсудочная сила; это вся натура, вся цѣльная, благородная личность. Если бы онъ былъ только умный, то, можетъ быть, никакого живого горя и не испыталъ бы: онъ страдаетъ не отъ сердца, отъ чувства. И вотъ почему онъ не можетъ молчать даже передъ такой неблагодарной и неподходящей аудиторіей, какъ Фамусовъ и его присные, вотъ почему онъ не можетъ быть равнодушенъ къ чужой косности, и слово, которое у него клокочетъ въ груди, неудержимо стремится на уста, изливается жгучимъ потокомъ.

На ряду съ типичными чертами протестующаго гражданина Грибоѣдовъ вдохнулъ въ Чацкаго еще искру яркой индивидуальности, удивительнаго своеобразія, и это знаменательно, что фигура литературная, созданіе творческой фантазіи, Чацкій тѣмъ не менѣе похожъ на нѣкоторыхъ живыхъ людей русской дѣйствительности. Литература и жизнь сошлись».

«Своеобразіе Чацкаго, кромѣ его симптомичной несдержанности, заключается и въ томъ, что умъ у него «съ сердцемъ не въ ладу». Это сердце у него ласковое, нѣжное, горячее, и «каждое біеніе» въ немъ «любовью ускоряется». Когда онъ проситъ у Софьи отвѣтной любви и хочетъ разлучить ее съ Молчалинымъ, онъ ссылается не на преимущества своего ума,—онъ говоритъ о своей страсти, о чувствѣ, о пылкости. Онъ не врагъ людей. Онъ «веселъ и чувствителенъ», онъ не мизантропъ и въ этомъ отношеніи не похожъ на своего близкаго родственника, мольеровскаго Альцеста. Онъ даже не замѣчаетъ своей язвительности и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ у Софьи:

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?

И въ смѣхѣ его больше горечи, чѣмъ злобы, и въ шуткахъ своихъ онъ менѣе всего походитъ на полковника Скалозуба, (который, вѣдь, тоже шутитъ).

Но хотя язвительный умъ Чацкаго и его любящее сердце не ладили между собой, они въ концѣ концовъ нашли себѣ печальное примиреніе: имъ встрѣтился одинъ и тотъ же соперникъ, ихъ соединила общая горькая судьба и слила одна невзгода. Чацкій страдаетъ и какъ гражданинъ, и какъ любовникъ: онъ оскорбленъ и въ своихъ общественныхъ идеалахъ, и въ своемъ чувствѣ. И самая отчужденность его отъ Софьи служитъ лишь роковымъ проявленіемъ его общаго одиночества и сиротства въ Москвѣ, въ Россіи.

Какъ гражданинъ онъ видитъ предъ собою наивно-цѣльное міровоззрѣніе, какое-то эпическое спокойствіе оцѣпокъ и понятій». (*Ю. Айхенвальдъ.* Силуэты).

13) Сопоставляя героя «Мизантропа» съ Чацкимъ, Веселовскій считаетъ, что въ лицѣ Чацкаго и Альцеста видимъ въ лицѣ героя развитого и умнаго человѣка, доходящаго иногда до крайняго пессимизма, рѣзкаго въ сужденіяхъ и отношеніи

къ людямъ; его одиночество среди нихъ скрашиваетъ лишь привязанность къ женщинѣ, которая предпочитаетъ ему глупца; не вѣря этому вполнѣ, онъ ее идеализируетъ, прощая ей слабости и надѣясь на ея исправленіе. Случайность (находка и чтеніе письма Селимены, подслушанные Чацкимъ толки о немъ въ швейцарской и сцена между Софьей и Молчалинымъ) открываетъ ему глаза, послѣдня надежды рушатся, и онъ порываетъ всѣ связи съ обществомъ». (*А. Веселовскій.* Этюды).

«Ни Мольеръ, ни Грибоѣдовъ не думали выставлять центральное лицо въ своихъ произведеніяхъ безусловно образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бы идеальнымъ и по направленію и по образцу дѣйствій. Грибоѣдовъ заставляетъ Чацкаго сдѣлать довольно умѣренную оцѣнку и себя самого и подобныхъ ему людей (въ пятомъ явленіи 2-го дѣйствія въ монологѣ конца третьяго акта); передъ нами не всеобъемлющій умъ, не цѣльная натура; у Чацкаго много чистыхъ стремленій къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, къ наукѣ, у него «найдется пять, шесть мыслей здравыхъ», и онъ смѣло и гласно объявляетъ ихъ, но еще вопросъ, только ли въ формѣ протеста, усвоеннаго Чацкимъ, представлялась широко образованному Грибоѣдову общественная дѣятельность людей выдающихся». Точно такъ же и Мольеръ не хочетъ закрывать глаза на извѣстныя слабости своего героя, на излишнюю его горячность и запальчивость, которая разгорается иногда отъ незначительныхъ поводовъ, на нетерпимость, отзывающуюся иногда чуть не доктринерствомъ. Въ запальчивости оба склонны къ крайнимъ выходкамъ, которыхъ нельзя принимать буквально, а объяснить можно лишь раздраженіемъ, выходящимъ изъ предѣловъ. Альцестъ въ состояніи сгоряча сказать Селименѣ, что «ни судьба, ни демоны, ни разгнѣванное небо не въ состояніи были создать такое злое существо, какъ она»; онъ обзываетъ общество «разбойничьей берлогой», «лѣсомъ, гдѣ люди живутъ настоящими волками»; изъза малѣйшей уступки общей безнравственности онъ «готовъ съ горя повѣситься сейчасъ же». Чацкій также не обходится безъ такихъ излишествъ; изъ-за Софьи готовъ сейчасъ же броситься въ огонь и т. д. И при всей этой горячности, безпокойной, неудобной въ житейскомъ отношеніи, при всей назойливой ревности, которою оба они преслѣдуютъ любимую женщину, она, несмотря на свое кокетство, вѣрность или же зарождающуюся пошлость, инстинктивно отгадываетъ большія достоинства характера и ума. Софья, даже разлюбивъ Чацкаго, не можетъ не найти, что онъ остеръ, уменъ, краснорѣчивъ; въ послѣдней сценѣ съ нимъ она доходитъ даже до того, что передъ нимъ обвиняетъ себя кругомъ». (*А. Н. Веселовскій*).

14) Рѣзкой противоположностью отличается взглядъ А. Суворина. «Грибоѣдовъ вложилъ въ уста Чацкаго свои любимыя идеи, свой взглядъ на общество—это безспорно и безъ всякихъ указаній всѣмъ понятно, но никакимъ образомъ изъ этого не слѣдуетъ, что Чацкій есть «лучшій выразитель надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ».

Монологъ 3-го дѣйствія имѣетъ большое значеніе въ личности героя безсмертной комедіи. Чацкаго продолжаютъ мучить, его возбуждаютъ болѣе и болѣе. Какъ живой человѣкъ, онъ не можетъ молчать, какъ бы не смолчалъ на его мѣстѣ всякій живой и правдивый человѣкъ, среди его обстановки и отношеній къ нему всѣхъ этихъ лицъ

Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ,
Старухъ злоѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..

Развѣ вся эта орда, усвоившая себѣ лоскъ европейскаго образованія, воображающая себя просвѣщенной, обрившая бороды, одѣвшаяся по-французски,—

развѣ она не въ состояніи возбудить желаніе поучиться у китайцевъ? Вся сатирическая литература XVIII столѣтія возставала противъ этого внѣшняго лоска, противъ пристрастія къ иностранцамъ еще съ меньшимъ разборомъ. Развѣ изъ Европы мы беремъ то, что слѣдуетъ брать; только то, что достойно войти въ плоть и кровь всякаго великаго народа? Развѣ исторія не доказываетъ намъ, что даже и послѣ появленія «Горе отъ ума» мы брали изъ Европы много незрѣлаго, даже совсѣмъ дурного, брали по привычкѣ, по традиціямъ, по модѣ, брали съ легкомыслiемъ, которое всею тяжестію ложилось на судьбы народа. Развѣ предубѣжденіе въ пользу иностраннаго не существуетъ и теперь, въ наши дни, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ? Примѣровъ приводить нечего,—они многочисленны и всѣмъ извѣстны. Ограничимся однимъ, такъ какъ онъ имѣетъ связь съ тѣмъ обществомъ, которое изображалъ Грибоѣдовъ: развѣ доступъ въ большой свѣтъ какому-нибудь иностранному проходимцу не легче, чѣмъ вполнѣ порядочному русскому человѣку? Развѣ тамъ не смотрятъ съ благорасположеніемъ на всякую иностранную дрянь, а вѣдь оттуда идетъ направленіе, тамъ связи и власть.

У Пушкина въ письмѣ къ князю Вяземскому (іюнь 1826 г.) находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Мы въ отношеніяхъ къ иностранцамъ не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василія Львовича (Пушкина); передъ m-me Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: «Мальчикъ! забавляй Гекторку» (датскаго пуделя). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое, съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство». Чувство Чацкаго въ данномъ случаѣ по отношенію къ тому обществу, среди котораго онъ находится, сходно съ чувствомъ Пушкина, хотя оно гораздо выше, какъ Грибоѣдовъ въ то время былъ, по своему развитію или, вѣрнѣе, по цѣльности своего характера, выше Пушкина. Можно презирать общество и въ то же время не хотѣть, чтобы оно унижалось передъ иностранцами и иностраннымъ, ибо это оскорбляетъ рускаго человѣка, оскорбляетъ народное чувство». (*А. С. Суворинъ*. «Горе отъ ума» и его критики).

Чацкій, Андрей Ильичъ («Горе отъ ума»).—Уп. л. Покойный отецъ Александра Андреича Чацкаго, друга Фамусова.

Черномазенькій («Горе отъ ума»).—Уп. л. «На ножкахъ журавлиныхъ». По словамъ Чацкаго: «Куда не сунься: тутъ, какъ тутъ, въ столовыхъ и гостиныхъ»... (См. Приложеніе 3-ье).

Э.

Эльмира («Молодые супруги»).—Жена Ариста; молода и прекрасна собой. «Вы хороши собой, хотя и безъ наряда». «Какъ васъ не полюбить! вамъ суждено плѣнять». Вездѣ «можете быть первымъ украшеніемъ», говоритъ ей Сафиръ. По словамъ того же Сафира, Э. «скромна, тиха, мила». «Съ Эльмирою, говоритъ Аристъ, можно близъ тѣнистаго просѣка подъ свѣсомъ липовымъ на бархатномъ лужку любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку, и таять весь свой вѣкъ въ безмолвьи, неразлучно». Играетъ на фортепіано и поетъ. «Пропасть въ ней ума и дарованій тьма». Но съ выходомъ замужъ въ ней «не видать талантовъ тѣхъ, которыми сперва обворожала всѣхъ». Любитъ глубоко Ариста и предпочитаетъ «свой домъ всѣмъ прочимъ домамъ». Прежде, говоритъ она Аристу, «веселость свѣтская къ себѣ манила, когда я дней моихъ тебѣ не посвятила». «Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ». «Вѣдь, гдѣ вмѣстѣ мы,—мнѣ радость и забава, да право завсегда стараюсь угадать все то, что

мысленно ты можешь пожелать». «Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ не смотря на частыя его отсутствія, холодность, я дѣлаю ли что Аристу въ неугодность? противорѣчу ли? мѣшаю-ль въ чемъ-нибудь? иль жалуюсь когда, ропщу? ахъ! нѣтъ, отнюдь. Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ, и воли собственной имѣть я не хочу», говоритъ она Сафиру. Томится отсутствіемъ взаимности со стороны мужа и «умереть за него готова, лишь бы возвратить любовь». Чтобы заставить мужа «раскаяться въ грѣхахъ», рѣшаетъ «родъ жизни перемѣнить»: «Любить веселье мнѣ, подобно всѣмъ, прилично», говоритъ она Сафиру, «утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ... Онъ насмѣхается надъ чувствами моими. Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними», «и съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь, то цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ». «Больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ», объявляетъ она Аристу и уже «внѣ себя отъ шляпки, отъ убору». На вопросъ Ариста, куда она ѣдетъ, торопливо говоритъ: «въ магазинъ», «тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ и надо кое что для нынѣшняго балу». Выигравъ же дѣло Ариста, на которое не пощадила «подарковъ и хлопотъ», она скрываетъ письмо, въ которомъ дядя N увѣдомлялъ о выигрышѣ дѣла, и таитъ его «до срока, чтобы промучить Ариста». Аристъ, подозрѣвая въ поступкахъ ея «преступленія», проситъ открыть тайну. Узнавъ же, что проступки Э. были только шуткою, чтобы вызвать въ немъ ревность, Аристъ на колѣняхъ проситъ прощенія у Э. за прошлое.

Ѳ.

Ѳекла Савишна («Своя семья»).—Тетка Любима. По собственнымъ словамъ, «схоронила ужъ трехъ мужей». «Не безъ труда скопила я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила! Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось при жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!» Жалуется на Любима за то, что тотъ «карточкой визитной» «не наградилъ», когда не засталъ ея дома.

Ѳома Ѳомичъ («Горе отъ ума»). — Уп. л. По словамъ Молчалина, «при трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья» и «слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ». По отзыву Чацкаго, «пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ».

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ [1]) А. С. ГРИБОѢДОВА

И

ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НИХЪ ТИПОВЪ,

ОБРАЗОВЪ, ЛИЦЪ И ИМЕНЪ [2]).

[1]) Пропзведенія въ «Перечнѣ» расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены **жирнымъ** шрифтомъ.

[2]) Лица, имена и предметы, см. также ниже «Списокъ».

«Горе отъ ума», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Эпиграфъ: «Судьба проказница, шалунья, опредѣлила такъ сама: всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья, всѣмъ умнымъ—горе отъ ума».

Первоначальное заглавіе комедіи было: «Горе уму». Планъ комедіи относится еще къ днямъ студенческой жизни Грибоѣдова. Въ Тифлисѣ (1822 г.) онъ вновь принялся за свое «Горе». («Теперь въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю свое или чужое; а людямъ ничего—никому». Письмо къ Кюхельбекеру отъ 1-го октября 1822 г.). Въ Тифлисѣ были окончены два первыхъ дѣйствія; съ ними Грибоѣдовъ и выѣхалъ въ 1823 г. на родину. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ читалъ ихъ ему, но, послѣ чтенія, сжегъ весь первый актъ и вскорѣ же востановилъ его въ новой редакціи. Во время пребыванія у Бѣгичева, въ «древнемъ господскомъ обиталищѣ», селѣ Дмитровскомъ, или Полевые Локотцы (Тульск. губ., Ефремовск. у.), была закончена вчернѣ вся комедія. Зимою того же года, живя вмѣстѣ съ Бѣгичевымъ въ Москвѣ, Грибоѣдовъ былъ усиленно занятъ отдѣлкой комедіи. Тогда же, по словамъ Бѣгичева, авторъ «волею неволею читалъ ее во многихъ домахъ Москвы». Окончательная отдѣлка «Горя отъ ума» закончилась въ слѣдующемъ 1824 г. Въ письмѣ изъ Петербурга отъ августа 1824 г. Грибоѣдовъ писалъ своему другу, что, «кажется, работѣ конца не будетъ»; и просилъ, оставленный ранѣе Бѣгичеву, «манускриптъ» «Горя отъ ума» никому не читать и предать его огню, потому-что онъ такъ несовершенненъ и такъ нечистъ». Въ томъ же письмѣ сообщалось, что авторъ «слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или лучше сказать риѳмъ, перемѣнилъ,—теперь гладко какъ стекло». Въ 1824 же году къ комедіи «придѣлывается» новая развязка. «Я ее вставилъ, писалъ Грибоѣдовъ своему другу, между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку со свѣчою подъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее» [1]).

Еще съ 1823 г. во множествѣ начали ходить по рукамъ списки съ комедіи. Она «надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ занимавшихся литературой ex officio и во всемъ старомъ поколѣніи» [2]).

Рукописная комедія Грибоѣдова, по выраженію Бѣлинскаго, «разнеслась по Россіи бурнымъ потокомъ» [3]).

Она, по свидѣтельству Пушкина, произвела «неописанное дѣйствіе, и вдругъ поставила его (Грибоѣдова) наряду съ первыми нашими поэтами» [4]).

По свидѣтельству самого Грибоѣдова, имя автора комедіи, обращавшейся во многихъ спискахъ и ея дѣйствующія лица были уже извѣстны въ 1824 г. не только въ литературныхъ кругахъ, но и среди большой публики. «Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ», писалъ Грибоѣдовъ въ августѣ 1824 г., по поводу ряда чтеній пьесы самимъ авторомъ «въ свѣтскихъ гостинныхъ» и «разныхъ закоулкахъ». Въ сентябрѣ 1825 г. Грибоѣдовъ сообщаетъ изъ Симферополя Бѣгичеву, что наѣхали путешественники, которые знаютъ его (Грибоѣдова) «по журналамъ», какъ сочинителя Фамусова и Скалозуба, знаютъ его «риѳмы» и ожидаютъ отъ него того, что онъ, можетъ быть, не въ силахъ исполнить».

Появленіе первыхъ отрывковъ комедіи въ булгаринскомъ альманахѣ «Рус-

[1]) Дѣйствіе IV, 12—13.
[2]) Сочиненія Бѣлинскаго, ред. С. Венгерова т. IV.
[3]) Ibidem, т. I.
[4]) Сочиненія т. V. Изд. Лит. Фонда.

ская Талія» за 1824 г. [1]) вызвало оживленную журнальную полемику. Первый привѣтствовалъ появленіе комедіи въ печати «Московскій Телеграфъ» (1825 г. № 1). «Еще ни въ одной русской комедіи, писалъ Полевой, не находимъ мы такихъ острыхъ новыхъ мыслей и такихъ живыхъ мыслей, какія находимъ въ комедіи «Горе отъ ума». Загорѣцкій, Наталья Дмитріевна, князь Тугоуховскій, Хлестова, Скалозубъ списаны мастерскою кистью».

Статья «Телеграфа» вызвала «замѣчанія» М. А. Дмитріева въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 5). Критикъ «Вѣстника Европы», отрицая присутствіе въ комедіи «новыхъ» и «живыхъ мыслей», обрушился на Чацкаго, такъ какъ въ характерѣ героя комедіи усмотрѣлъ «человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе!.. Чацкій, по мнѣнію Дмитріева, «это моліеровъ «Мизантропъ» въ мелочахъ и въ каррикатурѣ. Это такая несообразность характера, съ его назначеніемъ, которая должна отнять у дѣйствующаго лица всю его занимательность и въ которой не можетъ дать отчета ни авторъ, ни самый взыскательный критикъ». Это—«сумасбродъ». Идею комедіи критикъ «Вѣстника Европы» находилъ также не новой и ссылался на «Абдеритовъ» Виланда.

Въ противовѣсъ «Телеграфу», просившему Грибоѣдова «отъ лица всѣхъ», читавшихъ комедію, издать ее цѣликомъ, «Вѣстникъ Европы», наоборотъ, желалъ бы «попросить автора не издавать ее, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога»..

На защиту комедіи отъ «пристрастнаго духа партій и литературнаго старовѣрства» выступилъ «Сынъ Отечества» (1825 г. № 1). По мнѣнію критика журнала, О. Сомова, «Горе отъ ума» «выходитъ изъ категоріи тѣхъ произведеній, которыя мы условно называемъ прекраснымъ литературнымъ подаркомъ, и безусловно вносимъ въ образцовыя сочиненія». Органъ «литературнаго старовѣрства», «Вѣстникъ Европы», остался при своемъ мнѣніи, и въ № 10 Пилладъ Бѣлугинъ вновь подчеркивалъ «громадную заслугу» журнала и его критика, «возставшаго противъ автора одного съ нимъ прихода», находя, что «Горе отъ ума» «не достойно чрезмѣрныхъ похвалъ одной половины литераторовъ и чрезмѣрныхъ нападеній другой половины». «Антикритика» («Моск. Телегр.» № 10), подписанная буквами У. У., вызвала въ свою очередь рядъ новыхъ «замѣчаній» въ «Вѣстникѣ Европы» (№№ 23 и 24) того же Бѣлугина и новый короткій отвѣтъ «Телеграфа» (№ 13). Восторженный отзывъ о комедіи далъ и Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» (см. «Списокъ»).

Самъ Грибоѣдовъ хранилъ молчаніе. Онъ оставался равнодушнымъ къ ряду этихъ «полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ». «Хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно, писалъ онъ В. Ѳ. Одоевскому. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ, тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!»

Къ этому времени относится его эпиграмма:

«И сочиняютъ—врутъ, и переводятъ—врутъ!
Почто же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами ,напизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть,—но вы ругаться удальцы»...

«Горе отъ ума», говоритъ Бѣлинскій, принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка, или образо-

[1]) Одна сцена перваго акта и весь третій актъ; это были первыя и единственныя строки, увидѣвшія печать при жизни Грибоѣдова. *Ред.*

ванныхъ по понятіямъ прошлаго вѣка». «Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во-первыхъ, была написана не шестиногими ямбами съ пиитическими вольностями, а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во-вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто не говорилъ, котораго не зналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а русскіе особенно слыхомъ не слыхали, видомъ не видали, но живымъ, легкимъ разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ-третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума, оригинальностію оборотовъ, поэзіею образовъ, такъ что почти каждый стихъ въ ней обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни—а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличавшихся отъ французскихъ, языкъ комедіи, если она хочетъ прослыть о б р а з ц о в о ю, непремѣнно долженъ былъ щеголять тяжелостію, неповоротливостію, тупостію, изысканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣнія; въ-четвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонеровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней было—талантъ, талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій [1]).

Согласно взгляду позднѣйшаго изслѣдователя, «весь механизмъ старинной драмы Гр. не отвергъ: онъ почти удержалъ знаменитыя три единства: его Лиза—чисто французская субретка, дѣлающая такія же тонкія замѣчанія, какъ самъ Чацкій, да и вся вообще пьеса есть собраніе самыхъ невѣроятныхъ случайностей и совпаденій, по сравненію съ которыми появленіе Чацкаго въ 6 часовъ утра, столь высмѣиваемое Бѣлинскимъ, сущій пустякъ. Вотъ почему анализъ «Горя отъ ума» и Чацкаго въ частности долженъ совершенно игнорировать всѣ эти мелкія несообразности, источникомъ которыхъ является не неумѣніе устранить ихъ, а то, что Грибоѣдовъ, воспитанный на старыхъ литературныхъ формахъ, совершенно не задавался в п ѣ ш н и м ъ реализмомъ и заботился только о сущности, о правдоподобіи внутреннемъ, о томъ, чтобы въ страстныхъ, облитыхъ горечью и желчью, монологахъ Чацкаго ярко показать трагическое положеніе тонкочувствующаго и одушевленнаго высшими стремленіями человѣка среди Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и Скалозубовъ». (В е н г е р о в ъ. Сочиненія Бѣлинскаго, т. V, прим. 29).

Изъ за произведенія, еще не увидѣвшаго цѣликомъ печати, правильнѣе изъ-за Чацкаго, загорѣлся жаркій споръ между защитниками «бабушкиныхъ традицій» въ литературѣ и «защитниками свободы формы въ искусствѣ».

«Старовѣры» отвергли комедію. С. Т. Аксаковъ въ своихъ «литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ» прошелъ мимо такого литературнаго явленія, какъ «Горе отъ ума» и, отмѣчая мелочныя событія, ни словомъ не обмолвился о Грибоѣдовѣ. Другъ Аксакова, А. И. Писаревъ, въ своей эпиграммѣ на Грибоѣдова спрашивалъ: «давно ли «Горе отъ ума» в с ѣ х ъ у м н ы х ъ огорчилъ?» Другъ Грибоѣдова, воспитанный на образцахъ «классической литературы», Катенинъ находилъ «погрѣшности въ планѣ пьесы» и «дарованія болѣе, нежели искусства» у автора. Въ этомъ отзывѣ Катенина Грибоѣдовъ видѣлъ «самую лестную похвалу» для себя.

Наоборотъ, Пушкинъ, прослушавъ въ чтеніи И. И. Пущина грибоѣдовскую комедію (село Михайловское, январь 1825 г.), отозвался, что «слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ достоинъ и наслаждался». (Письмо къ А. А. Бестужеву). Пушкинъ усмотрѣлъ въ немъ «черты истинно-комическаго генія» и задалъ тотъ вопросъ, вокругъ котораго

[1]) Сочин. Бѣлинскаго, т. V.

долго кружилась современная Грибоѣдову критика: «въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо?» (Отвѣтъ: Грибоѣдовъ).

Несмотря на оживленные толки въ обществѣ [1]), журнальную полемику и тысячи списковъ, которые расходились по рукамъ въ огромномъ количествѣ [2]), «Горе отъ ума» не было разрѣшено къ печати. Хлопоты автора не увѣнчались успѣхомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, къ которому являлся Грибоѣдовъ «съ большой переплетенной рукописью», перепугался разныхъ отдѣльныхъ стиховъ и комедія на многіе годы была запрещена [3]).

Желаніе увидѣть комедію въ печати и на сценѣ заставило Грибоѣдова «очистить» и смягчить нѣкоторыя сцены и вычеркнуть отдѣльныя фразы, примѣняясь къ требованіямъ тогдашней цензуры. «...Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, писалъ Грибоѣдовъ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подверглись той же участи».

Постановка на сценѣ «Горя отъ ума» встрѣтила новыя неодолимыя препятствія. Срепетованная уже комедія должна была идти на приватномъ спектаклѣ (безъ дозволенія цензуры) спб. театральной школы, но въ день представленія комедія была снята [4]) по приказанію спб. генералъ-губернатора Милорадовича [5]). Въ Петербургѣ полагали, что комедія возбудитъ неудовольствіе всего дворянства. Управляющій конторой московскаго императорскаго театра Ѳ. Кокошкинъ вошелъ съ представленіемъ къ московскому генералъ-губернатору кн. Д. Голицыну, докладывая, что грибоѣдовская комедія «прямой пасквиль на Москву» [6]). «Московская барская клика» пустила всѣ средства въ ходъ, чтобы задержать комедію.

Уѣзжая въ 1828 г. изъ Петербурга полномочнымъ министромъ-резидентомъ въ Персію, Грибоѣдовъ поручилъ «свое Горе» въ «очищенномъ видѣ» «вѣрному другу Булгарину», но и Булгаринъ ничего не могъ, или не хотѣлъ, сдѣлать; только двѣ сцены, изъ напечатанныхъ въ булгаринскомъ альманахѣ, смогли появиться на петербургской сценѣ лишь 2 декабря 1829 года, въ бенефисъ артистки Валберховой [7]).

---

[1]) Еще Полевой въ «Моск. Тел.» 1825 г. отмѣчалъ, что «почти всѣ стихи» комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами и ему часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ большую часть составляли стихи изъ «Горя отъ ума». *Ред.*

[2]) По свидѣтельству Булгарина, распространеніе комедіи было такъ велико, что «каждый, кто только заглядываетъ въ книгу, знаетъ «Горе отъ ума», и нѣтъ русскаго грамотнаго дома, отъ дворянина до посадскаго, гдѣ не было списка сей комедіи. Весьма многіе знаютъ ее наизусть, отъ доски до доски». («Сѣверная Пчела» № 31, 1831 г.). По приблизительному подсчету современника такихъ списковъ разошлось до сорока тысячъ по Россіи. *Ред.*

[3]) «Русская Старина», т. X, стр. 295—296.

[4]) На репетиціяхъ, происходившихъ въ домѣ автора, исполняли роли воспитанники школы: Фамусова — Чайниковъ, Софью — Прянуцкая, Лизу — Лебедева-Шелихова, Чацкаго — Григорьевъ, впослѣдствіи исполнитель роли Чацкаго и Фамусова на Александринской сценѣ, Скалозубъ-Экунинъ (мужъ А. И. Истоминой), Репетиловъ — П. А. Каратыгинъ и т. д. *Ред.*

[5]) Съ Милорадовичемъ, поклонникомъ Истоминой (см. «Списокъ»), у Грибоѣдова были личные счеты. *Ред.*

[6]) Не считая репетицій «Горе отъ ума» въ Театральной школѣ, авторъ только однажды могъ увидѣть свою комедію на сценѣ, но и это, единственное, въ присутствіи Грибоѣдова, представленіе было дано за предѣлами Россіи, во дворцѣ персидскаго сардаря, въ только что взятой Паскевичемъ Эриванн. Исполнителями ролей явились офицеры 20-й пѣхотной дивизіи. Автору по требованію военной цензуры и на этотъ разъ пришлось поскупиться своимъ текстомъ. *Ред.*

[7]) Главной пьесой спектакля 2 декабря 1829 г. въ пользу г-жи Валберховой» являлась драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г-жи Вейсентурнъ, переведенная съ нѣмецкаго стихами П. Г.

Въ іюнѣ 1830 г., въ бенефисъ артистовъ Каратыгина и Григорьева, были разрѣшены къ представленію 3-ій и 4-ый акты комедіи, и лишь съ начала 1831 года [1]) исполненіе «Горя отъ ума» на сценѣ было допущено въ цѣломъ видѣ, т. е. всѣ четыре дѣйствія, но съ большими сокращеніями и поправками, внесенными театральной цензурой. Въ томъ же 1831 г.«Горе отъ ума» появилось и на провинціальныхъ сценахъ.

Постановка отрывковъ комедіи на сценѣ вновь вызвала оживленное вниманіе журналовъ къ «Горю отъ ума». «Комедія, заявлялъ «Моск. Телеграфъ», принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій, которыя составляютъ эпоху въ исторіи словесности и могутъ называться знаменіями своего вѣка». «Театральный Альманахъ» за 1830 г. полагалъ, что «это г е н і а л ь н о е произведеніе не можетъ быть представлено на сценѣ, по крайней мѣрѣ, не въ томъ видѣ, въ какомъ сочинено». Заговорилъ объ этой «вещи народной, русской» и Булгаринъ, оставленный авторомъ комедіи въ роли попечителя и ея опекуна. Успѣхъ, несмотря на посредственную игру актеровъ, былъ огромный. Никитенко въ своемъ дневникѣ 1831 г. отмѣчаетъ: «Былъ на представленіе комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Нѣкто остро и справедливо замѣтилъ, что въ этой пьесѣ осталось одно только горе: столь искажена она роковымъ ножомъ бенкендорфовской литературной управы». «Эту пьесу играютъ каждую недѣлю. Театральная дирекція, говорятъ, выручаетъ отъ нея кучу денегъ. Всѣ мѣста всегда бываютъ заняты и уже въ два часа наканунѣ представленія нельзя достать билета ни въ ложи, ни въ кресла»[2]).

Одновременно съ постановкой «Горя отъ ума» на петербургской императорской сценѣ, начались хлопоты наслѣдниковъ Грибоѣдова въ цензурномъ вѣдомствѣ о допущеніи комедіи къ печати. Въ первой инстанціи дѣло, казалось, сразу приняло благопріятный оборотъ. Цензоръ, профессоръ петербургскаго университета, извѣстный Осипъ Ивановичъ Сенковскій, считалъ необходимымъ «допустить напечатаніе «Горя отъ ума» безъ измѣненій», такъ какъ разрѣшеніе печатать комедію съ пропусками «сообщитъ только новую важность рукописнымъ экземплярамъ». «Легко можетъ случиться, доносилъ Сенковскій цензурному комитету, что «люди неблагонамѣренные, шалуны, станутъ прибавлять въ спискахъ предосудительные стихи и намеки, «Горе отъ ума» возьмѣетъ участь всѣхъ почти рукописныхъ сочиненій древняго міра, кои дошли до насъ искаженныя подложными мѣстами. Одно средство отвратить это важное неудобство: допустить напечатаніе «Горя отъ ума» безъ измѣненій, и это тѣмъ необходимѣе, что въ публикѣ распространилось мнѣніе, будто комедія не печатается потому, что цензура хочетъ исключить изъ нея все остроумное и занимательное. Полное изданіе было бы даже средствомъ къ примиренію цензуры съ общимъ мнѣніемъ, чѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Если же при представленіи на театрѣ дѣлаются нѣкоторые пропуски, то это не можетъ служить правиломъ для цензуры: ни одна почти пьеса не представляется такъ, какъ она напечатана». «Убѣжденный въ безвредности пьесы, продолжаетъ Сенковскій, я и самъ одобрилъ бы ее къ напечатанію, если бы могъ разстаться съ мыслью, что лично былъ друженъ съ покойнымъ сочинителемъ и что, питая безпредѣльное удивленіе къ великому его

Ободовскимъ «Іоаннъ, герцогъ Финляндскій». За главной пьесой спектакля шло «Театральное фойе, или сцена позади сцены», интермедія-дивертисментъ, составленная изъ декламацій, пѣнія, танцевъ и плясокъ», и «въ оной интермедіи играна сцена изъ комедіи «Горе отъ ума» (Чадскій—Сосницкій, Фамусовъ—Борецкой, Софья—Семенова, Лиза—Монготье.—Въ Москвѣ тотъ же отрывокъ изъ комедіи былъ данъ впервые въ 1830 г. въ бенефисъ М. С. Щепкина. *Ред.*

[1]) 26 января 1831 г. въ бенефисъ артиста Я. Брянскаго. *Ред.*

[2]) «Записки и Дневникъ» А. В. Никитенко. Изд. 2-е Спб. 1905 г. См. также изъ «Дальнихъ лѣтъ» воспом. Т. П. Пассекъ. Т. I. 220 стр. *Ред.*

таланту, можетъ въ этомъ случаѣ увлекаться пристрастіемъ къ превосходному памятнику его генія». («Русская Старина» 1903 г. № 6).

Главное управленіе цензуры поручило вновь разсмотрѣть комедію цензурному комитету. Послѣдній, послѣ доклада цензора Семенова, препроводилъ рукопись въ третье отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи, откуда рукопись такъ и не была возвращена обратно.

Новыя хлопоты книгопродавца Улитина въ 1833 г. не увѣнчались также полнымъ успѣхомъ. Хорошо извѣстная «каждому грамотному на Руси», рукопись «Горя отъ ума» въ четвертый разъ передается для новаго чтенія новому цензору, на этотъ разъ профессору Льву Цвѣтаеву. Если первый петербургскій цензоръ Сенковскій держался мнѣнія, что комедію слѣдуетъ допустить къ печати, то московскій цензоръ высказался въ совершенно противоположномъ направленіи, находя, что «въ 1-мъ и 2-мъ явленіяхъ I дѣйствія представляется благородная дѣвушка, проведшая съ холостымъ мужчиной цѣлую ночь въ своей спальнѣ и выходящая изъ оной съ нимъ вмѣстѣ безъ всякаго стыда, а въ 11-мъ и 12 явленіяхъ IV дѣйствія та же дѣвушка присылаетъ послѣ полуночи горничную свою звать того же мужчину къ себѣ на ночь и сама выходитъ его встрѣчать, что онъ, цензоръ, находя сіи сцены противными благопристойности и нравственности, одобрить сей рукописи къ печатанію на основаніи параграфа 3-го ст. 3-й цензурнаго устава не можетъ, но какъ сія комедія была играна нѣсколько разъ на московскомъ театрѣ, то и представляетъ мнѣніе свое на благоусмотрѣніе комитета».

Московскій комитетъ призналъ мнѣніе цензора Цвѣтаева «совершенно справедливымъ» и представилъ рукопись «на уваженіе» главнаго управленія цензуры (въ Петербургъ). Послѣднее въ свою очередь признало, что на основаніи устава о цензурѣ комедія не можетъ быть дозволена, но, принимая въ уваженіе, что оная представляется на Императорскихъ театрахъ обѣихъ столицъ, не рѣшилось безъ Высочайшаго соизволенія приступить къ запрещенію сего сочиненія и опредѣлило испросить по сему предмету Высочайшее Государя Императора повелѣніе. Министръ народнаго просвѣщенія (Уваровъ) въ своей Всеподданнѣйшей докладной запискѣ «О комедіи подъ названіемъ «Горе отъ ума» писалъ: «Московскій цензурный комитетъ представилъ главному управленію цензуры о поступившей въ оный на разсмотрѣніе рукописи, подъ названіемъ «Горе отъ ума», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Грибоѣдова. Главное управленіе цензуры признало, что на основаніи правилъ устава о цензурѣ сія комедія по направленію своему и общему духу не можетъ быть дозволена къ напечатанію; но принимая въ уваженіе, что она представляется на Императорскихъ театрахъ обѣихъ столицъ, управленіе не рѣшилось безъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія приступить къ запрещенію сего сочиненія къ напечатанію. Вслѣдствіе сего имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго Вашего Величества по сему предмету повелѣнія». «Записка» была возвращена обратно съ резолюціей Императора Николая I: «Печатать слово отъ слова, какъ играется, можно, для чего взять манускриптъ изъ здѣшняго театра».

2 мая 1833 г., послѣ сношеній съ министромъ двора и доставленіи въ цензуру рукописи, по которой игралось «Горе отъ ума», Уваровъ, препровождая театральный текстъ попечителю московскаго университета, сообщалъ, что, по мнѣнію министра Императорскаго двора, «хотя піеса сія въ первое представленіе и была играна слово отъ слова по цензурованной рукописи, но впослѣдствіи монологъ Фамусова (дѣйствіе II, 2), отмѣченный въ пьесѣ карандашомъ, в ы к л ю ч е н ъ п о р а с п о р я ж е н і ю т е а т р а л ь н а г о н а ч а л ь с т в а». «Посему, Уваровъ просилъ попечителя предложить московской цензурѣ дозволить напечатать комедію подъ названіемъ «Горе отъ ума» совершенно сходно съ одобреннымъ театральною цензурою экземпляромъ, выпустивъ вышеозначенный монологъ Фамусова», и «относящіяся къ тому выраженія въ роли Чацкаго». «Къ

сему нужнымъ почитаю присовокупить, замѣчалъ Уваровъ, что цензурѣ надлежитъ наблюсти, чтобы издатель представилъ удовлетворительныя законныя доказательства своего права на изданіе помянутой комедіи».

Вслѣдствіе этого предложенія въ августѣ 1833 г. тотъ же цензоръ Цвѣтаевъ долженъ былъ подписать цензурное разрѣшеніе «неблагопристойной и безнравственной» пьесѣ.

Послѣ такихъ долгихъ мытарствъ появилось первое изданіе знаменитой комедіи. «Горе отъ ума», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской медико-хирургической академіи. 1833 г. 167 стр. in 8. Ц. 10 р. ассигнаціями» [1]).

Первое изданіе грибоѣдовской комедіи явилось точнымъ воспроизведеніемъ «слово въ слово» рукописи, искаженной «роковымъ ножомъ бенкендорфовской литературной управы». Появленіе въ печати «искаженной комедіи», конечно, не могло задержать распространенія въ спискахъ «полнаго» «Горя отъ ума». Послѣдующія изданія долгое время являлись буквальной перепечаткой перваго изданія, но затѣмъ мало-по-малу издатели начали вносить дополненія и варіанты изъ разныхъ списковъ и заграничныхъ изданій, и въ концѣ концовъ эти вставки и выкидки засорили еще болѣе первоначальный грибоѣдовскій текстъ [2]).

За двадцатипятилѣтній срокъ права собственности наслѣдниковъ Грибоѣдова на его сочиненія, «Горе отъ ума» выдержало всего два «дозволенныхъ» изданія. (Кромѣ нихъ появилось одно, безъ обозначенія года и мѣста, изданіе «полнаго текста», не предназначенное для продажи). Второе изданіе, Спб. 1839 г., вышло съ портретомъ на стали Грибоѣдова и его біографіей, написанной К. А. Полевымъ.

Окончаніе срока собственности наслѣдниковъ Грибоѣдова вызвало рядъ изданій (въ 1854 г. два изданія «Горе отъ ума» и одно изданіе «Сочиненій Грибоѣдова» (см. ниже рубрику: «Сочиненія»). Въ 1858 г. за границей въ Лейпцигѣ и Берлинѣ выходятъ «полныя» и «полнѣйшія изданія» того «Горя», которое на родинѣ все еще печаталось съ цензурными выкидками. Съ 1862 г. появляется рядъ дешевыхъ изданій комедіи и первыя, немногочисленныя попытки художниковъ иллюстрировать текстъ «Горя отъ ума». Таковы роскошное изданіе Н. Тиблена съ 25-тью рисунками М. С. Башилова, рѣзанными на деревѣ Августомъ Габеромъ въ Дрезденѣ (Спб. 1862 г.). Тоже, но менѣе роскошное и болѣе дешевое изданіе было повторено тѣмъ же издателемъ въ 1865 г. (Спб.)

3) Почти одновременно съ отмѣченнымъ первымъ изданіемъ Тиблена вышло иллюстрированное изданіе комедіи въ Москвѣ (рисунки Іогансона) М. 1862 г. 4) Товарищество «Общественная Польза» выпустило «Горе отъ ума» въ 1866 г. (Спб.) съ иллюстраціями академика П. А. Соколова.

Первой попыткой, «пріуготовительнымъ трудомъ для будущаго біографа»

---

[1]) Въ 1831 г. въ Ревелѣ вышелъ «съ разрѣшенія цензуры» полный нѣмецкій переводъ комедіи: Russische Bibliothek für Deutsche von K. Knoring. 3-es Heft. «Горе отъ ума», oder Leiden durch Bildung. Reval. 1831. Такимъ образомъ первое полное изданіе «Горя отъ ума» въ переводѣ на нѣмецкій языкъ предшествовало на два года изданію оригинальнаго текста, при чемъ послѣдній вышелъ въ изуродованномъ цензурой видѣ. *Ред.*

[2]) Изъ сохранившихся списковъ комедіи, провѣренныхъ самимъ авторомъ, извѣстны: Булгаринскій въ «очищенномъ» для цензуры видѣ. (воспроизведенъ Гарусовымъ въ приложеніи).

Жандровскій (не вполнѣ воспроизведенъ въ изданіи Тиблена).

Бѣгичевскій. Этотъ списокъ, принадлежащій къ одной изъ раннихъ редакцій комедіи, воспроизведенъ въ изданіи Моск. Ист. Музея. М. 1903.

Рукопись «Горе отъ ума», сдѣланная авторомъ для Императорскихъ театровъ, съ цензурными сокращеніями воспроизведена въ изд. Серчевскаго.

Гарусовъ пользовался для своего изданія копіей съ копіи рукописи, подаренной Грибоѣдовымъ Л-скимъ. *Ред.*

Грибоѣдова явилось иллюстрированное изд. Е. Серчевскаго. Спб. 1858 г. (см. ниже, рубрика «Сочиненія Грибоѣдова»). Первая критическая работа надъ текстомъ комедіи произведена И. Д. Гарусовымъ, давшимъ «по счету сороковое, по содержанію первое изданіе» «Горя отъ ума». Спб. 1875 г. изд. «Русск. книжн. торговли». Надъ собраніемъ матеріаловъ, касающихся жизни и творчества Грибоѣдова, много потрудился Д. Д. Смирновъ (см. Источники).

Первая и единственная серьезная попытка разобраться въ огромномъ матеріалѣ и дать біографію Грибоѣдова сдѣлана А. Н. Веселовскимъ въ «Русской Библіотекѣ» М. М. Стасюлевича. Вып. V. Спб. 1875 и (2-ое изданіе) Спб. 1878 г.

Стремленіемъ къ переоцѣнкѣ прежнихъ взглядовъ на комедію вызванъ «критическій этюдъ» Гончарова «Мильонъ терзаній» (1872 г.). «Горю отъ ума» и его критикамъ отведена обстоятельная, но не вполнѣ безпристрастная вступительная статья А. С. Суворина въ его изданіи комедіи. Спб. 1886 г. В. Е. Якушкинымъ дана въ 1903 г. редакція бѣгичевской рукописи въ изд. «Историч. Музея». Перечислять отдѣльныя изданія грибоѣдовской комедіи, представляющія перепечатку прежнихъ, нѣтъ надобности. Достаточно отмѣтить, что «Горе отъ ума» въ суворинской «Дешевой Библіотекѣ» выдержало съ 1879—1909 г. 18 изданій и разошлось 172 тыс. экз.

Еще Пушкинъ первый отмѣтилъ, что «цѣль комедіи Грибоѣдова—характеры и рѣзкая картина нравовъ». «Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи,—писалъ Пушкинъ въ указанномъ уже письмѣ къ А. А. Бестужеву,—недовѣрчивость Чацкаго къ любви Софьи къ Молчалину—прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля».

Характерно, что, въ томъ же январѣ 1825 г., самъ Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Катенину замѣчалъ, что планъ комедіи «ясенъ по цѣли и исполненію»: «дѣвушка сама не глупая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здраво мыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ разумѣется въ противурѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: «Шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!»—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ,—что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсить, но все-таки: «Не человѣкъ! змѣя!»—а послѣ, когда вмѣшивается личность «нашихъ затронули», предается анаѳемѣ: «Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ». Не терпитъ подлости: «ахъ! Боже мой, онъ Карбонарій!» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого?»

Бѣлинскій признавалъ, что «Горе отъ ума» «есть явленіе необыкновенное, произведеніе ума сильнаго, могучаго». Но оно «не комедія, по отсутствію, или лучше сказать, по ложности своей основной идеи»; оно «не художественное созданіе по отсутствію самодѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ ума»—сатира, а не коме-

дія: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ [1]) (курсивъ здѣсь и далѣе самого автора). И въ этомъ отношеніи, «Горе отъ ума» находится въ неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и остальнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ безъ отношенія къ цѣлому, художественно нарисованныхъ кистью широкой, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр., сарай, но зданіе построенное изъ драгоцѣннаго пароссказго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами. «Горе отъ ума»—произведеніе слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями» [2]).

Гоголь, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, считая Грибоѣдова первоклассным поэтомъ, ставя его, какъ поэта, наряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, тѣмъ не менѣе не признавалъ «Горя отъ ума», какъ и фонвизинскаго «Недоросля», «созданіями художественными», принадлежащими «фантазіи сочинителя». «Нужно было накопиться много сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились они сами собой въ видѣ какого-то грознаго очищенія» (соч. т. IV, ред. Тихоправова). Близко къ такому же взгляду на комедію примыкаетъ и кн. Вяземскій, признававшій въ «Горѣ отъ ума» «твореніе» если «и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то тѣмъ не менѣе «явленіе замѣчательное въ драматической словесности нашей». Въ цѣломъ комедія «худо обдумана», «въ частяхъ часто худо исполнена», «въ ней нѣтъ правильности», «но есть жизнь»: «она дышитъ и живетъ» [3]).

По опредѣленію А. А. Григорьева, «комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее художественно сферу нашего, такъ называемаго, свѣтскаго быта, а съ другой стороны, Чацкій Грибоѣдова есть единственное истинно героическое лицо нашей литературы». «...Изо всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большого свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія—Грибоѣдовъ». «Грибоѣдовъ казнитъ невѣжество и хамство, но казнитъ ихъ не во имя comme il faut'наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкаго, онъ оттѣнилъ фигурою хама

---

[1]) Потому-что, «всякое художественное произведеніе рождается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностью своей формы и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть особый, замкнутый въ себѣ міръ». Этой «единой общей идеи» и не видѣлъ Бѣлинскій въ грибоѣдовской комедіи. *Ред.*

[2]) Статья Бѣлинскаго, имѣвшая такое рѣшающее значеніе какъ комментарій къ грибоѣдовской комедіи, относится къ 1839 г. т. е. къ полосѣ увлеченій великаго критика теоріей «разумной дѣйствительностью». Черезъ годъ, самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ В. П. Боткину, говоря о своемъ расхожденіи «съ пошлой дѣйствительностью», съ горечью вспоминалъ о «Горѣ отъ ума», которое онъ «осудилъ съ художественной точки зрѣнія» и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной рассейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго хапжества и пр. и пр. и пр. [Пыпинъ. Бѣлинскій, изд. 2-е, стр. 340 и 341].

Бѣлинскому такъ и не удалось «искупить» своего грѣха предъ грибоѣдовской комедіей, и тотъ самый взглядъ на комедію, отъ котораго съ болью въ сердцѣ отказывался какъ отъ заблужденія великій критикъ, перешелъ на страницы хрестоматій и учебниковъ словесности, и нерѣдко авторитетомъ Бѣлинскаго прикрывалось то, что давно уже развѣнчалъ самъ Бѣлинскій. *Ред.*

[3]) Сочин. т. VII.

Репетилова, не говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчалинѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или нѣсколько болѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной натуры, какова натура Чацкаго» [1]).

Писаревъ считалъ «Горе отъ ума» однимъ «изъ величайшихъ произведеній нашей литературы». Онъ находилъ, что Грибоѣдовъ стоитъ «гораздо ближе къ окружающей насъ дѣйствительности, чѣмъ къ мирнымъ и тихимъ спальнямъ романтиковъ и филистеровъ». Грибоѣдовъ выполнилъ «громадную задачу для Россіи двадцатыхъ годовъ» и выбралъ «изъ окружающей темноты» «именно то, что сосредоточиваетъ въ себѣ весь смыслъ данной эпохи». (Сочиненія, т. V).

Критика, по словамъ Гончарова, въ его замѣчательномъ этюдѣ о комедіи, «не трогала комедію съ однажды занятаго ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила милліонъ въ гривенники, и до того испестрила грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе—и не только не опошлилась, но сдѣлалась, какъ будто, дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь».

По мнѣнію Гончарова, «комедія «Горе отъ ума» есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, и, скажемъ сами за себя,—больше всего комедія, какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Какъ картина, она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни—отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

«Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука,—зритель и читатель чувствуютъ себя и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее и детали—все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ «особымъ отпечаткомъ» Москвы,—отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы неполна [2]).

«Однако, для насъ она еще не вполнѣ законченная историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобы между ею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна [3]). Колоритъ не сгладился совсѣмъ: вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть; мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и пр. видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили, конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ даже передъ горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ за-

[1]) Сочин. т. I. изд. 1879 г.

[2]) Въ 1865 г. появился, написанный въ 1856 г. граф. Е. П. Ростопчиной, «разговоръ въ стихахъ» «Возвратъ Чацкаго въ Москву, или встрѣча знакомыхъ лицъ послѣ двадцатипятилѣтней разлуки». Ростопчина пыталась дать продолженіе комедіи «Горе отъ ума». О художественномъ «значеніи такого продолженія» распространяться нечего. *Ред.*

[3]) Статья Гончарова написана въ 1872 году *Ред.*

повѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ далекомъ захолустьѣ. Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и «награжденья брать и весело пожить», пока сплетня, бездѣлье, пустота будутъ господствовать не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни,—до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ «особый отпечатокъ», которымъ гордился Фамусовъ.

«Общечеловѣческіе образцы, конечно, остаются всегда, хотя и тѣ превращаются въ неузнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что на смѣну старому художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, являющіяся уже когда то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и кровь въ духѣ своего времени. Тартюфъ, конечно, вѣчный типъ, Фальстафъ—вѣчный характеръ, но и тотъ и другой, и многіе еще знаменитые подобные имъ первообразы страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ парицательное имя порока, и для насъ служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлереи.

«Это особенно можно отнести къ грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено и обставлено такою реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п.

«Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія «Горе отъ ума» была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Ленскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи. Самъ Чацкій гремитъ противъ «вѣка минувшаго», когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами [1]).

Какъ посравнить да посмотрѣть (говоритъ онъ)
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ м и н у в ш і й,
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,—

а про свое время выражается такъ:

Т е п е р ь вольнѣе всякій дышитъ—

или

Бранилъ в а ш ъ вѣкъ я безпощадно,

говоритъ онъ Фамусову.

«Слѣдовательно, теперь остается только немногое отъ мѣстнаго колорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами чины могутъ отойти, низкопоклонничество до степени лакейства молчалинскаго уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фронта уступила мѣсто строгому и раціональному направленію въ военномъ дѣлѣ.

«Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть, и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

«Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умретъ, какъ и самъ разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій, живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобы могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное,

[1]) Дата, приводимая Гончаровымъ, невѣрна. «Горе отъ ума» закончено лѣтомъ 1823 г. или зимою 1823—24 г.г. См. ниже. *Ред.*

за тѣмъ, кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ также дался автору, какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и и все образовало необыкновенную комедію—и въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сценическую пьесу, и въ обширномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ, какъ комедіей, она и не могла бы быть.

«Оставя двѣ капитальныя стороны пьесы, которыя такъ явно говорятъ за себя и потому имѣютъ большинство почитателей,—т. е. картину эпохи, съ группой живыхъ портретовъ, и соль языка,—обратимся къ комедіи, какъ къ сценической пьесѣ.

«Давно привыкли говорить, что нѣтъ движенія, т. е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣтъ движенія? Есть—живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: «Карету мнѣ, карету!»

«Это—тонкая, умная, изящная и страстная комедія въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ,—вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ,—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т. е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

«Только при разъѣздѣ, въ сѣняхъ, зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже вырастаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи» (*Гончаровъ*. «Милльонъ терзаній»).

Вопросъ о вліяніи на «Горе отъ ума» Мольера былъ поставленъ еще въ первыхъ критическихъ отзывахъ о комедіи, и долго оставался неизслѣдованнымъ и потому открытымъ. Такъ, М. Дмитріевъ въ «Вѣстн. Европы» 1825 г. признавалъ «идею комедіи» заимствованной Грибоѣдовымъ у Виланда, а въ Чацкомъ видѣлъ «моліерова Мизантропа въ мелочахъ и каррикатурѣ». Наоборотъ, защитники комедіи считали, что «сочинитель» не имѣлъ и, какъ видно, не хотѣлъ идти тою дорогою, которую углаживали, и наконецъ истоптали комическіе писатели, отъ Мольера до Пирона, и нашихъ временъ. Посему обыкновенная французская мѣрка не придется по его комедіи, здѣсь нѣтъ ни плута слуги, около котораго вьется вся интрига, нѣтъ ни jeune premier, ни grande coquette, ни père noble, ни raisonneur, словомъ, ни одного сколка съ тѣхъ лицъ, которыхъ полное число служитъ въ французскихъ театрахъ уставомъ для набора театральной челяди» («Сынъ Отечества», 1825 г.).

Полевой, первый отмѣтившій въ «Московск. Телеграфѣ» появленіе отрывковъ въ булгаринскомъ альманахѣ, отрицалъ всякую подражательность грибоѣдовскаго творчества. По поводу этого вопроса загорѣлась полемика въ журналахъ, и на протяженіи долгихъ лѣтъ во взглядахъ на комедію повторялась та же двойственность: указанія на ея подражательность и признаніе за ней полной самобытности. Отрицая за «Горемъ отъ ума», какъ за сатирой, право на художественность, Бѣлинскій признавалъ комедію не только въ высшей степени поэтическимъ созданіемъ, «драгоцѣннымъ перломъ русской литературы», но и въ самомъ Грибоѣдовѣ видѣлъ «самое могучее» «проявленіе русскаго духа».

Въ новѣйшемъ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго («Альцестъ и Чацкій») впервые дана яркая параллель между мольеровскими и грибоѣдовскими героями, основанная на непосредственномъ изученіи. Сопоставляя характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Альцеста—Чацкаго, Филэнта—Молчалина, (по-

слѣдній у Грибоѣдова «является гораздо точнѣе обрисованнымъ извѣтвленіемъ того же родового типа»), Весловскій находитъ, что характеристики обѣихъ героинь (Селимена—Софья), сходныя сначала по общимъ чертамъ, расходятся существенно, и типъ заскучавшей московской барышни съ ея закулисной, будничной интригой и лакействующимъ героемъ ея взятъ прямо изъ жизни. За исключеніемъ этихъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ комедій, которыми исчерпывается существенное сродство обѣихъ пьесъ (для Фамусова нѣтъ прототипа у Мольера), выступаетъ множество личностей аксессуарныхъ, особенно многочисленныхъ у Грибоѣдова. Но тутъ уже открывается широкое раздолье для бытовыхъ, нравоописательныхъ картинъ, которыя, по справедливости говоря, гораздо полнѣе въ сатирическомъ освѣщеніи «Горе отъ ума», чѣмъ въ грозно-обличительномъ тонѣ Мизантропа. Русскій писатель, въ такой степени умѣвшій отстоять свою независимость при обрисовкѣ положеній и характеровъ, общихъ съ его старинным образцомъ, здѣсь является уже полнымъ неограниченнымъ властелиномъ, увѣковѣчивъ живыя черты русскаго общества начала текущаго вѣка, съ его мутными и здоровыми теченіями, и на этомъ преимущественно основавъ соціальное значеніе своей комедіи».

Результатъ сопоставленій двухъ комедій, и провѣрки главныхъ ихъ чертъ, одной за другой, утѣшительный: «постепенно отпадали случайные, ненужные признаки этой близости, обнаруживалось все яснѣе высшее духовное сродство двухъ писателей съ одинаковыми задатками характера, одинаковымъ положеніемъ среди общества и типической субъективностью творчества. Потомокъ прошелъ по пути, проложенному его великимъ предкомъ» (*А. Н. Веселовскій.* «Этюды»).

Политическое значеніе комедіи отмѣтилъ еще Сенковскій въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 г. (Сочин. т. IX, стр. 317—319). По его словамъ, «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ съ одинаковыми дарованіями и равною колкостію сатиры вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ [1]).

Еще въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій назвалъ «Горе отъ ума» «обличеніемъ гнусной дѣйствительности». (См. Пыпинъ. Бѣлинскій, II, 108).

В. В. Семевскій въ своей работѣ («Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. 2. Спб. 1888 г.) останавливается на тѣхъ мѣстахъ «Горя отъ ума», гдѣ затрагивается крѣпостное право. «Въ первомъ дѣйствіи, въ бесѣдѣ съ Софьей, Чацкій, перебирая разныхъ знакомыхъ, вспоминаетъ одного любителя театра, который «самъ толстъ,—его артисты тощи», и который давалъ балы, заставляя своего человѣка щелкать за ширмами соловьемъ. По объясненію Веселовскаго, оригиналомъ для автора въ этомъ случаѣ послужилъ помѣщикъ Поздняковъ» (См. «Списокъ»).

Въ первоначальной редакціи извѣстнаго монолога Чацкаго «А судьи кто?» онъ, между прочимъ, говоритъ про московскихъ дворянъ, что «въ заслуги ставили имъ души родовыя». Въ томъ же монологѣ находится знаменитое мѣсто «о Несторѣ негодяевъ знатныхъ», промѣнявшемъ на три борзыя собаки своихъ слугъ, не разъ спасавшихъ его жизнь и честь, и о другомъ баринѣ, который

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

А затѣмъ всѣ эти «амуры и зефиры» были «распроданы поодиночкѣ». Эти мѣста настолько памятны всѣмъ, что нѣтъ надобности приводить ихъ вполнѣ.

---

[1]) Сочин. т. IX.

Дѣйствительность подобныхъ фактовъ несомнѣнна: они были возможны и случались до самаго уничтоженія крѣпостного права [1]).

Въ третьемъ дѣйствіи комедіи Хлестова говоритъ, что Загорѣцкій ей «двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ». Напомнимъ, что на ярмаркахъ, какъ, напримѣръ, Урюпинской, производился въ то время наглый торгъ крѣпостными, не остановленный и запретительнымъ указомъ императора Александра I. Наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи Фамусовъ отправляетъ, въ видѣ наказанія, горничную Лизу въ деревню ходить за птицами и, раздраженный небрежностью швейцара, кричитъ: «Въ работу васъ, на поселенье васъ!» Нужно не забывать для правильнаго пониманія этого мѣста, что, утративъ при Александрѣ I право отправлять своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу, помѣщики сохранили право ссылать ихъ на поселенье въ Сибирь [2]).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій [3]) считаетъ «Горе отъ ума» для нашего времени «произведеніемъ историческимъ», т. е. «такимъ, которое воспроизводитъ эпоху, уже отошедшую въ историческое прошлое», хотя важнѣйшіе грибоѣдовскіе типы «продолжаютъ сохранять доселѣ свое живое значеніе» и «пьеса до сихъ поръ остается яркою сатирою и злымъ памфлетомъ. Мы, говоритъ Овсянико-Куликовскій, «называемъ ее комедіею историческою въ томъ смыслѣ, какъ называемъ, напр., «Войну и миръ» историческимъ романомъ.—При столь извѣстной измѣняемости нашихъ общественныхъ типовъ, при той быстротѣ (почти по десятилѣтіямъ), съ которою они видоизмѣнились вмѣстѣ со смѣною общественныхъ настроеній, умственныхъ интересовъ, литературныхъ и иныхъ вліяній, комедія Грибоѣдова становилась историческою (въ указанномъ смыслѣ) уже въ 40-хъ и даже въ 30-хъ годахъ, когда Фамусовы, Молчалины и другіе явились въ иномъ обличьи, а Чацкіе стали говорить иначе—не по-грибоѣдовски и больше потомъ, да при закрытыхъ дверяхъ. Театральная публика 40-хъ годовъ уже воспринимала пьесу, какъ картину прошлаго, хотя и недавняго.—Вообще, въ нашемъ умственномъ и общественномъ развитіи нѣтъ послѣдовательной преемственности идей, настроеній, стремленій, идеаловъ. Извѣстныя теченія вдругъ останавливаются или изсякаютъ, чтобы уступить мѣсто другимъ; послѣдующее иногда упорно отказывается признать свое духовное родство съ прежнимъ, пресѣченнымъ или изсякшимъ... А Фамусовы и Молчалины, обладая удивительною приспособляемостью и живучестью, переряжаются въ другіе костюмы и часто не сразу узнаются въ новомъ нарядѣ. Но традиція основныхъ чертъ этихъ отрицательныхъ типовъ сохраняется при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ условій жизни. Мы знаемъ Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ дореформенныхъ и пореформенныхъ, и посейчасъ они существуютъ,—и попрежнему, «къ свободной жизни ихъ вражда непримирима!»

«Въ нашей художественной литературѣ настоящимъ преемникомъ Грибоѣдова, достойнымъ подражателемъ его дѣла былъ только Салтыковъ. Это дѣло—борьба, средствами искусства, съ темными силами, съ общественно-реакціонными элементами. Специфическій характеръ и отличительные признаки художественныхъ произведеній, являющихся выраженіемъ этой борьбы (въ данномъ случаѣ «Горе отъ ума» и сатира Салтыкова), мнѣ кажется, недостаточно выяснены и нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи.

Подобно всякой сатирѣ, эти произведенія принадлежатъ къ творчеству

---

[1]) Декабристъ Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Комедія «Горе отъ ума» ходила по рукамъ въ рукописи; слова Чацкаго: «всѣ распродались по одиночкѣ» приводили въ ярость». «Русская Старина», 1881 г., т. XXX, 488. (Прим. В. Семевскаго).

[2]) Въ планѣ драмы «1812 г.» Грибоѣдовъ опять подходитъ къ этому роковому вопросу, Его М.—крѣпостной человѣкъ,—послѣ ряда подвиговъ на полѣ брани—«отпускается съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію» и вновь возвращается «подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... Самоубійство». *Ред.*

[3]) Ист. русск. литер. т. I, стр. 7 и слѣд. *Ред.*

экспериментальному. Но они рѣзко отличаются отъ другихъ видовъ сатиры, прежде всего тѣмъ, что въ нихъ отрицательныя стороны жизни, натуръ, характеровъ подвергаются художественному осужденію съ точки зрѣнія общественнаго блага и прогресса. Напр., пошлость, глупость, нечестность, пролазничество и т. д. изображаются въ нихъ не столько какъ вообще пороки, сколько какъ черты, которыми характеризуются реакціонные элементы, какъ нѣчто общественно и политически вредное или даже пагубное.

Таковъ именно и былъ преобладающій характеръ художественнаго эксперимента, произведеннаго Грибоѣдовымъ въ его безсмертной комедіи.

Въ ней данъ односторонній подборъ чертъ, въ силу чего получилась не полная, не разносторонная картина жизни, а рѣзкая критика извѣстныхъ сторонъ ея. Возьмемъ, для сравненія, описаніе московской жизни приблизительно той же эпохи у Толстого въ «Войнѣ и мирѣ»,—и мы сейчасъ же почувствуемъ и поймемъ всю разницу между изображеніемъ, основаннымъ на художественномъ наблюденіи, и тѣмъ, которое было результатомъ художественнаго опыта. Рѣзкія отрицательныя черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Загорѣцкихъ, пустота и пошлость жизни, дикость понятій, все это въ широкой эпической картинѣ Толстого смягчено, затушевано или отодвинуто на задній планъ,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ оно обычно смягчалось, затушевывалось, скрадывалось въ самой дѣйствительности. Въ жизни ея пошлая сторона далеко не всегда проявляется съ достаточною яркостью, и не всякій день Фамусовы выступаютъ съ открытымъ выраженіемъ своихъ дикихъ понятій, съ откровеннымъ мракобѣсіемъ. Они дѣлаютъ это—при случаѣ, когда, напр., сталкиваются съ Чацкимъ, или когда это представляется выгоднымъ. Внѣ такихъ оказій это—благодушные наивные люди, не лишенные нѣкоторыхъ хорошихъ человѣческихъ чертъ. Нерѣдко они бываютъ лучше своихъ понятій, принадлежащихъ скорѣе вѣку и средѣ, чѣмъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. У Грибоѣдова мы найдемъ только намеки на то хорошее или безразличное, что наблюдалось у Фамусовыхъ и другихъ. Впередъ выдвинуты и сгущены ихъ темныя стороны. И это сдѣлано такъ, что, слушая, напр., рѣчи Фамусова и филиппики Чацкаго, мы проникаемся настроеніемъ послѣдняго и начинаемъ смотрѣть на Фамусовыхъ, по-своему да по-московски благодушныхъ, какъ на темную и зловредную силу, имѣющую очевидное реакціонное желаніе». (Ист. русск. интел., т. I, стр. 8—11).

---

26 января 1831 г. «Горе отъ ума» появилось въ первый разъ въ «полномъ видѣ» на петербургской сценѣ. По спеціальному подсчету, произведенному г. Sch., грибоѣдовская комедія, пріобрѣтенная въ собственность дирекціей императорскихъ театровъ, безъ уплаты какого-либо авторскаго гонорара, прошла (по декабрь 1909 г.) 339 разъ полностью и 31 разъ въ отрывкахъ. Почти тѣ же самыя цифры повторяются и для московскаго казеннаго театра.

Несмотря на то, что «Горе отъ ума» въ продолженіи почти восьмидесяти лѣтъ не сходило съ репертуара и давало солидный доходъ дирекціи [1]), врядъ ли найдется другая пьеса, къ которой было бы проявлено менѣе вниманія, чѣмъ къ грибоѣдовской комедіи. Восторженно принятая публикой, выдвинувшая многіе таланты среди артистовъ, она тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ лѣтъ давалась по испорченному цензурой тексту, шла при болѣе чѣмъ посредственной обстановкѣ и посредственномъ исполненіи.

Художественное воспроизведеніе грибоѣдовскихъ типовъ Щепкинымъ, Са-

[1]) По старинному правилу пьесы шедшія въ бенефисъ артистовъ поступали въ собственность дирекціи безъ всякаго вознагражденія авторамъ. По подсчету того же лица 339 представленій въ Петербургѣ «Горя отъ ума» дали кассѣ дирекціи 351,935 р. 88 к. (*«Новое Время»* № 12215 пл. приложеніе). *Ред.*

маринымъ, Каратыгинымъ, Брянскимъ и др. артистами не исключало посредственнаго исполненія въ цѣломъ. Это отмѣчаютъ, начиная съ Никитенки, современники. Иначе и быть не могло: глубоко реальная русская комедія, родоначальница русскаго художественнаго театра появилась на сценѣ въ ту пору, когда тамъ царила французская мелодрама и патріотическія пьесы. На этомъ репертуарѣ воспитывалось цѣлое поколѣніе русскихъ артистовъ и большинству изъ нихъ грибоѣдовская пьеса являлась не по плечу. Директора императорскихъ театровъ въ лицѣ кн. С. Гагарина и Гедеонова въ Петербургѣ, Ѳ. Кокошкина и М. Н. Загоскина въ Москвѣ были поклонниками старой школы, а послѣдніе два явно обнаружили свое отношеніе и къ Грибоѣдову и его комедіи. Согласно вкусамъ времени «реальное казалось вульгарнымъ и низменнымъ. Самый лучшій актеръ искалъ въ роли минутъ прежде всего патетическихъ. «Благородство» тона имѣло свое особенное толкованіе. Чацкаго игралъ, конечно, героическій актеръ, трагикъ съ крупной фигурой и мощнымъ басомъ. Софью—актриса съ обаятельнымъ голосомъ и славившаяся только умѣньемъ декламировать на распѣвъ. Тонъ, какой они могли внести, остался традиціоннымъ на много лѣтъ, не смотря на то, что въ пьесу вступилъ знаменитый реальный актеръ Щепкинъ; съ другой стороны, для изображенія галлереи грибоѣдовскихъ типовъ актеры пользовались тѣми портретами, которые, по слухамъ, послужили моделями для Грибоѣдова. Это тоже создало традицію.

Прошелъ «Ревизоръ», прошелъ и Островскій; художественный реализмъ властно овладѣлъ лучшей русской сценой, но не находилось ни одного крупнаго и свободнаго художника въ лицѣ режиссера или директора, который бы попытался поставить съ тѣмъ же художественнымъ реализмомъ «Горе отъ ума». Изъ года въ годъ повторяли пьесу ради того или другого прекраснаго исполнителя, со всѣми ошибками и изувѣрствами первыхъ постановокъ. Можно удивляться силѣ талантовъ Щепкина или Самарина, которымъ приходилось такъ привлекать все вниманіе зрителей, чтобъ ихъ чудесная игра покрывала недостатки общаго исполненія. Сказать теперь молодымъ людямъ, такъ они не повѣрятъ, что еще сравнительно недавно, до 1882-го года, въ третьемъ дѣйствіи капельмейстеръ взмахивалъ палочкой и г. Д. съ Софьей, подъ звуки оркестра, расположеннаго передъ сценой, танцовали мазурку. И публика хлопала, и г. Д. съ Софьей биссировали танецъ и артистъ Никифоровъ считался замѣчательнымъ исполнителемъ г. Д., потому что съ тонкимъ комизмомъ танцовалъ мазурку. А потомъ, подъ звуки того же оркестра, всѣ гости Фамусова проходили въ торжественномъ полонезѣ. «Съѣдутся домашніе, друзья — потанцовать подъ фортепіано»... Не говоря уже объ оркестрѣ съ капельмейстеромъ, принимающимъ участіе въ реальной комедіи». (*Вл. И. Немировичъ-Данченко.* «Горе отъ ума» въ моск. худ. театрѣ, «Вѣстн. Европы», 1910 г., V).

Попытка внѣшней реставраціи пьесы сдѣлана лишь въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, но и этотъ починъ принадлежалъ частной московской сценѣ. На казенныхъ театрахъ комедія давалась даже безъ обстановки и костюмовъ эпохи, со старыми декораціями и сборнымъ гардеробомъ, не говоря уже о текстѣ[1]). Серьезнымъ шагомъ впередъ на пути реставраціи, не только внѣшней, но и внутренней, является постановка «Горя отъ ума» «Художественнаго театра». (О ней см. цитированную выше статью[2]).

Боринька.—Воркуловъ. Евдокимъ.—Гильомe.—Горичевы, Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ.—Григорій, князь.—Д.—Докторша.—Дядюшка.—Загорѣцкій, Антонъ Антоновичъ.—Зизи.—Ирина Власьевна.—Катишъ.—Клокъ, фонъ-баронъ.—Кузьма Петро-

[1]) До сихъ поръ «Горе отъ ума» играется по «смѣшанному тексту». Художественный театръ принялъ въ основу текстъ изданія Ю. Озаровскаго (Спб. 1895 г.) и внесъ свои поправки, правда, немногочисленныя. *Ред.*

[2]) Рисунки В. И. Россинскаго, изображающіе главнѣйшіе типы «Горя отъ ума» въ постановкѣ «Моск. худ. театра», приложены къ книгамъ «Вѣстн. Европы» за 1910 г. *Ред.*

вичъ.—Ласова, княгиня.—Левонъ.—Марья Алексѣевна.—Лохмотьевъ, Алексѣй.—Лукерья Алексѣевна.—Молчалинъ, Алексѣй Степановичъ.—Максимъ Петровичъ.—Мими.—N.—Настасья Николаевна.—Петрушка.—Прасковья Ѳедоровна.—Петръ, князь.—Пульхерія Андревна.—Репетиловъ.—Розье, m-me.—Скалозубъ. Сергѣй Сергѣевичъ.—Татьяна Юрьевна.—Петрушка.—Тугоуховскіе, князь и княгиня.—Удушьевъ. Ипполитъ.—Фамусова, Софья Павловна.—Фамусовъ. Павелъ Аѳанасьевичъ.—Филька.—Французикъ изъ Бордо.—Хлестова.—Хрюмина-бабушка.—Хрюмина-внучка.—Чахоточный.—Чацкій, Александръ Андреевичъ.—Чацкій, Андрей Ильичъ.—Черномазенькій—Оедоръ, князь.—Ома Омичъ.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ. Біографическую канву см. стр. 7. Первые литературные планы Гр. относятся еще къ студенческимъ годамъ. Тогда уже появились наброски комедіи «Студентъ» и первоначальный планъ «Горя уму».

Первые литературные опыты Грибоѣдова были встрѣчены въ родномъ домѣ «съ нескрываемымъ презрѣніемъ». «Спроси у Жандра, писалъ Грибоѣдовъ позднѣе въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бѣгичеву, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными». «Folies d'Alexandre», отзывалась мать о работахъ сына. И позднѣе онъ пришелъ къ убѣжденію, что «истинный художникъ можетъ быть только человѣкъ безродный».

1812 годъ отвлекъ Грибоѣдова отъ литературной дѣятельности. Вмѣсто защиты родины среди «сѣрыхъ рядовъ ополченія», онъ провелъ «четыре такихъ мѣсяца въ Литвѣ, отъ которыхъ четыре года не могъ попасть на путь истинный».

Въ то время, какъ черновые наброски и планы оставались извѣстными одному лишь Грибоѣдову, онъ выступаетъ въ журналахъ съ «дѣловыми» статьями, ничего не говорящими объ его художественномъ талантѣ. («О кавалерійскихъ резервахъ»,—1814 г.—Письмо изъ Брестъ-Литовска и «Праздникъ въ честь генерала Кологривова»—1814 г.) и др.

Военная служба, на которую, подобно тысячамъ русской молодежи, вступилъ Грибоѣдовъ при полученіи извѣстія о вторженіи «непріятеля въ предѣлы отечества нашего», не увлекала его въ мирное время. Онъ готовился къ иному поприщу, и по собственнымъ словамъ, наканунѣ войны готовъ былъ къ испытанію на чинъ доктора».

Въ Петербургѣ онъ встрѣчается (1817 г.) съ Пушкинымъ, но держится вдали отъ его литературныхъ друзей. Къ увлеченію романтизмомъ онъ относится отрицательно. «Богъ съ ними—съ мечтаніями: нынѣ въ какую книжку не заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь, или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ» [1]. Въ эпоху увлеченія Карамзинымъ, онъ не примкнулъ къ «карамзинистамъ», но, наоборотъ, примкнулъ «къ дружинѣ славянъ», къ Шишкову, Катенину, Шихматову, къ «Бесѣдѣ русскаго слова», хотя «по вторникамъ» (день собранія «Бесѣды») и бывалъ «регулярно боленъ». Литературные интересы Грибоѣдова сосредоточились главнымъ образомъ около театра. Въ сотрудничествѣ съ Шаховскимъ, Хмельницкимъ, Катенинымъ и Жандромъ онъ переводитъ и передѣлываетъ рядъ комедій для сцены, слѣдуя тому легкому жанру, который былъ унаслѣдованъ отъ французской литературы и прививался на русской сценѣ. Свѣтская жизнь отвлекаетъ его отъ главнаго, отъ той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Сомнѣнья, что «врядъ ли эти литературныя товарищества могли произвести что либо хорошее», еще не волнуютъ Грибоѣдова. Свѣтская разсѣянная жизнь увлекаетъ его. «Съ честолюбіемъ равнымъ его дарованіямъ, онъ былъ «опутанъ, по характеристикѣ Пушкина, «сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности». «Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздвилъ сего кандидата

[1]) Ср. грибоѣдовскій разборъ «Леноры» Жуковскаго. *Ред.*

«Бесѣды» пресловутой?» спрашивалъ В. Л. Пушкинъ Гнѣдича въ 1816 г. Но «кандидатъ пресловутой Бесѣды» удивлялъ общество не только своими громкими похожденіями, но и былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей. Въ университетѣ онъ слушалъ приватныя лекціи Буле, прекрасно владѣлъ иностранными языками и зналъ, что «чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству». Занятія греческимъ языкомъ въ Петербургѣ, персидскимъ и арабскимъ, во время пребыванія въ Персіи, русской исторіей, объ основательномъ знакомствѣ съ которой свидѣтельствуютъ грибоѣдовскія «замѣтки»—эта постоянная жажда знанія должна была сблизить Грибоѣдова съ кругомъ передовой русской молодежи первой половины александровскаго царствованія. «Подъ знаменемъ Шишкова» служилъ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей—декабристъ Кюхельбекеръ,—выступавшій противъ «чужеземнаго вліянія», признававшій «чистѣйшими источниками для русской словесности» «вѣру праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя». «Врагами всякой нѣмчизны были декабристы братья Муравьевы [1]) и любовь ко всему отечественному являлась общимъ противовѣсомъ недавняго увлеченія всѣмъ иноземнымъ [2]). Увлеченіе Грибоѣдова древней до-петровской Русью могло скорѣе сблизить его съ «Русской Бесѣдой», чѣмъ съ романтиками, но это сближеніе на самомъ дѣлѣ не шло дальше внѣшней связи: Грибоѣдовъ остался самимъ собою. Его «Горе» первые же отвергли «литературные старовѣры», писатели «одного съ нимъ прихода», по выраженію критика «Вѣстника Европы». Сочувствіе Чацкаго «національному» не было отраженіемъ Шишкова и его круга, но шло въ разрѣзъ съ ихъ взглядами. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ, мучившій лучшихъ людей александровской эпохи, близокъ Грибоѣдову. Онъ задѣваетъ его въ «Студентѣ» (ср. стр.), онъ возвращается къ нему въ «Горѣ отъ ума» и ставитъ его въ планѣ драмы «1812 г.»

Извѣстна грибоѣдовская эпиграмма:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ,
Меня и взяли въ главный штабъ
И потащили къ Іисусу.

«Рабы мой любезный! пишетъ онъ о персахъ Бѣгичеву. Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣстница слѣпого рабства и сильной власти здѣсь безпрерывно восходитъ до бега, хана, бегларъ-бега и каймакама, и такимъ образомъ выше и выше. Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-лѣтнюю службу, сѣдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ, требуетъ суда надъ виноватыми, который всегда наряжается ».

Несомнѣнно сочувствуя освободительнымъ планамъ и программѣ декабристовъ, онъ не раздѣлялъ ихъ мечтаній, не довѣрялъ той легкости, съ которой они думали осуществить ихъ. Онъ «не могъ быть ораторомъ возмущенія» и не вѣрилъ, чтобы «сто человѣкъ прапорщиковъ» могли измѣнить государственный бытъ Россіи». Но довольства этимъ самымъ бытомъ, или полнаго равнодушія къ нему, которое царило въ кругу многихъ его друзей, у Грибоѣдова не было. «Онъ полагалъ, по свидѣтельству Рылѣева, Россію къ тому еще не готовой». Отрицая свое участіе въ заговорѣ декабристовъ, онъ тѣмъ не менѣе показывалъ на допросѣ, что «въ разговорахъ часто видѣлъ смѣлыя сужденія, насчетъ правительства, въ коихъ самъ бралъ участіе: осуждалъ, что казалось вреднымъ и желалъ лучшаго». «Я былъ рожденъ для другого поприща, которое себѣ

[1]) Записки Якушкина. *Ред.*

[2]) О стремленіи къ національной самобытности Вл. Раевскаго см. работу *П. Щеголева* «Первый декабристъ». «Вѣстн. Евр.» 1903, VI и отдѣльно Спб. 1905 г. *Ред.*

назначилъ, быть можетъ, на перекоръ судьбѣ», говоритъ о себѣ Грибоѣдовъ, но этого поприща онъ долго не находилъ.

Наканунѣ событій 1825 г. «сѣдая кіевская старина» увлекаетъ его. Въ Кіевѣ «надышался» онъ «здѣшнимъ воздухомъ»,—«пожилъ съ умершими: Владиміры и Изяславы совершенно овладѣли воображеніемъ» Грибоѣдова и онъ «только вскользь замѣтилъ современное поколѣніе». Извѣстны его симпатіи къ допетровской Руси, и отрицательный взглядъ на Петра, и рѣчи Чацкаго-Грибоѣдова противъ слѣпого преклоненія предъ всѣмъ иностраннымъ. Все это позднѣе породило страстные споры и вызвало вопросъ: былъ ли Грибоѣдовъ славянофиломъ, или западникомъ либераломъ? Онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, но принадлежалъ къ новымъ на Руси людямъ, которые личныя свои качества, умъ, знанія и образованность противопоставляли родовымъ традиціямъ.—«Узнай, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онерами», писалъ онъ въ 1828 г. Булгарину. Его волновали кровно иныя мысли. «Народъ единокровный разрознены съ нами, и на вѣки!» говорилъ онъ. «У насъ господа и крестьяне» словно «происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не умѣли еще перемѣниться обычаями и нравами». «Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими». Петръ являлся Грибоѣдову такимъ «чернымъ волшебникомъ» и, читая «одинъ томъ акцій Петровыхъ» [1]), онъ «зѣло на его нѣмцевъ и на его колбасниковъ сердился». Но не противъ реформы Петра, а противъ того, что она одну часть народа сдѣлала «полуевропейцами», а другую оставила въ Азіи, не противъ Европы, а противъ «пустого, рабскаго, слѣпого подражанья» возставалъ Грибоѣдовъ. Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ вовсе не желалъ, чтобы «отечество наше осталось въ вѣчномъ младенчествѣ»; онъ былъ убѣжденъ, что «Россія не имѣетъ еще чрезмѣрнаго количества людей, способныхъ и образованныхъ». «Если бы, писалъ онъ, возможность была массу свѣдѣній нашихъ литераторовъ, академиковъ и профессоровъ распредѣлить между людьми съ талантомъ, врядъ ли бы на каждаго пришлось столько, чему Ланкастеръ учитъ: читать, писать—и то плохо». Онъ не вѣрилъ упрекамъ тѣхъ моралистовъ, которые «вѣчно упрекаютъ ее (Европу) порчею нравовъ», и самъ рвался «въ чужіе края», въ Парижъ, въ Южную Францію, въ Италію, къ берегамъ Колхиды, но уѣхать ему туда такъ и не пришлось: постоянная нужда въ деньгахъ и затѣмъ «политическая ссылка» обрекли его на скитанія «въ восточныхъ краяхъ», по странѣ чуждой его «чувствамъ и мыслямъ».

Еще въ 1820 г. онъ просилъ объ отозваніи его «изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь», просилъ именно для того, «чтобы пріобрѣсть познанія» и тѣмъ быть полезнѣе «своему отечеству». Въ 1827 г. онъ вѣрилъ, что его «ссылка» не долга: «кончится кампанія и я откланяюсь», писалъ онъ Булгарину. Огромная служебная переписка, на которую ссылался Грибоѣдовъ въ одномъ изъ писемъ къ Булгарину, занимаетъ почти цѣлый томъ въ шляпкинскомъ изданіи его сочиненій. Его переписка съ друзьями, разрозненная и далеко не полная, дополняетъ первую. Въ грибоѣдовскихъ «реляціяхъ и доношеніяхъ» менѣе всего виденъ чиновникъ, заботливый о службѣ лицамъ, а не дѣлу. Какъ «добрый патріотъ», онъ всюду видитъ прежде всего благо и пользу Россіи. Онъ не одобряетъ многого существующаго. «Дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени». «Одно только строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей», писалъ онъ. Въ покоренныхъ народахъ по сю сторону Кавказа онъ желаетъ видѣть «новыхъ согражданъ», а чиновники на Кавказѣ «по отсутствію полезныхъ и похвальныхъ качествъ — водворяли только безнравственность». «Борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ», которое лишь

---

[1]) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова. *Ред.*

умѣетъ «вѣшать, прощать и плевать на исторію, глубоко возмущала его, возмущалъ тотъ «духъ разрушенія», который вносило съ собою всюду «русское племя».

Служба въ Петербургѣ и назначеніе секретаремъ посольства въ Персію для него явились судьбой, нуждой, необходимостью. «По доброй волѣ, изъ одного любопытства я не разстался бы съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ», писалъ Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву (1819 г.). «Зависимость отъ семейства» создала ему, жаждавшему быть независимымъ отъ людей, новую зависимость отъ службы. Съ тяжелыми предчувствіями онъ надѣлъ на себя служебную «лямку» и принялъ назначеніе въ Персію. Въ письмѣ изъ Новгорода, по дорогѣ въ Персію, онъ пишетъ Бѣгичеву (1818 г.): «Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль.—Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ ,похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ, только врядъ ли я попаду въ святые!»

Та-же «тоска неизвѣстная»,—предчувствіе близкой смерти—томила его и въ 1818 г. и въ 1825 г. Въ письмѣ изъ Ѳеодосіи (1825 г.) онъ пишетъ: «Пора умереть! Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало». О такихъ же предчувствіяхъ близкой опасности онъ говорилъ и Пушкину въ послѣднее свиданіе съ нимъ передъ послѣднимъ своимъ отъѣздомъ въ Персію.

Онъ самъ ищетъ этой опасности, рискуя жизнью у барьера на дуэляхъ и позднѣе подъ пулями горцевъ, проявляя такое неустрашимое мужество, которое изумляло окружающихъ. «Сахтиръ, coeur dur», прозвали его въ Персіи. Одинокій «скиталецъ», онъ кочуетъ по Крыму и Кавказу и «по восточнымъ краямъ», явившимися мѣстомъ «политической ссылки» и могилой для Грибоѣдова.

Превосходный музыкантъ-импровизаторъ, онъ съ дѣтства любилъ музыку и до самозабвенія увлекался ею. Извѣстны пьесы, сочиненныя Грибоѣдовымъ и напечатанныя позднѣе въ «Лирическомъ Альбомѣ» за 1832 г. [1]) и его дружба съ кружкомъ Алябьева, Верстовскаго и др. Глинка былъ высокаго мнѣнія о музыкальныхъ способностяхъ Грибоѣдова, но развернуть ихъ ему не удалось. «Не ожидай отъ меня стиховъ», писалъ онъ въ 1827 г. Булгарину: «горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе».

Искусство, поэзію онъ любилъ «безъ памяти, страстно», и долго, напрасно искалъ «уголка для уединенья», для творческой работы. Такимъ уголкомъ оказался Тифлисъ, гдѣ онъ довѣрился «однѣмъ стѣнамъ» и въ 1822 г. написалъ первые два акта своего «Горя», и «господское обиталище» друга Бѣгичева въ тульской губерніи, гдѣ уже «музамъ не лѣнивый служитель» онъ заканчивалъ свой великій трудъ. Поразительный успѣхъ комедіи, не видѣвшей еще печати и уже создавшей славу автору, и наряду съ этимъ тревоги и огорченія, которыя сопровождали безуспѣшныя хлопоты о дозволеніи ея къ печати и къ постановкѣ на сцену, должны были вызвать чувство горькой обиды. «Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Ше-

[1]) Полн. Собр. соч. Грпб. т. II, ред. Шляпкина. *Ред.*

ремететъ у насъ затмилъ-бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ».

«Вмѣсто открытой гласной поддержки культурной массы пришлось довольствоваться одиночнымъ сочувствіемъ немногихъ развитыхъ людей и двухъ-трехъ сносныхъ журналовъ, вмѣсто общественной дѣятельности — служебной лямкой, вмѣсто ученыхъ работъ, къ которымъ его влекло—диллетантизмомъ высшаго качества,—и никогда не испытать радостей драматурга, выносящаго свое созданіе на всенародный судъ, на сцену... Неудачная жизнь, хотя и осыпанная подъ конецъ всякими отличіями и почестями! По ней вьются, прикрашивая и оживляя ее, словно свѣжія гирлянды цвѣтовъ, иллюзія дружбы, любви, страсть къ музыкѣ, къ импровизаціи, за которою онъ «способенъ былъ забывать весь міръ». (*Веселовскій.* «Этюды», стр. 624).

Любовь къ кн. Нинѣ Чавчавадзе освѣтила «канунъ его смерти».

Въ странѣ «чуждой» его «чувствамъ и мыслямъ», за «египетской работой» ему довелось найти смерть вдали отъ «любезнаго отечества», которое съ пышной церемоніей встрѣтило гробъ убитаго «полномочнаго министра нашего въ Персіи»[1]) и ничто въ этой церемоніи не напоминало, что Россія хоронитъ одного изъ своихъ величайшихъ писателей.

Оцѣнка Грибоѣдова, какъ человѣка, является одинаково высокой со стороны людей, его знавшихъ. Пушкинъ и Булгаринъ, Баратынскій и Бѣгичевъ, А. Одоевскій и Чаадаевъ, Бестужевъ и Кс. Полевой, Гречъ и Каратыгинъ, Завалишинъ и др. одинаково признаютъ силу его ума, знаній, «культъ» его правды. «Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи», отзывался о Грибоѣдовѣ Пушкинъ въ то время, когда силу этого ума знали и постигали только еще очень немногіе; даже писанныя съ явнымъ пристрастіемъ, съ желаніемъ свести «личные счеты», воспоминанія Ермолова, Давыдова и Муравьева-Карскаго, противъ воли ихъ авторовъ, рисуютъ обликъ не совсѣмъ обычнаго человѣка—ихъ врага[2]).

Грузинская ночь. Отрывки изъ трагедіи; относятся къ 1825 г. По словамъ Булгарина, «трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ». Н. Гречъ въ своихъ запискахъ (Спб. 1888 г) передаетъ, что Грибоѣдовъ читалъ предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга (1825 г.) уже законченную трагедію и по своимъ достоинствамъ новая комедія была даже выше «Горя отъ ума».

Булгаринъ въ «Сынѣ Отеч.» 1830 г. (№ 1) такъ передаетъ содержаніе пьесы: «Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели (должно быть Али), злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера; но Али несутъ пулю въ сердце его дочери.

---

[1]) См. въ изданіи Сербевскаго описаніе похоронъ Грибоѣдова, появившееся ранѣе въ «Сѣверной Пчелѣ». *Ред.*

[2]) Въ романѣ («Село Михайловское») В. С. Миклашевичъ, хорошо знавшей Грибоѣдова, сдѣлана попытка изобразить характеръ автора «Горя отъ ума». См. выше «Списокъ» — Миклашевичъ. *Ред.*

Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ, и познаетъ цѣну потери дѣтища; злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью: они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная на народной грузинской сказкѣ, если-бъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина».

В. В. Семевскій (Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II) отмѣчаетъ, что, даже судя по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, «Грузинская ночь» по основной идеѣ «весьма замѣчательна для своего времени». «Очевидно, Грибоѣдовъ, подобно своимъ друзьямъ-декабристамъ, считалъ крѣпостное право самымъ вопіющимъ зломъ современнаго общественнаго строя и готовъ былъ употребить на борьбу съ нимъ всѣ силы своего ума и таланта» (ср. выше стр. 67—68).

«Кто братъ, кто сестра», или обманъ за обманомъ. Опера-водевиль. Текстъ, за исключеніемъ куплетовъ, принадлежитъ Грибоѣдову. Музыка А. Н. Верстовскаго. Написана въ 1824 г.

Андрей.—Ваніусъ.—Рославлевы: младшій и старшій.—Чижевскія, Антося и Людвися. | Юлія Рославлева [1]).

Лубочный театръ. Написанъ въ 1817 г. въ отвѣтъ на статью Загоскина въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ». Въ письмѣ къ Катенину отъ 19 октября 1817 г., возмущенный «ахинеей» Загоскина, Грибоѣдовъ, писалъ: «Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь, впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями». При жизни Грибоѣдова «Лубочный театръ» не могъ быть напечатанъ въ журналахъ и по рукамъ ходили «списки».

Молодые супруги, комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ; является передѣлкой пьесы Creuzé de Lesser «Le secret du ménage». Въ отдѣльномъ изданіи вышла въ 1815 г. (Спб.). На петербургской сценѣ появилась въ первый разъ 29 сентября 1815 г., въ бенефисъ Семеновой (меньшей).

Аристъ.—Сафиръ.— Сердалековъ.—Эльмира.

Неоконченныя произведенія Грибоѣдова. Въ бумагахъ сохранился планъ и нѣсколько сценъ драмы «1812 г.», относящихся къ 1822 г. и наброскъ «Олегъ Вѣщій».

Притворная невѣрность, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ; переведена съ французскаго (A. Barte, «Les fausses infidelités»), А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. Посылая С. Н. Бѣгичеву вышедшее отдѣльное изданіе комедіи (Спб. 1818 г.), Грибоѣдовъ объясняетъ причину, почему комедія переведена двумя. «При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-я и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: «я здѣсь, все слышалъ, и все знаю», я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ

[1]) Въ Словарь не внесены и отмѣчены лишь въ «Перечнѣ». *Ред.*

его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедійку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вотъ что заставило меня ее напечатать» (письмо отъ 15 апр. 1818 г.) Въ письмѣ изъ Москвы отъ 5 сент. того же года Грибоѣдовъ извѣщаетъ своего друга, что «Притворную невѣрность» играютъ на московской сценѣ.

Блестовъ.—Вельская.—Ленскій.—Лиза.

Проба интермедіи. Интермедія въ одномъ дѣйствіи. Написана въ 1819 г. для бенефиса артиста Брянскаго.

Алегринъ. — Бемольская. — Машинистъ. — Припрыжкинъ.—Рѣзвушковъ.—Свисталова. — Суфлёръ.—Околковъ.

Своя семья, или замужняя невѣста. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ князя Шаховского и Хмельницкаго съ участіемъ Грибоѣдова. Грибоѣдову принадлежитъ въ ней пять сценъ II дѣйствія (1—5), напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» 1817 г. Еще въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ 4 сент. 1817 г. Грибоѣдовъ писалъ, что Шаховской проситъ его «сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ (Шаховской) пишетъ для бенефиса Валберховой, и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно». Прилагая въ письмѣ къ Бѣгичеву эти пять сценъ, Грибоѣдовъ передаетъ такъ содержаніе своей комедіи: «Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Ѳекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны (Вельдюзевой), которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею мужниной роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ». Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургскомъ театрѣ 24 января 1818 г.

Варвара Савишна.—Ладова.—Любимъ.—Наташа.—Раиса Савишна. Ѳекла Савишна.

Сочиненія А. С. Грибоѣдова. 1) Первое собраніе всего написаннаго Грибоѣдовымъ было сдѣлано А. Смирдинымъ-сыномъ въ 1854 г. въ «Собраніи сочиненій русскихъ авторовъ». Сочиненія Грибоѣдова напечатаны въ одной книгѣ вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго [1]).

2) Въ 1858 г. Евграфъ Серчевскій своимъ изданіемъ (Спб.) стремился дать «пріуготовительный трудъ для будущаго біографа, а публикѣ возможно полное изданіе сочиненій Грибоѣдова». Въ изданіе Серчевскаго вошли: а) матеріалы для біографіи Грибоѣдова (въ томъ числѣ воспоминанія Булгарина и К. Полевого, статьи и отзывы о Грибоѣдовѣ Пушкина, Вяземскаго, извѣстія о кончинѣ Грибоѣдова [2]), описаніе послѣдняго долга, отданнаго Грибоѣдову въ Тифлисѣ, описаніе его могилы и пр. б) прозаическія статьи и письма Грибоѣдова (восемь), в) мелкія стихотворенія, г) драматическія сочиненія («Горе отъ ума», «Молодые

[1]) См. списокъ. *Ред.*

[2]) Эти извѣстія явились въ то время высокоцѣннымъ матеріаломъ, такъ какъ русское общество знало лишь, что Грибоѣдовъ «погибъ жертвой неистовства тегеранской черни». Первое извѣстіе объ его смерти получено было въ Петербургѣ въ мартѣ 1829 г. и вызвало краткую отмѣтку въ «Сѣверной Пчелѣ» безъ объясненія причинъ гибели Грибоѣдова и неистовства тегеранъ. И послѣ изданія Серчевскаго, помѣстившаго «Разсказъ Персіанина о событіяхъ предшествовавшихъ убіенію россійскаго посланника въ Персіи», этотъ разсказъ долго былъ единственнымъ повѣствованіемъ проливавшимъ нѣкоторый свѣтъ на событія 1829 г. въ Персіи. Только лишь въ 1872 г. *П. А. Ефремовъ* обнародовалъ новыя данныя объ убійствѣ Грибоѣдова и загадочномъ «неистовствѣ черни». (*«Русск. Архивъ»*, 1872). См. также *В. Жуковскій.* Персидскіе лѣтописцы о смерти Грибоѣдова. «Новое Время», № 5068—1900 г.). *Ред.*

супруги», отрывокъ изъ «Своей семьи»), д) критическія статьи о «Горѣ отъ ума», помѣщенныя въ журналахъ съ 1825—1857 гг., по указаніямъ извѣстнаго библіографа Г. Н. Геннади. Въ приложеніяхъ даны: «Списокъ изданій и переводовъ «Горя отъ ума» и обзоръ ролей комедіи П. Н. Арапова. При книгѣ: портретъ Грибоѣдова, срисованный съ натуры П. А. Каратыгинымъ, изображеніе памятника, автографовъ, портретовъ артистовъ М. С. Щепкина (Фамусовъ), И. И. Сосницкаго (Репетиловъ), П. А. Каратыгина (Загорѣцкій), Самарина (Чацкій) и три литографіи сценъ комедіи. Изданіе Е. Серчевскаго «Грибоѣдовъ и его сочиненія» въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость.

3) Въ 1860 г. вышло «первое полное изданіе (по названію) сочиненій Грибоѣдова въ Берлинѣ (Рудольфа Вагнера).

4) Такое же «полное» собраніе появилось въ томъ же году въ Петербургѣ въ изданіи Мухина.

5) Въ 1870 г. «второе полное изданіе» выходитъ въ Берлинѣ B. Behr Buchandlung (T. Book). Гарусовъ считаетъ это второе изданіе лишь перемѣной обложки, залежавшагося перваго берлинскаго изданія.

6) Сочиненія Г., изд. А. Шамова, М. 1878 г.

7) Полное собраніе сочиненій Г., съ библіографическимъ указателемъ и примѣчаніями вышло подъ редакціей прив. доц. И. А. Шляпкина въ 2 томахъ, Спб. 1889 г. Въ первомъ томѣ: «прозаическія статьи и переписка». Во второмъ: «поэзія». Здѣсь же данъ перечень всѣхъ прежнихъ изданій и сводъ литературы о Грибоѣдовѣ [1]).

8) Общедоступное изданіе А. Ф. Маркса, подъ редакціей А. И. Введенскаго. Спб. 1892 г.

Стихотворенія Грибоѣдова, начиная съ 1815 г., печатались въ «Сынѣ Отечества», «Полярной Звѣздѣ», «Мнемозинѣ» и «Сѣверной Пчелѣ». При жизни Грибоѣдова увидѣли печать только немногія пьесы. Остальныя появились въ печати уже послѣ кончины автора.

Студентъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Первые наброски относятся еще къ 1812 г. Закончена совмѣстно съ П. А. Катенинымъ въ 1817 г. Первая попытка Грибоѣдова на пути общественной сатиры. Словами Звѣздова довольно ярко характеризуется отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ: «Да отправить старосту изъ женина деревни, наказать ему крѣпко накрѣпко, чтобъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей непремѣнно, слышите ль: 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ, то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ видно шутитъ 25-ю рублями, прошу покорно, да гдѣ ихъ сыщешь? Кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ, что ли валяются. 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало, такъ чтобъ Фомка внесъ 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей: хоть роди, да подай».

Боневольскій, Евлампій Аристарховичъ.—Варинька.—Звѣздова.—Звѣздовъ.—Иванъ.—Полюбинъ.—Прохоровъ.—Саблинъ.—Федька.

---

[1]) Изданіе (И. А. Варгунина) въ настоящее время вышло изъ продажи. *Ред*

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ГРИБОѢДОВА.

2) СВОДЪ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.

3) ПРОТОТИПЫ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

4) СПИСОКЪ ЛИЦЪ, ИМЕНЪ И НАЗВАНІЙ.

5) ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА И ПОКОЛѢНІЕ 20-ХЪ Г.Г.

Приложеніе 1-ое.

Главнѣйшіе источники для изученія Грибоѣдова.

1) Библіографія.

Грибоѣдовъ, А. С. Изданія «Горя отъ ума» и собраній сочиненій см. ниже стр. 61—62 и 77—78.

Лисовскій, Н. М. Библіографическій указатель произведеній Гр. и литературы о немъ. Спб. 1889 г.

Пиксановъ, Н. К. Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ. Юрьевъ. 1903 г.

Венгеровъ, С. А. Источники для словаря русскихъ писателей. Спб. 1910 г. томъ 2-й.

2) Біографія.

Веселовскій, А. Н. А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ при «Русской Библіотекѣ». Спб. 1875 г.

Берже, А. Дѣятельность Гриб. какъ дипломата, «Русск. Стар.», т. XI. Смерть Гриб. Ibidem, т. VI.

Ефремовъ, П. А. О смерти Гр. въ Тегеранѣ, «Русск. Арх.» 1874 г. I.

Мсеріанцъ, Л. Къ вопросу объ интересѣ Гриб. къ изученію востока. Спб. 1909 г.

Смирновъ, А. И. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьба комедій его. Извѣстія Варш. универс., т. VI. Варшава. 1895 г.

Смирновъ, Д. И. Біогр. Гриб. («Бес. Любит. Рос. Словесн.» за 1868 г.).

Шаломытовъ, Н. В. Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова къ біографіи А. С. Грибоѣдова. Спб. 1909 г.

Шляпкинъ, И. А.—біографическая канва при первомъ томѣ сочиненій Грибоѣдова. Спб. 1889 г.

3) Критика и исторія.

Авдѣевъ, М. И. Русское общество въ герояхъ и героиняхъ. Спб. Изданіе 2-ое И. Перевозникова (годъ не обозначенъ).

Айхенвальдъ, Ю. И. Силуэты русскихъ писателей. М. 1908 г. (2-ое изд.).

Андреевскій, С. А. Литературные очерки. Спб. 1902 г. Изд. 3-ье, стр. 409—427.

Боцяновскій, В. Ѳ. А. С. Грибоѣдовъ. «Ежегодникъ Императ. Театровъ». Спб. 1895 г.

Бѣлинскій. Сочиненія, подъ редакціей С. Венгерова. Спб. 1900 г., т. IV, «Горе отъ ума», стр. 22—90 (собственно комедіи посвящены 74—90 стр)., т. I. «Литературныя мечтанія» и т. V «Обзоръ литературы 1841 г.».

Венгеровъ, С. А. Примѣчанія къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, т. V. Спб. 1900 г.

Веселовскій, Алексѣй Ник. Этюды и характеристики. М. 1907 г. Изд. 3-ье. (Чацкій и Альцестъ, стр. 124. Грибоѣдовъ, стр. 619).

Его же. Западное вліяніе въ русской литературѣ. М. 1903 г.

Гончаровъ, И. А. «Милльонъ терзаній». Сочиненія т. IX. Спб. Изд. Глазунова и т. XI изд. Маркса.

Григорьевъ, А. А. Сочиненія т. I. Спб. 1879 г.

Кадлубовскій, А. Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи. Сборникъ ист. филол. общества при Нѣжинскомъ институтѣ. Кіевъ, 1896 г., стр. 128—155.

Каллашъ, В. В. Грибоѣдовъ и Чацкій. «Русская Мысль», 1904 г. Янв.—февраль.

Котляревскій, Н. А. Литературныя направленія въ Александровскую эпоху. Спб. 1907 г. Изд. «Свѣточа».

Жуковскій, В. Персидскіе лѣтописцы о смерти А. С. Грибоѣдова. «Новое Время» № 5068, 1900 г.

Куницкій, В. Н. Языкъ и слогъ «Горя отъ ума». Кіевъ. 1894 г.

Миллеръ, О. Ѳ. «Древняя и новая Россія», 1879 г.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Исторія русской интеллигенціи, т. I. М. 1906 г. Изд. Саблина.

Перетцъ, И. И. Грибоѣдовъ и его раннія произведенія. «Ист. Вѣстн.» 1895 г. Январь.

Пиксановъ, Н. А. С. Грибоѣдовъ, «Ист. нов. русск. литер.», изд. «Міръ», подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Изд. 2-ое. Спб. 1903 г. т. IV, стр. 312—352.

Его же. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. Спб. 1877 г., т. II, стр. 76—77. Второе изд. «Колоса» 1907 г.

Его-же. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1903 г. (3-ье изд.)

Пѣтуховъ, Е. А. С. Грибоѣдовъ. «Сборникъ ист. филолог. общ. при Нѣжинскомъ институтѣ». Кіевъ. 1896 г., стр. 78—97.

Семевскій, В. И. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888 г., т. 2-й.

Сенковскій, О. И. Сочиненія, т. IX, Спб. 1859 г., стр. 317—319.

Суворинъ, А. С. «Горе отъ ума» и его критики. Предисловіе къ изданію «Горя отъ ума». Спб. 1886 г.

Щеголевъ, П. Е. «А. С. Гр. и декабристы». Изслѣдованіе по архивнымъ матеріаламъ. Спб. 1904 г. Изд. Суворина [1]).

---

[1]) Кромѣ того см. Сочиненія, поименованныя въ примѣчаніяхъ и въ «Спискѣ».

Приложеніе 2-ое.

Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій.

«О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу».
П у ш к и н ъ (Письмо А. Бестужеву).

А дамы?—суньси кто, попробуй, овладѣй. (Ф а м у с о в ъ, II, 5).
А судьи кто? (Ч а ц к і й, II, 5).
Ахъ, амуръ проклятый! (Л и з а, I, 1).
Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна (Ф а м у с о в ъ, IV, 15).
Ахъ, если любить кто кого, зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко? (С о ф ь я, I, 5).
Ахъ, матушка, не довершай удара! кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара (Ф а м у с о в ъ, I, 5).
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ, кто на три года въ даль уѣдетъ! (Ч а ц к і й, II, 4).
Балъ—вещь хорошая,—неволя то горька (П л а т. М и х., IV, 1).
Бить баклуши (Ф а м у с о в ъ, II, 3).
Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ (Ч а ц к і й, I, 7).
Будетъ гонка! (Л и з а, I, 1).
Бываютъ странны сны, а на-яву страннѣе (Ф а м у с о в ъ, I, 4).
Бѣды медленьемъ не избыть (Ч а ц к і й, IV, 10)
Великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина! (Ф а м у с о в ъ, III, 21).
Велите-же мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ (Ч а ц к і й, I, 7).
Взглядъ и нѣчто (Р е п е т и л о в ъ, IV, 4).
Водевиль есть вещь, а прочее все гиль! (Р е п е т и л о в ъ, IV, 6).
Вотъ, братъ, рекомендую, какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ? (П л а т о н ъ М и х а й л ы ч ъ о Загорѣцкомъ, III, 9).
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой (Ф а м у с о в ъ Скалозубу, II, 5).
Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть, чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть (С о ф ь я Чацкому, I, 7).
Всѣ врутъ календари (Х л е с т о в а, III, 21).
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два (Ч а ц к і й, I, 7).
Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть (М о л ч а л и н ъ, III, 3).
Въ Москвѣ, вѣдь, нѣтъ невѣстамъ перевода (Ф а м у с о в ъ, II, 5).
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ! (Ч а ц к і й о Молчалинѣ, III, 13).
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ! Ф а м у с о в ъ о молодежи, II, 5).
Въ чтеньи прокъ-отъ не великъ (Ф а м у с о в ъ, II, 2).
Вы, нынѣшніе, нутка! (Ф а м у с о в ъ, II, 2).
Вы повели себя исправно, давно полковники, а служите недавно (Ф а м у с о в ъ, II, 5).
Вы, сударь, камень! Сударь, ледъ! (Л и з а, IV, 12).
Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ. (М о л ч а л и н ъ, III, 13).
Вѣдь нынче кто не шутитъ! (Л и з а, II, 11).

Гдѣ жъ лучше? (Софья)—**Гдѣ насъ нѣтъ** (Чацкій, II, 7).

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы, которыхъ мы должны принять за образцы! (Чацкій, II, 5).

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу. (Фамусовъ, I, 4).

Геній для иныхъ, а для другихъ чума (Софья объ «умѣ» Чацкаго, III, 1).

Герой... не моего романа (Софья о Скалозубѣ, III, 1).

Глухота большой порокъ (Графиня бабушка, III, 21).

.....Басни—смерть моя! (Загорѣцкій, III, 21).

Грѣхъ не бѣда, молва не хороша (Лиза, III, 5).

Грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ (Фамусовъ— Чацкому, I, 9).

Губители кармановъ и сердецъ (Фамусовъ о французахъ, I, 4).

Да не въ мадамѣ сила (Фамусовъ о m-me Розье, I, 4).

Да, такъ сказать рѣчистъ, а больно не хитеръ, Лиза о Скалозубѣ, I, 5).

Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы; объ нихъ какъ истинный философъ я сужу. (Скалозубъ, II, 5).

Да, чѣмъ кого Господь пощетъ, вознесетъ! (Фамусовъ, II, 5).

День за день, нынче какъ вчера (Молчалинъ, III, 1).

Деревня лѣтомъ рай (Чацкій, III, 6).

Дистанція огромнаго размѣра (Скалозубъ о Москвѣ, II, 5).

Дичь! (Репетиловъ, IV, 6).

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ:... то старшихъ выключать иныхъ—другіе, смотришь, перебиты (Скалозубъ, II, 5).

Дома новы, но предразсудки стары (Чацкій, II, 5).

Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ (Софья, I, 5).

Едва другая сыщется столица, какъ Москва (Фамусовъ, II, 5).

Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ, а мнѣ отъ русскихъ больно спится, (Фамусовъ о Софьѣ, I, 12).

Есть охотники поподличать вездѣ (Чацкій, II, 2).

За древностію лѣтъ къ свободной жизни ихъ вражда непримирима; сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма, (Чацкій, II, 5).

Завиральныя идеи («И завиральныя идеи эти брось!» Фамусовъ Чацкому, II, 3).

Золотой мѣшокъ (Лиза о Скалозубѣ, I, 5).

Злые языки страшнѣе пистолета (Молчалинъ, II, 11).

И вотъ за подвиги награда! (Чацкій, I, 7).

И вотъ общественное мнѣнье! (Чацкій, IV, 10).

И вотъ плоды отъ этихъ книгъ! (Фамусовъ, I, 4).

И говоритъ, какъ и пишетъ (Фамусовъ о Чацкомъ, II, 3).

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, (Чацкій, I, 7).

И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ (Фамусовъ, I, 3).

И нынче, какъ вчера: къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера (Чацкій, III, 13).

Ирритація («ну я не зналъ, что будетъ изъ того вамъ ирритація».—(Скалозубъ, II, 19).

И свѣтъ, и грусть! Какъ быстры ночи! (Софья, I, 2).

И слушаю—не понимаю! (Чацкій, IV, 14).

И я, какъ вы, ужасный либералъ (Загорѣцкій, IV, 16).

Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки (Чацкій, III, 22).

Какъ станешь представлять къ крестишку иль мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку! (Фамусовъ, II, 5).

Какъ честный офицеръ! Скалозубъ, II, 5).

Какого жъ далъ я крюку! (Фамусовъ, I, 10).

Карбонарій (Фамусовъ о Чацкомъ, II, 3).

Когда нибудь я съ бала да въ могилу (Граф. Хрюмина, IV, 1).

Кому назначено—не миновать судьбы! (Лиза, II, 6).

Кто нынче спитъ? (Репетиловъ, IV, 4).

Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь, дверь отперта для званыхъ и незваныхъ (Фамусовъ, II, 5).

Кричали женщины ура! и въ воздухъ чепчики бросали (Чацкій, II, 5).

Куда какъ чудень созданъ свѣтъ! Пофилософствуй—умъ вскружится! То бережешься, то обѣдь; ѣшь три часа, а въ три дня не сварится. (Фамусовъ, II, 1).

Къ военнымъ людямъ такъ и льнуть, а потому что—патріотки (Фамусовъ, II, 5).

Лицо святѣйшей богомолки! (Чацкій, I, 7).

Людишки, пишущая тварь (Репетиловъ о чиновникахъ, IV, 5).

Лѣнивая тетеря (Фамусовъ о Филькѣ, IV, 14).

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ и барская любовь, (Лиза, I, 2).

Мнѣ все равно, что за него, что въ воду! (Софья о Скалозубѣ, I, 5).

«Мнѣ въ петлю лѣзть—а ей смѣшно» (Чацкій, III, 1).

Мой мужъ, прелестный мужъ (Наталья Дмитріевна, III, 4).

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ! (Чацкій, IV, 13).

Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ (Фамусовъ, I, 4).

Москва, вишь, виновата! (Хлестова, III, 22).

Мужъ-мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей (Чацкій, IV, 14).

Мундиръ! Одинъ мундиръ! (Чацкій, II, 5).

Мы его на черный день пасемъ (Удушьева, Ипполита Маркелыча) (Репетиловъ, IV, 4).

На весь кварталъ симфонію гремишь (Фамусовъ Лизѣ, I, 2).

Намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья («какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы»), (Чацкій, I, 7).

Не вѣрь ей—все пустое! (Фамусовъ о Софьѣ, I, 9).

Не знаю-съ, виноватъ, мы съ нею вмѣстѣ не служили (Скалозубъ, II, 5).

Нельзя ли для прогулокъ подальше выбрать закоулокъ? (Фамусовъ, I, 4)

Не мастерица я полки то различать (Хлестова, III, 12).

Не надобно искать иного образца, когда въ глазахъ примѣръ отца (Фамусовъ, I, 4).

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ! (Чацкій, III, 10).

Милльонъ терзаній («милльонъ терзаній въ груди отъ дружескихъ тисковъ») (Чацкій, III, 22).

Несторъ негодяевъ знатныхъ (Чацкій, II, 5).

...Не страненъ кто-жъ? Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ. (Чацкій, III, 1).

Не то, чтобъ новизны вводили—никогда, спаси насъ Боже (Фамусовъ, II, 5).

Не человѣкъ—змѣя! (Софья о Чацкомъ, I, 7).

Ни безпокойства, ни сомнѣнья, а горе ждетъ изъ-за угла (Софья, I, 5).

Ни на волосъ любви (Чацкій о Софьѣ, I, 7).

...Нынче смѣхъ страшить и держить страхъ въ уздѣ (Чацкій, II, 3).

Нужень глазъ да глазъ (Лиза, I, 1).

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ (Чацкій, II, 3).

Одна лишь я любви до смерти трушу! А какъ не полюбить буфетчика Петрушу? (Лиза, II, 14).

Окромѣ честности есть множество отрадъ: ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ (Чацкій Загорѣцкому, III, 9).

Она къ нему, а онъ ко мнѣ (Лиза о Софьѣ и Молчалинѣ, II, 13).

Она не родила еще, но по разсчету по моему должна родить (Фамусовъ, II, 1).

Онъ дойдетъ до степени извѣстныхъ, вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ (Чацкій о Молчалинѣ, I, 7).

Онъ просто якобинецъ (Княгиня о Репетиловѣ, IV, 8).

Онъ слова умнаго не выговоритъ съ роду (Софья о Скалозубѣ, I, 5).

Отъ головы до пятокъ, на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ (Фамусовъ, II, 5).

«Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и тоже» (Платонъ Мих. Чапкому, III, 4).

Охъ, нѣтъ братецъ! У насъ ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ (Платонъ Мих., III, 9).

Подбитый вѣтеркомъ (Чацкій о французѣ Гильоме, I, 7).

Поди-ка послужи! (Фамусовъ, II, 2).

Подписано, такъ съ плечъ долой (Фамусовъ, I, 4).

Подумаешь, какъ счастье своенравно (Софья, I, 5).

...Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ! (Чацкій, IV, 14).

По моему сужденью, пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью (Скалозубъ о Москвѣ, II, 5).

Послушай, ври, да знай же мѣру! Есть отъ чего въ отчаянье придти (Чацкій, IV, 4).

Послушать, такъ его мизинецъ умнѣе всѣхъ, и даже князь-Петра (княгиня о Репетиловѣ, IV, 7).

...Постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже (Чацкій о Пл. Мих., III, 4).

Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ и не доспитъ до свадьбы (Лиза, IV, 12).

...Придерутся къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему, поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся (Фамусовъ о «старичкахъ», II, 5).

Проклятый сонъ! (Фамусовъ, I, 8).

Прошу служить у барышни влюбленной! (Лиза, I, 1).

Прямой чурбанъ (Фамусовъ о Филькѣ, IV, 14).

Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму (Фамусовъ о «старичкахъ», II, 5).

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней (Чацкій о человѣкѣ на балу, который щелкалъ соловьемъ, I, 7).

Радикальныя потребны тутъ лѣкарства, желудокъ больше не варитъ (Репетиловъ, IV, 5).

Ребячество! (Софья Чацкому, I, 7).

Самъ толстъ, его артисты тощи (Чацкій, I, 7).

Сатира и мораль смыслъ этого всего (Чацкій, III,1).

Свой талантъ у всѣхъ (Молчалинъ, III, 3).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! (Чацкій, II, 2).

Себя, я стѣнъ стыжусь! (Софья, IV, 12).

Сердце не на мѣстѣ (Лиза, I, 3).

Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой (Фамусовъ о московскихъ дѣвицахъ, II, 5).

...Служба и чины, кресты—души мытарства (Репетиловъ, IV, 5).

Служить бы радъ—прислуживаться тошно (Чацкій, II, 2).

Служить и награжденья брать, и весело пожить (Молчалинъ, III, 13).

Смѣшенье языковъ французскаго съ нижегородскимъ (Чацкій, I, 7).

Смѣшивать два эти ремесла (дѣло и забаву) есть тьма искусниковъ: я не изъ ихъ числа (Чацкій, III, 3).

Созвѣздіе маневровъ и мазурки (Чацкій о Скалозубѣ, III, 1).

Сокъ умной молодежи (Репетиловъ, IV, 7).

Сонъ въ руку (Софья, I, 8).

Старушки всѣ народъ сердитый (Чацкій, III, 13).

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ на выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ (Фамусовъ о Чацкомъ, II, 3).

Счастливые часовъ не наблюдають (Софья, I, 3).

.....Съ крикомъ требовалъ присягъ, чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился (Чацкій, I, 7).

Съ тобой не надобно газеть (Г. Д.—Загорѣцкому, III, 16).

Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой (Фамусовъ о чтеніи, II, 1).

Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора (въ педагогическомъ институтѣ) (Княгиня, III, 12).

Тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть (Фамусовъ о гробѣ, II, 1).

Тузъ («Что за тузы живутъ въ Москвѣ и помираютъ») (Фамусовъ, II, 1).

Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана (Фамусовъ, I, 4).

У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ... (Лиза, I, 2).

Ужасный вѣкъ! Не знаешь что начать! Всѣ умудрились не по лѣтамъ, а пуще дочери! (Фамусовъ, I, 4).

Ужъ коли зло пресѣчь,—забрать всѣ книги бы, да сжечь (Фамусовъ, III, 21).

Ужъ коли горе пить, такъ лучше сразу (Чацкій, IV, 10).

Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать (Хлестова, III, 21).

Улыбочка и пара словъ и кто влюбленъ—на все готовъ (Лиза, II, 11).

...Умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ! (Репетиловъ, IV, 4).

«Умѣренность и аккуратность» (два таланта, имѣвшіеся у Молчалина по его собственному признанію, III, 3).

Упалъ онъ больно—всталъ здорово (Фамусовъ о дядѣ Максимѣ Петровичѣ, II, 2).

У насъ ужъ изстари ведется, что по отцу и сыну честь (Фамусовъ, II, 5).

Ученостью меня не обморочишь (Скалозубъ Репетилову, IV, 5).

Ученье—вотъ чума! (Фамусовъ, III, 12).

Усердье къ письменнымъ дѣламъ (Фамусовъ, I, 4).

Фальшивая тревога (Скалозубъ, II, 9).

Французикъ изъ Бордо. (Чацкій, III, 22).

Химеры! (Репетиловъ, IV, 6).

Хоть душу отпусти на покаянье! (Фамусовъ, II, 2).

Хоть подеритесь—не повѣрю (Фамусовъ, IV, 14).

«Частенько тамъ мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ» (Молчалинъ, III, 3).

Чины людьми даются, а люди могутъ обмануться (Чацкій, III, 3).

Числомъ поболѣе, цѣною подешевле (Чацкій, I, 7).

...Чтобъ имѣть дѣтей, кому ума не доставало? (Чацкій, III, 1).

Что за оказія! (Фамусовъ, I, 4).

Что за комиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! (Фамусовъ, I, 10).

Что мнѣ молва? кто хочетъ, такъ и судитъ (Софья, I, 5).

Что слово—приговоръ (Фамусовъ о старичкахъ, II, 5).

Что старѣе, то хуже (Чацкій, II, 5).

Что хуже въ нихъ, душа или языкъ? (Чацкій, IV, 10).

Чуть изъ постели прыгъ—съ мужчиной, съ молодымъ (Фамусовъ, I, 4).

...Чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ (Фамусовъ, II, 5).

Шумимъ, братецъ, шумимъ (Репетиловъ, IV, 7).

Шутитъ, и вѣкъ шутитъ! Какъ васъ на это станетъ?... (Софья Чацкому, III, 1).

Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится (Фамусовъ, II, 1).

Я глупостей не чтецъ, а пуще образцовыхъ (Чацкій, III, 3).

Я князь-Григорію и вамъ фельдфебеля въ Вольтеры дамъ; онъ въ три шеренги васъ построитъ, а пикните, такъ мигомъ успокоитъ (Скалозубъ, IV, 5).

Я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ; сыщу ее на днѣ морскомъ (Фамусовъ, II, 5).

Я правду о тебѣ поразскажу такую, что хуже всякой лжи (Платонъ Михайловичъ о Загорѣцкомъ, III, 9).

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ (не за покровительствомъ) (Чацкій, III, 13).

Приложеніе 3-ье.

Прототипы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Горе отъ ума".

«Портреты, и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій».
А. С. Грибоѣдовъ (Письмо къ Катенину. янв. 1825 г.).

Воркуловъ, Евдокимъ—будто бы врагъ поэта А. И. Якубовичъ.

«Вонъ тотъ еще, который для затѣй»—генералъ-лейтенантъ Измайловъ, помѣщикъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., извѣстный звѣрскимъ обращеніемъ съ крестьянами. См. «Рус. Стар.» 1872, № 12. По Вяземскому (Соч. т. X, стр. 47 и 244), это Ржевскій.

Араповъ называетъ его сокращенно Р—имъ, рязанскимъ помѣщикомъ, жившимъ въ Москвѣ «въ первыхъ двадцатыхъ годахъ», «страстнымъ любителемъ хореографическаго искусства»; подъ старость онъ ѣздилъ нарочно въ Парижъ, чтобы научиться танцовать по правиламъ, у лучшихъ тамошнихъ балетмейстеровъ, дабы быть въ возможности давать уроки танцованья своимъ дворовымъ дѣвицамъ въ заведенной имъ школѣ, независимо отъ этого, нанятъ былъ и танцмейстеръ, который помогалъ ему въ балетныхъ лекціяхъ; помѣщикъ-хореографъ разорился впослѣдствіи отъ затѣй, вошелъ въ неоплатные долги и долженъ былъ распустить своихъ Терпсихоръ; самыя талантливыя изъ нихъ въ 1825 г. поступили на сцену московскаго театра, это были солистки: Ситникова, Харламова, Карасева и двѣ Михайловы, онѣ доучивались у извѣстной танцовщицы того времени Гюлленъ. Харламова особенно удивляла своею силою, имѣла необыкновенный aplomb (стр. 398, изд. Серчевскаго).

Горичева—дочь Аграфены Дмитріевны Офросимовой. Гарусовъ знаетъ, но не называетъ ее.

Горичевъ—Илья Ивановичъ Огаревъ (по Гарусову Обрѣзковъ), служилъ вмѣстѣ съ А. С. Г. въ военной службѣ, былъ лихой наѣздникъ и собесѣдникъ, въ 1821 г. женился на красивой молодой дѣвушкѣ, которая прибрала къ рукамъ и мужа, и хозяйство, и домъ. По Шимановскому («Рускій Арх.» 1875, 11, 344)—самъ С. Н. Бѣгичевъ.

Григорій князь, англоманъ—или кн. Оболенскій, у котораго дѣйствительно бывали въ 20-хъ годахъ по четвергамъ тайныя собранія, или Ал. Петр. Завадовскій («Рус. Стар.» 1874, V), или, по словамъ Завалишина, кн. П. А. Вяземскій.

Д.—чиновникъ, служившій подъ начальствомъ Фамусова (см.) Ср. сочиненія Грибоѣдова изд. подъ редакціей И. А. Шляпкина СПБ., 1889 г. т. II.

Загорѣцкій—оригиналъ навѣрное неизвѣстенъ: или ловко втиравшійся въ московскую знать, не брезгавшій никакими средствами ярославскій откупщикъ А—въ, или московскій откупщикъ —въ, крупный капиталистъ, или содержатель

одного игорнаго дома въ Москвѣ, большой шуллеръ, или (по Веселовскому) нѣкто Арс. Барт—въ. (Соч. Триб., редакц. И. А. Шляпкина). Н. О. Лернеръ въ своей статьѣ «Прототипъ Загорѣцкаго» («Русск. Стар.», декабрь, 1908 г.) указываетъ на нѣкоего Элькона. По словамъ современника (1830 г.), «покойный Грибоѣдовъ удачно срисовалъ съ него многія черты для Загорѣцкаго».

Лохмотьевъ—или декабристъ Якушкинъ, или баронъ Алексѣй Ив. Черкасовъ.

Марья Алексѣвна. Завалишинъ видитъ въ М. А. какую-то даму, близкую къ кн. Зинаидѣ Волконской. Другіе предполагаютъ княгиню Голицыну (la princesse Moustache), мать московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, или Наталью Кирилловну Загряжскую.

Ментеръ — будто бы Петрозиліусъ, первый воспитатель поэта.

Максимъ Петровичъ (покойникъ дядя)—Новосильцевъ, дальній родственникъ А. С. Грибоѣдова, пріятель гр. Растопчина, екатерининскій вельможа.

«Наше солнышко», нашъ кладъ...—Театралъ помѣщикъ Позняковъ; въ его театрѣ на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, въ 1812 г., французы дали 11 представленій, подъ дирекціей Боссе, во время занятія Москвы; по Вяземскому и Гарусову, это балетоманы — Измайловъ или рязанскій помѣщикъ Ржевскій. По разсказу Арапова, П—въ одно прекрасное утро узнаетъ, что гдѣ-то за Москвой рѣкой, въ гостиницѣ появился кучеръ, который съ помощію свистка производитъ соловьиныя трели. П. посылаетъ за этимъ художникомъ, обѣщаетъ большія деньги, словомъ, что не дать, лишь бы достать диковиннаго свистуна, и такимъ образомъ былъ посаженъ въ боскетъ «пѣвецъ зимой погоды лѣтней», котораго трели на праздникѣ П—ва слушала вся Москва. («Замѣтки Арапова» въ изд. Серчевскаго).

«Ночной разбойникъ — портретъ знаменитаго въ то время дуэлиста гр. Толстого-американца.

Репетиловъ—Шатиловъ, по словамъ Бѣгичева, «добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью непрестанно острить и говорить каламбуры. Этимъ, наконецъ, онъ такъ надоѣлъ Грибоѣдову, что тотъ купилъ альманахъ анекдотовъ Біевра, и какъ только тотъ—каламбуръ, къ нему сейчасъ обращались съ вопросомъ: «на какой страницѣ?» «Свое, ей-Богу, свое», отвѣчалъ онъ всегда. Острякъ этотъ былъ въ Москвѣ, когда Грибоѣдовъ привезъ туда оконченную комедію. Авторъ самъ прочелъ ему роль Репетилова. Тотъ расхохотался, говоря: «я знаю, на кого ты мѣтишь!»—На кого?—«На Чаадаева!» Страсть повторять чужое была вообще отличительной чертой Шатилова, почему друзья находили передѣлку фамиліи остряка очень удачною».

Шатиловъ, дѣйствительно, былъ чиновникомъ въ Спб. въ какомъ-то департаментѣ, гдѣ директоръ былъ нѣмецъ—любитель картъ. (Сочиненія Грибоѣдова, редакція И. А. Шляпкина).

Скалозубъ—бригадный генералъ Фроловъ, по другимъ Паскевичъ, Аракчеевъ, или даже лицо, болѣе высокопоставленное въ арміи. Видѣли въ немъ и Римскаго-Корсакова, за котораго Софья Павловна (по Гарусову) дѣйствительно вышла замужъ. (Сочиненія Грибоѣдова, изд. подъ ред. И. А. Шляпкина). Араповъ вспоминаетъ, что «пріѣзжалъ въ Москву послѣ кампаніи и подобный полковникъ, какъ Скалозубъ, повѣствовавшій дамамъ о своихъ подвигахъ и формахъ въ гостиныхъ, который слылъ всеобщимъ женихомъ, выдѣлывалъ злодѣйскія фигуры въ мазуркѣ и предусмотрительныя матушки носили его на рукахъ. (Грибоѣдовъ. Изд. Серчевскаго, стр. 397).

Татьяна Юрьевна—Прасковья Юрьевна Кологривова (1762—1848), урожденная Трубецкая, по первому мужу (ум. 1794 г.) Гагарина. Особа, отличавшаяся сильнымъ вліяніемъ въ чиновныхъ сферахъ до конца жизни.

Тетушка, Анна Ѳед. Разумовская или Елиз. Ѳедор. Акинѳіева—охотницы гордиться «столбовой» родней.

Трое изъ бульварныхъ лицъ—хлыщи, рисовавшіеся на Тверскомъ бульварѣ и выдававшіе своихъ любовницъ за сестеръ, кузинъ и пр.

Тотъ черномазенькій...—нѣкто Сибилевъ, прихлебатель московскихъ гостиныхъ и посѣтитель чужихъ ложъ въ театрѣ. («Рус. Арх.» 1874 , 2, стран. 487).

Тугоуховскій, князь и его семья—будто бы Шаховскіе, но это невѣрно. «Я предупреждала Александра, говорила Д. А. Смирнову сестра поэта, что онъ съ комедіей наживетъ кучу враговъ себѣ, а еще болѣе мнѣ, потому что станутъ говорить, что семья Грибоѣдова указывала на оригиналы.—Да какіе же оригиналы?—спросилъ онъ.—Помилуй, да вѣдь твои Тугоуховскіе развѣ не Шаховскіе?—Я твоихъ Шаховскихъ и не знаю,—отвѣчалъ онъ». Шаховской, дѣйствительно, былъ глухъ и въ ревматизмѣ.

Удушьевъ—или Пестель, извѣстный декабристъ, или Якубовичъ, или даже князь П. А. Вяземскій.

Фамусовъ—«почти безспорно нарисованъ дядя автора Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ» (см. ниже «Списокъ» Грибоѣдовъ А. Ѳ.).

Хлестова—Настасья (или Аграфена) Дмитріевна Офросимова. Она принадлежала къ самому высшему московскому кругу и была сильною и вліятельною личностью консервативнаго направленія. Она отстаивала все, что было хорошаго въ ея время, и осмѣивала все дурное въ новомъ поколѣніи. Основательнаго образованія она не получила; не была чужда страсти къ знатности, чину и богатству. Но она была одарена отъ природы проницательностью, здравымъ, свѣтлымъ русскимъ умомъ и мѣткимъ взглядомъ на обстоятельства и людей. Ея откровенность и правдивость не знали границъ, и потому ея приговоры надъ личностями отличались безпощадностью. Сарказмы ея были до того язвительны, что, добрая въ душѣ и честная, она получила эпитетъ «злоязычной». Она выведена и въ одной комедіи гр. Растопчина, и въ «Войнѣ и мирѣ» Толстого. По другимъ, это тетка поэта, дочь которой будто изображена въ лицѣ Натальи Дмитріевны.

Хрюмины жили въ то время (1816—1822) около Арбата, въ своемъ домѣ, недалеко отъ извѣстнаго дома Рюмина.

Чацкій. Пушкинъ, а вслѣдъ за тѣмъ Гарусовъ, видѣли въ Чацкомъ черты Чаадаева. А. Н. Веселовскій въ Чацкомъ видитъ самого Грибоѣдова. По свидѣтельству Бѣгичева, «ничего подобнаго исторіи Чацкаго съ Софьей не было», но «рѣчей Чацкаго, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ». Въ своей работѣ А. П. Кадлубовскій отмѣчаетъ «черты сходства между поэтомъ и его героемъ». Любовь къ правдѣ, естественности, свободѣ въ искусствѣ Грибоѣдова г. Кадлубовскій ставитъ въ связь «съ его любовью къ правдѣ, простотѣ, съ нерасположеніемъ ко всякой фальши и дѣланности и въ жизни. Эта правдивость и всѣ обусловливаемыя ею черты составляли самое выдающееся свойство характера Грибоѣдова. «Кровь сердца всегда играла у него на лицѣ. Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду; онъ могъ самъ обманываться, но обманывать никогда», говоритъ о Грибоѣдовѣ одинъ изъ его друзей [1]); современники удивлялись его благородству, прямотѣ, искренности; таковъ и Чацкій, возмущающійся всякою лестью и необдуманно смѣло и откровенно высказывающійся передъ окружающими людьми; припоминаемъ интересный для характеристики Чацкаго моментъ, когда онъ, говоря съ Софьей въ 3-мъ дѣйствіи комедіи о Молчалинѣ, хочетъ подавить свои чувства, говоритъ спокойно и разсудительно, но не выдерживаетъ,—черта, тонко подмѣченная и прекрасно изображенная поэтомъ. У обоихъ, у Грибоѣдова и у Чацкаго, мы видимъ горячую любовь къ правдѣ въ самомъ широкомъ нравственномъ значеніи этого слова: вездѣ у Грибоѣдова видно высокое уваженіе чело-

[1]) А. А. Бестужевъ. «Отеч. Зап.» 1860 г., № 10. Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ. Срв. у Шляпкина, соч. Грибоѣдова, т. I, хронологичетская канва, стр. XXV. [См. „Списокъ», стр. 94. *Ред.*].

вѣческаго достоинства и способность видѣть въ человѣкѣ прежде всего человѣка, самая искренняя и глубокая гуманность, величайшая справедливость, горячая любовь къ людямъ и желаніе имъ добра, желаніе, переходящее и въ дѣло; доброе, любящее сердце у него и въ личныхъ отношеніяхъ; на любви къ людямъ основана и его глубокая преданность общественнымъ интересамъ; Грибоѣдовъ горячій сторонникъ и поборникъ свободы; онъ врагъ всего, что противорѣчитъ его идеалу правды, понятію человѣческаго достоинства: онъ съ презрѣніемъ относится къ мелочнымъ интересамъ, узкимъ и эгоистическимъ, которые наблюдаетъ у людей, негодуетъ на господство ихъ въ окружающей жизни, на ея пошлость, косность и ничтожность; онъ ненавидитъ всѣми силами своей души рабство (ненавидитъ самое слово рабъ по его собственному признанію [1]), презираетъ сословные предразсудки, внѣшнія отличія, иронизируетъ надъ ними; любитъ простоту жизни, порицаетъ роскошь. Человѣкъ серіозно образованный, онъ преданъ интересамъ просвѣщенія, является горячимъ его поборникомъ; онъ негодуетъ на тѣхъ, которые «хотѣли бы оставить нашъ народъ въ младенчествѣ» [2]). Мы отмѣтили уже у Грибоѣдова особенный, глубокій интересъ къ историческимъ занятіямъ, главнымъ образомъ его серіозное изученіе отечественной исторіи; эти занятія хорошо гармонировали съ тѣмъ патріотическимъ настроеніемъ, которое охватило послѣ войны 1812 г. лучшихъ русскихъ людей; Грибоѣдовъ до конца жизни полонъ горячей любви къ родинѣ [3]), пламенно желаетъ ея процвѣтанія и, насколько хватаетъ силъ, служитъ ей; историческія занятія, въ свою очередь, поддерживали этотъ патріотизмъ; они развивали серіозное отношеніе и любовь къ прошлому, уваженіе къ историческимъ завѣтамъ минувшихъ временъ народной жизни; во многомъ являясь предшественникомъ послѣдующихъ славянофиловъ, только не доводя своихъ мыслей до такой ясной формулировки, Грибоѣдовъ желаетъ родной странѣ и ея народу постояннаго развитія, прогресса, но не разрывающаго съ прошлымъ, а развитія органическаго, въ духѣ жизненныхъ началъ этого прошлаго, началъ, сохраненіе которыхъ Грибоѣдовъ, опять сближаясь со славянофилами, готовъ былъ искать въ простомъ народѣ; въ немъ онъ готовъ былъ усматривать носителя началъ здоровой жизни и самобытной цивилизаціи; въ его жизни Грибоѣдову чуялась желанная ему простота и правдивость [4]); и эта любовь къ народу является еще одной, ярко выдающейся у Грибоѣдова, чертой; да и самая его гуманность, чувство любви къ людямъ, участіе къ низшимъ и слабѣйшимъ должны были заставить его любить народъ, особенно въ виду современнаго его положенія, далеко не облегчавшаго Грибоѣдову возможности изгнать изъ своего словаря ненавистное ему слово рабъ. И всѣ вышеуказанныя черты сквозятъ или прямо выражены и въ рѣчахъ главнаго героя Грибоѣдова [5]). У нихъ общее міровоззрѣніе, общія черты характера; и недостатки у нихъ обоихъ сходны: гордость, слишкомъ, однако, оправдываемая и извиняемая условіями жизни и качествами окружающей среды; вспыльчивость и раздражительность; мало у обоихъ благоразумной разсудительности, такта [6]). Но этого сходства мало; и выразителемъ своего характера и міровоззрѣнія сдѣлалъ Грибоѣдовъ Чацкаго потому, что прежде всего въ положеніи Чацкаго онъ воплотилъ свою жизнь, свое

---

[1]) «По духу времени и вкусу я ненавижу слово: рабъ». (Соч. II, 401).

[2]) 1, 203 (В. В. Одоевскому, 1825).

[3]) См. напр. Воспоминанія Булгарина въ «Сынѣ Отечества» 1830, № 1 (ср. у Шляпкина, 1, XXXIII).

[4]) Эти черты особенно выразились въ статьѣ «Загородная поѣздка» (1, 107).

[5]) Рѣчи Чацкаго слишкомъ общеизвѣстны: укажемъ здѣсь хотя бы на монологи его во 2-мъ дѣйствіи комедіи («И точно началъ свѣтъ глупѣть» и «А судьи кто?». Соч. II, 248, 259), въ 3-мъ дѣйствіи («Въ той комнатѣ незначущая встрѣча»... Соч. II, 310) и др.

[6]) Вспомнимъ хотя бы письмо Грибоѣдова Булгарину 1824 г. (Соч. I, 192), поступокъ его съ литераторомъ Ѳедотовымъ, разсказанный Каратыгинымъ (тамъ же 1, XI9), свидѣтельства знавшихъ его о его самолюбіи (напр. Шпановскаго, «Рус. Арх.» 1895, 11 и соч. Грибоѣдова, 1, XXIX). Подобнымъ характеромъ отличается и поведеніе Чацкаго.

положеніе въ окружающей его средѣ и свое къ ней отношеніе; оттого невольно онъ передалъ Чацкому и свои личныя черты. Изученіе біографіи Грибоѣдова не оставляетъ никакого сомнѣнія въ автобіографическомъ значеніи комедіи; таково значеніе того положенія, которое занимаетъ Чацкій въ обществѣ: вѣдь, это самого Грибоѣдова возили ребенкомъ на поклонъ къ «Нестору негодяевъ знатныхъ», его дядѣ, который послужилъ оригиналомъ для Фамусова, и портретъ котораго былъ, кромѣ того, и прямо набросанъ Грибоѣдовымъ въ статьѣ: «характеръ моего дяди» [1]); вѣдь онъ самъ испыталъ гнетъ родственной среды, гнетъ условныхъ предразсудковъ, фальши и невѣжества окружавшей его жизни, онъ выстрадалъ самъ тотъ горячій протестъ противъ зла и мрака, тотъ пламенный призывъ къ добру и свѣту, свободѣ и правдѣ, который звучитъ въ каждой фразѣ его героя; вѣдь онъ самъ, съ дѣтства страдавшій отъ сознанія общественной неправды, такъ же горячо, какъ и Чацкій, возмущался ею и раздражался, и при этомъ порою такъ же, не взвѣшивая всѣхъ условій, безъ надлежащей осторожности; такъ возмущался онъ искренней, двуличной политикой персовъ и, наконецъ, жизнью заплатилъ за свою рѣзкую борьбу съ нею. Весьма интересный анекдотъ [2]) передаетъ даже, будто той сплетнѣ о сумасшествіи, которая нанесла послѣдній и тяжелый ударъ Чацкому, подвергся въ Москвѣ самъ Грибоѣдовъ. Исторія созданія «Горя отъ ума», насколько она теперь выяснена, противорѣчитъ такому показанію объ автобіографическомъ значеніи развязки комедіи, но оно характерно для насъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ, что за Чацкимъ чувствовался Грибоѣдовъ, какъ въ представленіи самого общества творецъ былъ отожествленъ со своимъ созданіемъ». (*Кадлубовскій.* См. «Источники»).

Чахоточный—представитель типа Магницкаго, извѣстнаго гонителя просвѣщенія въ 20-хъ годахъ.

Ѳедоръ, князь («Горе отъ ума»).—Упр. л. Родственникъ княгини Тугоуховской. Учился въ Петербургѣ въ педагогическомъ институтѣ, «и вышелъ, хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерьи!» По словамъ княгини, «отъ женщинъ бѣгетъ», «чиновъ не хочетъ знать»,—«онъ химикъ, онъ ботаникъ».

По свидѣтельству Т. П. Пассекъ, въ князѣ Ѳедорѣ выведено дѣйствительное лицо, «умный, образованный, ученый, извѣстный подъ названіе «Химика», Алексѣй Александровичъ Яковлевъ. Получивъ наслѣдство по смерти отца, извѣстнаго деспота и самодура, онъ «уменьшилъ наполовину тяжелый оброкъ, наложенный его отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя отецъ его продавалъ имъ, отдавая дворовыхъ дѣтей въ солдаты» (Воспоминанія *Т. П. Пассекъ*. Спб., изд. Маркса, т. I, гл. II).

О немъ же *Герценъ* «Былое и думы», т. II, стр. 80 и слѣд.

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 153.

[2]) «Русская Стар.» 1878, № 3, стр. 546.

Намъ не приходилось въ литературѣ о Грибоѣдовѣ встрѣчать указанія на этотъ разсказъ. Между тѣмъ онъ весьма интересенъ именно тѣмъ, что указываетъ лишній разъ на сближеніе въ сознаніи общества Грибоѣдова и Чацкаго.

Приложеніе 4-ое.

Списокъ

лицъ, именъ, и предметовъ.

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ (1800—1845). Ему принадлежитъ слѣдующая «надпись на портретъ Грибоѣдова» (1826 г.):

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

(Сочин., Казань, 1889 г., стр. 106).

Баузе, Ѳедоръ Григорьевичъ (1752—1812). Питомецъ лейпцигскаго университета. Съ 1773 г. поселился въ Россіи, гдѣ сначала занимался (Спб.) частными уроками. Въ 1782 г. занялъ кафедру законовѣденія въ московск. универс., но черезъ годъ былъ «уволенъ въ свое отечество», съ званіемъ корреспондента университета. Въ 1786 г. вновь вернулся на московскую кафедру и занялся собраніемъ русскихъ древностей. Съ 1805 г. состоялъ деканомъ отдѣленія политическихъ и нравственныхъ наукъ, а съ 1807 г. до начала 1811 г. занималъ должность ректора московскаго университета. (О немъ *Н. С. Тихонравовъ*. Сочиненія. М. 1898 г., т. III, ч. I-я, стр. 11—28).

Бестужевъ-Марлинскій, Александръ Александровичъ (1797—1837). Извѣстный писатель-декабристъ, пріятель Грибоѣдова. О своемъ знакомствѣ съ Грибоѣдовымъ Бестужевъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ послѣ смерти автора («Отеч. Зап.» 1860 г., т. 122. См. также въ книгѣ Н. А. Котляревскаго «Декабристы», Спб. 1907 г., стр. 117). По разсказу Бестужева, онъ долго не желалъ знакомиться съ Грибоѣдовымъ, такъ какъ былъ предубѣжденъ противъ него за его участіе въ одной дуэли (см. ниже: «Истомина»); въ 1824 г., прочтя въ рукописи «Горе отъ ума», Б. рѣшилъ, что тотъ, кто написалъ «этакія строки», «не можетъ не быть благороднымъ человѣкомъ». Въ домѣ Грибоѣдовыхъ въ Москвѣ Б. «былъ какъ родной» (см. письмо къ нему Грибоѣдова отъ 22/XI 1825 г.). Сосланный по декабрьскому дѣлу въ Якутскъ Б. писалъ брату, узнавъ о смерти Грибоѣдова: «молнія не свергается на муравъ, но на высоты башенъ и на главы. Высь души, кажется, манитъ къ себѣ ударъ жребія». Въ 1837 г., когда въ Тифлисъ дошло извѣстіе о смерти Пушкина, Б. «на разсвѣтѣ поднялся на гору въ монастырь Св. Давида» и заказалъ панихиду. Тамъ, «надъ могилой безъ надписи (Грибоѣдова), онъ молился за убіеныхъ боляръ Александра и Александра».

Библіотека для чтенія, журналъ, издававшійся Смирдинымъ (съ 1849 г. Печаткинымъ), подъ редакціей Сенковскаго 1834—1856 гг.

Буле, Іоганнъ-Ѳеофилъ (1763—1821). Изучалъ богословіе и философію въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ позднѣе, въ продолженіи многихъ лѣтъ, занималъ кафедру философіи. Приглашенный въ Россію съ 1805 г., открылъ въ Московскомъ университетѣ чтеніе лекцій о критической метафизикѣ, правѣ естественномъ, публичномъ и народномъ; кромѣ того читалъ приватныя лекціи по философіи, греческой и римской литературѣ, теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ. «У себя на дому Буле въ тоже время открылъ частныя лекціи (lectiones privatissimae); въ числѣ слушателей такихъ лекцій былъ и А. С. Грибоѣдовъ». По словамъ Ал. Н. Веселовскаго, «Буле былъ поклонникомъ Аристотеля и любилъ въ своихъ разсужденіяхъ изучать сущность и основы драмы. Здѣсь Грибоѣдову представлялась возможность теоретическаго изученія любимаго рода поэзіи. Буле притомъ особенно предпочиталъ комедію, и цѣлое сочиненіе посвятилъ душевной веселости и средствамъ поддерживать и развивать ее. Образцовъ онъ искалъ въ классическихъ литературахъ, и Грибоѣдовъ слѣдомъ за нимъ вначалѣ съ особой любовью относился къ комическимъ писателямъ древности, предпочитая Плавта и Теренція. Буле, оцѣнивъ его способности, часто одному ему посвящалъ продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды, рано пріучившія его къ отвлеченному мышленію. Грибоѣдовъ не остановился на псевдо-классицизмѣ своего учителя; мысли про себя, наблюденія и разностороннее чтеніе скоро побудили его пойти неизмѣримо дальше ученія, принятаго вначалѣ на вѣру, и дойти до отрицанія обязательности всякой незыблемой теоріи драмы. Тѣмъ не менѣе онъ многимъ обязанъ Буле, давшему прочную подкладку его литературному образованію». См. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія т. III, ч. 1-ая М. 1898 г. стр. 29—73. А. Н. Веселовскій. Русская Библіотека, т. V.

Булгаринъ, Ѳаддей Бенедиктовичъ (1789—1857). Въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности, Булгаринъ дружилъ съ передовой русской молодежью. Въ числѣ его друзей были: Грибоѣдовъ, Бестужевъ, Тургеневъ, Кюхельбекеръ, Рылѣевъ. «По разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями», писалъ Рылѣевъ Булгарину еще въ 1823 г., послѣ одной изъ нелитературныхъ выходокъ Булгарина. За неумѣренныя похвалы Булгарина въ печати таланта Грибоѣдова, авторъ «Горя отъ ума» въ октябрѣ 1824 г. увѣдомлялъ Булгарина, что почитая о немъ «хорошее мнѣніе» «искреннимъ», онъ все таки не можетъ «продолжать» съ Булгаринымъ знакомства. Однако, вскорѣ и Рылѣевъ, и Грибоѣдовъ примирились съ Булгаринымъ. «Калибанъ Венедиктовичъ», «любезный Сарматъ», по выраженію Грибоѣдова, услужливо исполнялъ рядъ порученій «скитальца въ восточныхъ краяхъ». Въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія» появились впервые отрывки трибоѣдовской комедіи. Послѣ освобожденія изъ подъ ареста по подозрѣнію въ соучастіи въ декабрьскомъ дѣлѣ, Грибоѣдовъ провелъ лѣто у Булгарина «на Выборгской». Покидая вновь Россію, Грибоѣдовъ оставилъ «Булгарину» рукопись «Горя отъ ума» съ надписью: «Горе мое поручаю Булгарину. 5 Іюня 1828 г.»

Въ письмѣ съ турецкой границы отъ 24 іюля 1828 г. Грибоѣдовъ сообщаетъ тому же «любезному другу» Булгарину о своихъ интимныхъ переживаніяхъ въ тотъ день, когда онъ признался въ любви княгинѣ Нинѣ Чавчавадзе. Интимныя подробности этихъ дорогихъ переживаній Грибоѣдовъ, конечно, могъ открыть только человѣку близкому—такимъ и оказался Ѳаддей Булгаринъ. Оторванный отъ Петербурга Грибоѣдовъ, до своего довременнаго конца, сохранилъ къ нему чувство пріязни, не подозрѣвая, что за кулисами литературы, Булгаринъ обдѣлываетъ темныя дѣлишки до доносовъ на литературу включительно.

Послѣ смерти Грибоѣдова Булгаринъ постоянно выставлялъ на видъ свои дружескія отношенія къ покойному автору «Горе отъ ума». Это дало Пушкину (1830 г.) поводъ для эпиграммы:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

Въ статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова», приложенной къ изданію 1839 г., Булгаринъ вновь вспоминаетъ о своемъ «великомъ вѣрномъ другѣ».

Полнаго свода біографическихъ матеріаловъ о Булгаринѣ или его біографіи до сихъ поръ нѣтъ. О немъ: Н. Горичъ «Русская Старина» 1871 г. т. XI, 1874 г. т. XX, М. Лемке въ его книгахъ: «Очерки по исторіи р. цензуры и журналистики. Спб. 1904 г. и Николаевскіе жандармы. Спб. 1906 г.

О литературныхъ услугахъ, оказанныхъ Б. Грибоѣдову, и его столкновеніи съ матерью покойнаго А. С. см. любопытный документъ, опубликованный Н. Пиксановымъ въ «Русск. Стар.» 1905 г., № 12.

Бѣгичевъ, Степанъ Николаевичъ,—адъютантъ генерала Кологривова. Ближайшій изъ друзей Грибоѣдова. Знакомство Б. съ Грибоѣдовымъ началось въ Брестъ-Литовскѣ и вскорѣ, несмотря на разницу лѣтъ, характеровъ и склонностей перешло въ самую тѣсную дружбу. «Ты, мой другъ, писалъ Бѣгичеву Грибоѣдовъ въ 1825 г., поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если я ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ».

Бѣгичеву, по пріѣздѣ съ Кавказа, ввѣрилъ Грибоѣдовъ наброски «Горя», и онъ былъ въ то время ихъ первымъ и единственнымъ судьею. Въ «древнемъ господскомъ обиталищѣ Бѣгичева закончена черновая редакція всей комедіи, ему адресованы задушевнѣйшія письма Грибоѣдова.

Когда, во время журнальной полемики «Вѣстн. Европы» съ «М. Телеграфомъ» и «Сыномъ Отечества», Бѣгичевъ хотѣлъ вступиться «за честь друга», Грибоѣдовъ писалъ ему:

«Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой... какъ же ты могъ думать, что я допущу тебя до личной и публичной схватки... Вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству... Коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлался извѣстенъ свѣту, то это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ моего почитателя... Итакъ, плюнь... Въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я умру въ отдаленіи или умру прежде тебя, и кто нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки!» (Письмо отъ 25 мая 1825 г.).

И когда Грибоѣдовъ умеръ въ отдаленіи, его другъ, добродушный помѣщикъ и «заводчикъ», никогда не бравшій пера въ руки, увѣковѣчилъ образъ Грибоѣдова въ своихъ «Замѣткахъ».

Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ. Около него групировался кругъ «Зеленой Лампы», или «Лампы Надежды», имѣвшій «невинный», т. е. оргіастическій характеръ. «Дѣла, разрѣшавшіяся «Зел. Лампой», были преимущественно дѣла по Театральной школѣ, куда нѣкоторые изъ ея членовъ старались даже пробраться подъ видомъ говѣнія. (См. Анненковъ въ «Пушкинѣ въ Алекс. эпоху СПБ. 1874, 63—64 стр.). Въ кружокъ входили молодые люди всѣхъ званій, начиная съ Пушкина, пристроившагося къ Зѣленой Лампѣ (1817 г.) тотчасъ по выходѣ изъ лицея, В. Ф. Юрьевъ, В. В. Энгельгардъ и др.

Вѣстникъ Европы, журналъ, основанный Карамзинымъ (1802). Выходилъ дважды въ мѣсяцъ подъ редакціей Карамзина, съ 1804—1830 г. подъ редакціей проф. М. Т. Каченовскаго. Въ журналѣ были напечатаны первыя прозаи-

ческія произведенія Гр. «О кавалерійскихъ резервахъ (1814 г.) и «Письмо изъ Брестъ-Литовска къ издателю «В. Е.» (Вл. Вас. Измайлову, 1814 г.). Здѣсь же появились въ (1825 г.) отрицательные отзывы о «Горѣ отъ ума», вызвавшіе ожесточенный отпоръ со стороны поклонниковъ таланта Грибоѣдова.

Грибовъ, Александръ. Молочный братъ и камердинеръ Грибоѣдова. Убитъ вмѣстѣ съ А. С. въ 1829 г. въ Тегеранѣ.

Грибоѣдова, Наталья Ѳедоровна (ум. 1834 г.). Мать А. С., являясь первенствующимъ членомъ семьи, полновластной хозяйкой дома, законодательницей его, сыну «начертила карьеру, по собственному вкусу». Правилъ и законовъ образцомъ для нея былъ братъ Алексѣй Ѳедоровичъ (см. ниже). Къ литературнымъ занятіямъ А. С. относилась отрицательно. «Матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными», писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву въ 1818 г. «Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе». (Изъ письма къ В. Ѳ. Одоевскому, 1825 г.). Подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, Грибоѣдовъ принялъ назначеніе свое на Кавказъ и въ Персію.

Грибоѣдова, Нина Александровна (1813—1857), урожденная княжна Чавчавадзе, жена А. С. Грибоѣдова (1828 г.). Ея портретъ данный Грибоѣдовымъ: «Въ Malmaison, въ Эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо есть Мадонна въ видѣ пастушки Muriello—вотъ она». (Изъ письма В. С. Миклашевичъ, 1828 г.). Похоронена въ Тифлисѣ въ одномъ склепѣ съ мужемъ, которому воздвигла памятникъ, сдѣланный въ Москвѣ худ. Кампіони; на одной сторонѣ обычная дата о днѣ рожденія и смерти,—на другой извѣстная надпись: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?». (О ней кромѣ біографіи Гр., см. «Русск. Стар.» т. 38—1883 г.).

Грибоѣдовъ, Алексѣй Ѳедоровичъ—дядя автора Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ, начальникъ архива, московскій тузъ, знаменитый своими праздниками. Самъ Грибоѣдовъ, характеризуя А. Ѳ., писалъ:

«Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэлировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «я, братъ!..»

А. Ѳ. Грибоѣдовъ игралъ первую роль въ домѣ своей сестры—матери писателя,—былъ для нея «оракуломъ» и «образцомъ знатнаго барина въ совершенствѣ обладающаго знаніемъ свѣта и людей». «Ничего не дѣлала она, не спросивъ его совѣта,—и раннее деспотическое вмѣшательство этого человѣка во всѣ мелочи домашняго быта чужой семьи скоро возстановило противъ него Александра Сергѣевича. Дядя придумывалъ сестрѣ и ея дѣтямъ разные необходимые визиты къ сильнымъ людямъ,—визиты, которые впослѣдствіи могли имъ пригодиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ самовольнѣе складывалъ ту среду, въ которой

они должны были вращаться. Чацкій, вспоминая дѣтство, говоритъ о «Несторѣ негодяевъ знатныхъ», къ которому Фамусовъ еще съ пеленъ, для замысловъ какихъ-то непонятныхъ, дитятею возилъ его на поклонъ: это—черта, взятая изъ жизни самого Грибоѣдова». (Веселовскій).

По разсказу С. Н. Бѣгичева, племянникъ какъ только замѣчалъ, что дядя вѣхалъ къ нимъ на дворъ, чтобы вести его на поклоненіе къ какому нибудь князю Петръ-Ильичу, раздѣвался и ложился въ постель.—«Поѣдемъ, приставалъ А. Ѳ.—«Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ», хитрилъ молодой человѣкъ.

Грибоѣдова, Марья Сергѣевна—сестра и «лучшій другъ» А. С., по мужу Дурново.

Грибоѣдовы. Старинный дворянскій родъ, ведущій свою генеалогію отъ выходца изъ Польши дворянина Яна Грежибовскаго (со стороны отца А. С.). Со стороны матери: отъ жалованнаго грамотами царя Михаила Ѳедоровича дворянина Михайловича Грибоѣдова, подписавшаго въ числѣ пяти прочихъ «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича.

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ (1784—1839). Поэтъ-партизанъ («Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ, я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ», писалъ о себѣ Д.). Панегиристъ А. П. Ермолова, которому приходился двоюроднымъ братомъ и, по собственнымъ словамъ, не принадлежалъ никогда къ числу почитателей «хитраго баловня судьбы, оказавшаго, однако, своему отечеству немаловажныя заслуги», т. е. Паскевича, смѣнившаго Ермолова въ Грузіи. Съ Грибоѣдовымъ встрѣтился на Кавказѣ, куда Д. былъ назначенъ «для войны», но «съ оставленіемъ по кавалеріи». Изъ Владикавказа выѣхалъ въ Грузію (1826 г.) совмѣстно съ Грибоѣдовымъ, «въ двухмѣстныхъ дрожкахъ». Оставилъ о Грибоѣдовѣ весьма пристрастныя воспоминанія. (См. сочиненія Д. В. Давыдова подъ ред. А. Круглаго. СПБ., 1893 г. т. II, 193—199 и 323 стр., а также т. III, письмо къ А. Закревскому.

Декабристы. Со многими изъ нихъ Грибоѣдова связывала тѣсная пріязнь. Онъ былъ близко друженъ съ А. Одоевскимъ, А. Бестужевымъ и Кюхельбекеромъ, знакомъ съ тѣмъ кругомъ образованной русской молодежи изъ котораго вышли декабристы. Арестованный по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ декабристовъ, Грибоѣдовъ былъ съ фельдъегеромъ привезенъ изъ Тифлиса въ Петербургъ для допроса. Въ секретной инструкціи, данной Императоромъ передъ отправленіемъ въ Персію (1826 г.) полковника Бартоломея, значилось: «Беречься Грибоѣдова и отобрать о немъ свѣдѣнія». Однако, Бартоломей еще не успѣлъ прибыть на Кавказъ, какъ Грибоѣдовъ былъ уже арестованъ. («Русск. Стар.», май, 1910 г., стр. 424).

Самъ Грибоѣдовъ отрицалъ свою принадлежность къ тайному обществу (см. его письмо къ Императору Николаю I). Отрицали участіе Грибоѣдова въ своихъ показаніяхъ и Одоевскій, и Бестужевъ, и Сергѣй Муравьевъ. Рылѣевъ показалъ, что онъ имѣлъ съ Грибоѣдовымъ «нѣсколько общихъ разговоровъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи, и ввести конституціонную монархію, но, какъ онъ полагалъ Россію къ тому еще неготовою и къ тому же неохотно входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ, то я и оставилъ его». Въ разрѣзъ съ этимъ идутъ показанія кн. Оболенскаго и Трубецкого, изъ которыхъ первый утверждалъ, что Грибоѣдовъ былъ принятъ въ общество Рылѣевымъ, а второй только слышалъ о такомъ пріемѣ. Эти послѣднія два показанія и явились единственнымъ основаніемъ для привлеченія къ дѣлу Грибоѣдова и его двухмѣсячнаго ареста при главномъ штабѣ. Слѣдствіе не нашло достаточныхъ уликъ и Грибоѣдовъ былъ отпущенъ въ Грузію съ повышеніемъ въ чинѣ. (См. П. Щеголевъ. Грибоѣдовъ и декабристы. Спб. 1906 г. Изд. А. Суворина).

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ (1796—1866). Поэтъ и критикъ, при-

верженецъ старой школы; статьи Д. противъ «Горя отъ ума» и его защитниковъ печатались въ «Вѣстн. Европы». «Онъ камеръ-юнкеръ при дворѣ и камер-динеръ на Парнасѣ», опредѣлялъ Д. Соболевскій. Его «Автобіографія», М. 1863. «Стихотворенія», М. 1865. «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. 1869

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ (1772—1861). Въ 1817 г. былъ назначенъ главноуправляющимъ въ Грузію и командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Съ воцареніемъ Императора Николая I, покинулъ Кавказъ, гдѣ обнаружилъ выдающіяся способности, какъ полководецъ, администраторъ и государственный человѣкъ. Слѣдственная комиссія по дѣлу декабристовъ съ особою тщательностью разслѣдовала вопросъ о существованіи тайныхъ обществъ въ кавказской арміи, «надѣясь найти поводъ къ сверженію, нелюбимаго Николаемъ I, А. П. Ермолова». («Записки В. П. Зубкова», съ примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1906 г.). Грибоѣдовъ высоко ставилъ Ермолова («патріотъ, высокая душа, замыслы и способности точно государственныя—истинно русская мудрая голова»,— но, прибавляетъ онъ, это не помѣшаетъ мнѣ когда нибудь съ нимъ разсориться, но уваженія моего онъ никогда не утратитъ». Ермоловъ, какъ и Давыдовъ, о Грибоѣдовѣ отзывается въ своихъ «Запискахъ» явно пристрастно. Спб. 1862 г. Причиной такого охлажденія явилось главнымъ образомъ то обстоятельство, что, по удаленіи Ермолова изъ Грузіи, Грибоѣдовъ остался на службѣ у врага Ермолова—Паскевича.

Жандръ, Андрей Андреевичъ (1789—1873). Другъ Грибоѣдова. Въ сотрудничествѣ съ нимъ перевелъ съ французскаго въ стихахъ комедію Барта «Притворная невѣрность» (см. выше «Перечень»). Умеръ сенаторомъ.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ (1789—1852). Извѣстный въ свое время писатель, авторъ романовъ «Юрій Милославскій», «Рославлевъ», «Аскольдова могила» и пьесъ: «Господинъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ», «Вечеринка ученыхъ», «Благородный театръ» и др. Загоскинъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» (1817 г.), разбирая комедію «Молодые супруги», заявилъ, словами мольеровской комедіи: «такіе, графъ, стихи противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи». Грибоѣдовъ, возмущенный «ахинеей» Загоскина, отвѣтилъ своимъ «Лубочнымъ театромъ» (см. Перечень»).

Завадовскій, Александръ Петровичъ. Пріятель Грибоѣдова; послужилъ прототипомъ князь-Григорія въ «Горѣ отъ ума» (см. стр. 11 и 89). Въ 1817 г., Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ З., «человѣкомъ добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на свои чудачества. Ухаживанье Завадовскаго за Истоминой (см. ниже) кончилось дуэлью между нимъ и Шереметевымъ, въ которой принималъ участіе, въ качествѣ секунданта, Грибоѣдовъ.

Истомина, Евдокія Ильинишна (1799—1848). Знаменитая балерина Спб. театра, воспитанница театральнаго училища, ученица Дидло. Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» увѣковѣчилъ ея образъ (I, 20). Въ жизни Грибоѣдова И. играла немаловажную роль. Ея имя связано съ дуэлью между Завадовскимъ и Шереметевымъ и позднѣе поединкомъ (Тифлисъ, 1822 г.) между самимъ Грибоѣдовымъ и Якубовичемъ. Въ 40-хъ годахъ И. вышла замужъ за второстепеннаго актера Годунова (см. С. Н. Шубинскій. Истор. очерки и разсказы. Изд. 4-ое. Спб. 1903 г. Головачева-Панаева, А. П. Воспоминанія. Спб. 1890 г. А. Н. Веселовскій. Грибоѣдовъ. «Русская Библіотека». Спб. 1879 г. Портретъ Истоминой въ «Русской Таліи»).

Іонъ, Богданъ Ивановичъ. Воспитатель Грибоѣдова, смѣнившій Петрозиліуса; по спеціальности юристъ и знатокъ классическихъ языковъ. Вскорѣ же сталъ не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его. Когда бы судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, одною изъ первыхъ его заботъ бывала отыскать Іона; на предполагавшейся дуэли съ Якубовичемъ секундантомъ явился тотъ же Іонъ; когда Гри-

боѣдова не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, Бѣгичевымъ, и вспоминать о Грибоѣдовѣ и добрыхъ старыхъ дняхъ, и тогда слезы виднѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ (А. Н. Веселовскій. Грибоѣдовъ).

Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1792 — 1853). Другъ Грибоѣдова, поэтъ и критикъ. «Славный человѣкъ, умъ превосходный, высокое дарованіе, пламенная душа». Въ сотрудничествѣ съ К. Грибоѣдовымъ написана комедія «Студентъ» (1817). Былъ высланъ въ 1822 г. изъ Петербурга генералъ-губернаторомъ Милорадовичемъ (за шиканье артисткѣ Семеновой) и десять лѣтъ прожилъ въ деревнѣ. Пушкинъ и Грибоѣдовъ высоко цѣнили его, какъ писателя и критика. На его судъ Грибоѣдовъ отдавалъ свое «Горе отъ ума», признавая себя обязаннымъ К. «зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія». Однако, на «замѣчанія» Катенина Грибоѣдовъ отвѣчалъ: «критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?» Сочиненія К., писанныя въ стихахъ (Спб. 1832 г.), вызвали отзывъ Пушкина (соч. т. V, стр. 192—93). О немъ: Е. Пѣтуховъ. «Историч. Вѣстн.» 1888 г. № 9.

Крюковской, Матвѣй Васильевичъ (1781—1811). Авторъ трагедіи «Пожарскій, или освобожденная Москва», имѣвшей въ свое время шумный успѣхъ, вслѣдствіе своего «патріотическаго направленія». Успѣхъ первой комедіи К. былъ такъ великъ, что предъ новымъ драматургомъ поблекла слава даже Озерова, а императоръ Александръ I, при поднесеніи ему экземпляра «Пожарскаго», велѣлъ спросить: чего бы желалъ авторъ. Крюковской высказалъ желаніе отправиться заграницу и былъ командированъ на казенный счетъ въ Парижъ для усовершенствованія трагическаго таланта».

Вторая трагедія К. «Елисавета, дочь Ярослава», оказалась настолько слабой, что не была поставлена на сценѣ. Въ 1807—1812 гг. «Дмитрій Донской Озерова и «Пожарскій» Крюковскаго являлись самыми ходкими пьесами. Извѣстно отношеніе Грибоѣдова къ первой изъ нихъ: еще юношей онъ написалъ на нее пародію Дмитрій Дрянской». «Пожарскій» К. написанъ въ томъ же духѣ и стилѣ и тѣмъ не менѣе, словно по какой-то особой ироніи, книгоиздатель А. Смирдинъ-сынъ, издавая «Сочиненія русскихъ авторовъ», соединилъ въ одномъ томѣ сочиненія К. и Грибоѣдова (Спб. 1854 г.)

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ (1797—1846). Товарищъ Пушкина по лицею и пріятель Грибоѣдова. Съ Грибоѣдовымъ сблизился на Кавказѣ (1822 г.), гдѣ служилъ при Ермоловѣ. Писать стихи началъ еще на лицейской скамьѣ. (См. эпиграммы Пушкина). Съ успѣхомъ выступилъ въ роли критика и еще въ лицеѣ «числился страстнымъ поклонникомъ литературы, преимущественно германской», нападая во имя «германическаго духа», «ближайшаго къ нашему національному духу», на французскій классицизмъ и русскихъ его поклонниковъ. Въ 1824 г. вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ издавалъ «Мнемозину», гдѣ выступалъ противъ «наносныхъ нѣмецкихъ цѣпей» и всякаго чужеземнаго вліянія, признавая «чистѣйшими» источниками для русской словесности «вѣру праотцовъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя». Въ 1825 г. участвовалъ въ декабрьскомъ дѣлѣ и стрѣлялъ на Сенатской площади въ великаго князя Михаила Павловича. Арестованный въ Варшавѣ, былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной «вѣчными» каторжными работами, и заключенъ сначала въ одиночкѣ Шлиссельбурга, а позднѣе въ Кексольмской крѣпости. О немъ: Н. А. Котляревскій «Писатели-декабристы», В. К. Кюхельбергъ. «Русск. Бог.», 190 4г., № 8. Отрывки изъ дневника К. въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. XIII и 1878 г.

Ланкастерскія школы, или школы взаимнаго обученія, привились въ Россіи съ 1813 г. «Школы были вводимы самимъ правительствомъ, по порученію кото-

раго акад. І. Гамень знакомился съ постановкой дѣла за границей и составилъ на нѣмецкомъ языкѣ «Описаніе способа взаимнаго обученія по системѣ Ланкастера и др. Paris 1818. Русскій переводъ Спб. 1820 г. изданъ по высочайшему повелѣнію департаментомъ госуд. хозяйства и публичныхъ зданій. Вскорѣ, однако, эти школы, вводимыя правительствомъ, стали казаться «опасными» и онѣ были закрыты, несмотря на огромный ихъ успѣхъ и полное отсутствіе школъ въ Россіи. (См. *Пыпинъ*. Общ. движені при Александрѣ I, глава VII).

Les amis réunis («Соединенные друзья»). Одна изъ старыхъ массонскихъ ложъ, работавшая въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ и по французскимъ актамъ. Членомъ ея въ 1816 г. вступилъ Грибоѣдовъ. Въ спискѣ ложи также числились Чаадаевъ (мастеръ), Пестель, кн. Серг. Волконскій (позднѣе основатель ложи «трехъ добродѣтелей»). Въ 1822 г. послѣдовало внезапно запрещеніе массонскихъ ложъ. (См. *Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при императорѣ Александрѣ I. Спб. 1908 г., изд. четвертое, глава VI).

Миклашевичъ, Варвара Семеновна, урожденная Смагина. (1769—1846). Авторъ романа «Село Михайловскаго», который въ рукописи, по словамъ Пушкина («Современ.» 1836 г.), произвелъ въ обществѣ «большое впечатлѣніе». Родственница, другъ семьи Жандровъ, пріятельница Грибоѣдова и А. Одоевскаго (см. письма Гр. къ Миклашевичъ). Когда начались аресты по декабрьскому дѣлу, она помогла А. Одоевскому бѣжать изъ Петербурга и снабдила его платьемъ Жандра. Въ своемъ романѣ М. вывела декабристовъ: кн. А. Одоевскаго (Заринскій), Рылѣева (Ильменевъ). Грибоѣдовъ (Рузинъ) и Одоевскій ,по словамъ Жандра, «совершенно сходны съ оригиналами». Романъ въ свое время былъ запрещенъ къ печати и смогъ появиться только въ 1867 г. въ изд. П. П. Жандръ, съ предисловіемъ Греча. Второе изданіе, Спб. 1908 г.

Мнемозина—альманахъ, изданный въ четырехъ книгахъ въ 1824 г. (Спб.) кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ. Цѣлью М. было «распространеніе новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи, съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы, въ Россіи малоизвѣстные». Несмотря на участіе лучшихъ литературныхъ силъ, «Мнемозина» едва имѣла 157 подписчиковъ. Грибоѣдовымъ напечатано въ первой книгѣ стихотвореніе «Давидъ».

Московскій университетъ. Основанъ въ 1755 г. Высочайшею грамотою 5 ноября 1804 г. московскій университетъ былъ возведенъ на степень перваго въ Россіи училища. Въ маѣ того же года высочайше разрѣшено учредить при университетѣ «Общество исторіи и древности россійскихъ», принявшее на себя первую попытку къ изученію исторіи Россіи. Въ сентябрѣ 1804 г. основано при университетѣ «Общество испытателей природы», а 2 января 1805 г. открыло свои дѣйствія—«Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ». Библіотека университета насчитывала у себя до 20.000 томовъ разнаго рода сочиненій.

Говоря о состояніи московскаго университета, «Вѣстникъ Европы» 1811 г. выражалъ надежду, «что, наконецъ, и очень скоро университетъ будетъ имѣть своихъ кандидатовъ по всѣмъ частямъ учености, а слѣдственно и не будетъ принужденъ вызывать чужестранныхъ наставниковъ для преподаванія наукъ россійскому юношеству на чужестранныхъ языкахъ.

«Въ настоящемъ (1811) году, сказано было въ журналѣ, записано въ университетъ обучающихся студентовъ казеннаго содержанія и своекошныхъ 215, кромѣ многихъ сторонніхъ посѣтителей, слушающихъ лекціи. Нѣкоторые профессора, особливо же преподающіе науки, для каждаго благовоспитаннаго человѣка необходимыя и притомъ на русскомъ языкѣ, имѣютъ слушателей по 100 человѣкъ и болѣе».

Хотя число это очень невелико, но въ другихъ городахъ и того не было. Петербургскаго университета еще не существовало и взамѣнъ его были Педагогическій институтъ и іезуитская коллегія; въ Харьковѣ университетъ только

основывался, и вся остальная Россія была отдана на произволъ иностранныхъ учителей, преимущественно французовъ (Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX ст. «Русск. Стар.»).

Одоевскій, Александръ Ивановичъ, князь (1802—1839).—Поэтъ, одинъ изъ участниковъ декабрьскихъ дней 1825 г. Приходился родственникомъ Грибоѣдову и воспитывался вмѣстѣ съ нимъ, но сближеніе между ними произошло лишь въ Петербургѣ. Во время петербургскаго наводненія въ 1824 г. Одоевскій спасъ жизнь Грибоѣдову. Поручая Одоевскаго, «какъ самого себя», дружескому расположенію Бѣгичева, Грибоѣдовъ писалъ: «помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію,—таковъ онъ совершенно—плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ». Приговоренный за участіе въ дѣлѣ декабристовъ къ 12-ти годамъ каторжной работы, Одоевскій былъ отправленъ въ Сибирь. Узнавъ объ участи, постигшей Одоевскаго, Грибоѣдовъ писалъ: «въ стихахъ, въ душѣ тебя любилъ, и призывалъ, и о тебѣ терзался». «Брата Александра» Грибоѣдовъ въ 1828 г. ободрялъ вѣстью въ Сибирь: «Осмѣлюсь-ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимо отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же, мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти».

«Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ-бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ». Грибоѣдовъ писалъ Паскевичу, прося его за Одоевскаго. Въ читинскомъ острогѣ Одоевскій узналъ о смерти Грибоѣдова. «О, дайте горькихъ слезъ потокомъ его могилу оросить, ее, ее согрѣть моимъ дыханьемъ! Я съ ненасытимымъ страданьемъ вопьюсь очами въ прахъ его, исполнюсь весь моей утратой и горсть земли, съ могилы снятой, прижму, какъ друга моего. Какъ друга!.. онъ смѣшался съ нею, и вся она родная мнѣ. Я тамъ одинъ съ тоской моею, въ ненарушимой тишинѣ, предамся всей порывной силѣ, моей любви, любви святой и приросту къ его могилѣ, могилѣ памятникъ живой. Но подъ иными небесами онъ и погибъ и погребенъ; а я въ темницѣ...» (Соч. Одоевскаго, пьеса «Дума»).

Въ 1837 г. Одоевскій былъ переведенъ изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ встрѣтился и сблизился съ Лермонтовымъ, давшимъ его поэтическую характеристику. (Памяти А. И. Одоевскаго). Сочиненія А. И. Одоевскаго вышли въ Лейпцигѣ 1863 г. («Собраніе стихотвореній декабристовъ»). Болѣе полно изданіе, вышедшее подъ редакціей М. Мазаева «Сочиненія кн. А. И. Одоевскаго», Спб. 1893 г. О немъ: Н. А. Котляревскій. Декабристы. Спб. 1909 г. (двадцать первыхъ главъ).

Одоевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, князь (1804—1869). Близкій товарищъ Кюхельбекера, вмѣстѣ съ которымъ О. издавалъ альманахъ «Мнемозину», дальній родственникъ Грибоѣдова, извѣстный писатель, философъ и общественный дѣятель. О немъ: Сумцовъ, Н. «Вл. Ѳ .Одоевскій. Харьковъ», Пятковскій, В. Очерки изъ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Спб. 1889 г., т. II, Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ («Человѣкъ трехъ поколѣній»). М. 1899 г., Котляревскій, Н. А. «Старинные портреты». Спб. 1907 г. Собраніе сочиненій кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ 3-хъ томахъ вышло въ 1844 г. (см. отзывъ Бѣлинскаго, т. V, изд. С. А. Венгерова.

Спб. 1907 г.). Перепечатка нѣкоторыхъ разсказовъ О. и «Сказокъ дѣдушки Иринея» въ «Дѣтской Библіотекѣ» Суворина.

Паскевичъ, Иванъ Ѳедоровичъ (1782—1857), свѣтлѣйшій князь Варшавскій (за взятіе Варшавы), графъ Эриванскій (за взятіе Эривани), генералъ-фельдмаршалъ, одинъ изъ судей въ дѣлѣ декабристовъ. По окончаніи суда былъ назначенъ на Кавказъ, для командованія войсками противъ персіянъ совмѣстно съ Ермоловымъ. Смѣнилъ Ермолова, подавшаго въ отставку; полномочія Паскевича были настолько широки, что еще при его назначеніи на Кавказъ ему былъ врученъ секретный указъ замѣстить Ермолова, «если это представится необходимымъ».

Петрозиліусъ. Первый воспитатель Грибоѣдова. По характеристикѣ А. Н. Веселовскаго, «человѣкъ чрезвычайно ученый, впослѣдствіи извѣстный изданіемъ перваго обстоятельнаго каталога московской университетской библіотеки. Онъ готовъ былъ привить своему воспитаннику серіозное отношеніе къ знанію и отнестись къ принятому на себя дѣлу добросовѣстно. Но, насколько можно догадываться, онъ не могъ отрѣшиться отъ извѣстной доли педантизма, который отшатнулъ отъ него живой и пытливый умъ его молодого воспитанника».

Писаревъ, Александръ Ивановичъ (1803—1828). Драматургъ. Его многочисленные водевили съ куплетами и передѣлки съ французскаго для сцены пользовались большимъ успѣхомъ въ свое время. О немъ: «Воспоминанія С. Т. Аксакова» и «Записки Ксеноф. Полевого. Спб. 1888 г. Писаревъ принадлежалъ къ московскому кружку «литературныхъ старовѣровъ»; появленіе «Горя отъ ума» отмѣтилъ эпиграммой:

Какъ Грибоѣдова забыть?
Сатирикъ, трагикъ, лирикъ,
Его не нужно намъ хвалить.
Онъ самъ свой панегирикъ:
Давиду переводъ его
Страшнѣе Голіафа,
Онъ доказалъ намъ каково
Быть другомъ «Телеграфа».
Онъ старымъ слогомъ намъ прочелъ
«Супружескую вѣрность»
И преневѣрно перевелъ
«Притворную невѣрность».
Давно ли «Горе отъ ума»
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смыслу, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
Хоть стоитъ быть повѣшенъ,
Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
Нижегородскій смѣшанъ,
Никто объ немъ не думалъ знать,
Никто объ немъ не слышалъ,
Но, чтобъ комедію читать,
Поэтъ въ отставку вышелъ.

Полярная Звѣзда, альманахъ, издававшійся А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. Вышло три книжки. Спб. 1823, 1824, 1825 гг. Четвертая книга на 1826 г. была уже отпечатана, но декабрьскія событія и арестъ обоихъ издателей не дали ей возможности появиться въ свѣтъ. Грибоѣдовымъ напечатанъ въ «П. З.» переводъ изъ Гете «Прологъ Фауста» («Die lustige Person»).

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (1799—1837). Пушкинъ познакомился

съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. «Его меланхолическій характеръ, писалъ Пушкинъ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества—все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ, даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости,—эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одной егерской ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ» [1]). Пушкинъ «разстался съ Грибоѣдовымъ въ Петербургѣ въ 1828 г. передъ отъѣздомъ его въ Персію». «Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія». Лѣтомъ 1829 г. Пушкинъ по дорогѣ изъ Тифлиса къ Карсу встрѣтилъ тѣло убитаго Грибоѣдова, «которое препровождали въ Тифлисъ» [2]).

Русская Талія—альманахъ, изданный въ 1825 г. Булгаринымъ. Здѣсь отрывки изъ «Горя отъ ума» (изъ 1-го дѣйствія, явл. VII—X и 3-го, явл. I—XXII).

Сохацкій, Павелъ Афанасьевичъ (1765—1809). Профессоръ эстетики и словесности московскаго университета, писатель и издатель «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» (1793—98), «Иппокрены» (1799—801), «Новостей Литературы» и «Политическаго Журнала».

«Сынъ Отечества», еженедѣльный журналъ. Выходилъ съ 1812 г.—редакція Греча, съ 1825 до 1838 г. редактировалъ Гречъ совмѣстно съ Булгаринымъ. Грибоѣдовымъ въ «С. О.» помѣщено одно изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній «Отъ Аполлона» (эпиграмма на Шаховскаго, см. Шаховской) въ 1815 г. (т. 25) и «Телешевой» 1825 г. (т. 99). Въ 1817 г. пять сценъ изъ комедіи «Своя семья» (см. ниже «Перечень». Изъ прозаическихъ сочиненій въ томъ же «С. О.» Гр. были напечатаны: «О разборѣ перевода Леноры» Жуковскаго 1816 г. (т. 30).

«Сѣверная Пчела»—политическая и литературная газета Ѳ. В. Булгарина (1825 г.) и Н. И. Греча, совмѣстно съ Булгаринымъ (1831—1859). Грибоѣдовымъ помѣщены въ 1826 г. статья «О Гилани» (№ 76) и стихотвореніе «Хищники на Чегемѣ» (№ 143).

«Сѣверный Наблюдатель», еженедѣльный журналъ, выходившій въ 1817 г. подъ редакціей П. А. Корсаков а(Спб.).

Телешова, Екатерина Александровна (1805—1850). Танцовщица императорскаго Спб. театра, ученица Дидло. Грибоѣдовъ увлекся Т. Въ 1824 г. онъ пишетъ: «любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ кинуть между своими финнами». «Въ три, четыре вечера Телешова меня, пишетъ Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву, съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ.—И что для меня заманчиво было,—что соперникомъ у меня Милорадовичъ... идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба... Я этого... бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ-нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тѣмъ Телешова до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная перемѣна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ я разразился рѣчами, которыя ты вѣроятно читалъ. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или

[1]) Путешествіе въ Азрумъ. Гл. II. *Ред.*
[2]) Ibidem. *Ред.*

то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ, не въ радость». Рѣчи, о которыхъ говоритъ Грибоѣдовъ—пьеса (1824 г.): «О, кто она? Любовь, Харита, иль Пери, для страны иной Эдемъ покинула родной». (см. Телешовой въ балетѣ «Русланъ и Людмила», гдѣ она является обольщать рыцаря, Сочин. Грибоѣдова).

Толстой, Ѳедоръ Ивановичъ, графъ. Прозванъ былъ «американцемъ», такъ какъ онъ побывалъ въ Америкѣ, совершая кругосвѣтное путешествіе вмѣстѣ съ Крузенштерномъ. Его характеристика дана Грибоѣдовымъ въ «Горѣ отъ ума» («ночной разбойникъ, дуэлистъ»). Пушкинъ, еще ранѣе Грибоѣдова (1820 г.), заклеймилъ Т. извѣстной эпиграммой:

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ;
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ.
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ,
И теперь онъ, слава Богу,
Только что картежный воръ.

«Очень занимательный человѣкъ. Смотритъ добрякомъ, и всякій, кто не слыхалъ про него, ошибется», писалъ Баратынскій о Т. въ 1826 г. (Соч. Казань, 1884 г., стр. 528).

Туркманчайскій договоръ. Заключенъ между Россіей и Персіей въ февралѣ 1828 г. Явился концомъ войны, объявленной Персіей въ 1826 г. Согласно договору, къ Россіи отошли бывшія персидскія владѣнія: ханства нахичеванское и эриванское, и Персія обязалась уплатить 20 милл. р. военной контрибуціи.

Хмельницкій, Николай Ивановичъ (1789—1846). Драматургъ. Въ сотрудничествѣ съ Грибоѣдовымъ и Шаховскимъ написалъ пьесу «Своя семья». Много передѣлалъ французскихъ пьесъ для русскаго театра и перевелъ «Тартюфа» и «Школу женщинъ» Мольера. (Сочин. Хм. 3 т. Спб. 1846 г.).

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ (ум. 1856 г.). Другъ Грибоѣдова. «Онъ былъ бы въ Римѣ Брутомъ, въ Аѳинахъ Периклесомъ» (Пушкинъ, посланіе къ Чаадаеву), въ Россіи же тридцатыхъ годовъ онъ являлся только «непризнаннымъ мыслителемъ»,—официально былъ объявленъ «изъ сострадания» «сумасшедшимъ» и пробылъ въ этомъ положеніи цѣлыхъ двадцать лѣтъ,—до самой своей кончины, являясь «воплощеннымъ veto, живою протестаціей» (Герценъ). Блестящая характеристика Чаадаева дана Герценомъ. Сочиненія т. IV. Изд. Павленкова. Кромѣ того см. М. Жихаревъ. П. Я. Чаадаевъ «Вѣстн. Европы», 1871 г. Кирпичниковъ, А. И. Очерки нов. литер., т. II. А. Веселовскій. Чаадаевъ и Гоголь. Сочиненія Чаадаева изданы вмѣстѣ съ обстоятельной статьей о немъ, М. О. Гершензона, М. 1907 г. (тамъ же незаконченная «Апологія сумасшедшаго» и четыре его знаменитыхъ философическихъ письма. За одно изъ нихъ, помѣщенное въ «Телескопѣ» Надеждина въ 1836 г., журналъ былъ закрытъ, а одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи объявленъ «сумасшедшимъ». О Чаадаевѣ, какъ прототипѣ Чацкаго, см. выше, стр. 91.

Шаховской, Александръ Александровичъ, кн. Драматургъ (1777 — 1846), членъ «Бесѣды» и впослѣдствіи романтикъ, издатель перваго журнала, посвященнаго театру (1808 г.) «Драматическій Вѣстникъ», авторъ многочисленныхъ комедій: «Липецкія воды», «Казакъ стихотворецъ», операъ-водевилей: «Любовное зелье», «Русалка». Грибоѣдовъ познакомился съ Ш. въ Брестѣ въ 1813 г. Въ сотрудничествѣ съ Ш. написана пьеса «Своя семья» (Грибоѣдову принадлежитъ 5 сценъ). Самъ Грибоѣдовъ называлъ пьесы Шаховскаго «погремушками». О немъ: Ярцевъ, А. въ Ежегодникѣ Имп. театровъ въ 1894 — 95 г. Гар-

шинъ, Е. «Одинъ изъ забытыхъ писателей», «Историч. Вѣстн.» 1883 г., № 7. Аксаковъ, С. Т., сочиненія, т. IV.

Шереметевъ, Василій Александровичъ (ум. 1817 г.). Кавалергардъ. «Счастливый обожатель» Истоминой. Былъ убитъ на дуэли Завадовскимъ (см. ниже «Истомина»).

Шлецеръ, Христіанъ Августовичъ (1744—1831). Сынъ знаменитаго историка, профессоръ московскаго университета (1801—1826). Читалъ политическую экономію, народное право, дипломатику и пр. Ему принадлежитъ «Начальныя основанія госуд. права», Спб. 1805 г. и мн. др. сочиненія. Послѣ отъѣзда изъ Москвы занималъ кафедру философіи въ Боннскомъ университетѣ. О немъ: Словарь профессоровъ московскаго университета. М. 1855 г. т. 2.

Якубовичъ, Александръ Ивановичъ (ум. 1845 г.). Декабристъ. Корнетъ л. г. уланскаго полка. Извѣстный дуэлянтъ, «герой воображенія» Пушкина, членъ «Зеленой Лампы». За «неприличный поступокъ» (участіе въ дуэли между А. П. Завадовскимъ и Шереметевымъ 1817 г.) былъ переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Въ Тифлисѣ состоялась новая дуэль между Грибоѣдовымъ и Якубовичемъ (1822 г.), при чемъ Грибоѣдовъ былъ раненъ въ лѣвую руку. На Кавказѣ проявилъ изумительную храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ. Замѣшанный въ дѣло декабристовъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство» и приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой въ Нерчинскіе рудники. Умеръ въ Енисейскѣ. О немъ: см. «Записки А. Е. Розена. Спб. 1906 г. «Записки барона Штейнгеля въ книгѣ «Общественныя движенія въ Россіи». Спб. 1905 г. Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія. М. 1897 г. И. И. Пущинъ. «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. Лейпцигъ, 1885 г.

Приложеніе 5-ое.

Грибоѣдовская Москва и поколѣніе 20-хъ годовъ.

Грибоѣдовская Москва. О старой Москвѣ, послужившей фономъ грибоѣдовской комедіи, даютъ живое и ясное понятіе очерки Н. Ѳ. Дубровина («Русская жизнь въ началѣ XIX столѣтія», «Русск. Стар.» 1899—1902 гг. и «Послѣ Отечеств. войны» (изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка) «Русск. Стар.», 1903 и 1904 г. Нѣкоторыя наиболѣе характерныя выдержки изъ послѣдней статьи мы и приводимъ ниже. Кромѣ того см. «Допотопная, или допожарная Москва» и «Грибоѣдовская Москва», сочин. *кн. П. Вяземскаго*, т. VII. «Грибоѣдовская Москва» (переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской) «Вѣст. Европы» 1874—1875 гг. *А. И. Кирпичниковъ*. Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Н. Толстого (Очерки по ист. новой русск. лит., М. 1903 г., т. I). Записки *Ф. Ф. Вигеля*. М. 1893. Записки *С. Н. Глинки*. Спб. 1895. *Жихаревъ, С. П.* Записки. 2 изд., Спб. 1902. Записки *В. Панаева*. «Вѣстн. Евр.» 1869 г. *Дмитріевъ, М. А.* «Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1859 г., изд. 2-ое. *Левшинъ, Н. Г.* Домашній памятникъ, «Р. Стар.», 1873 г., № 12. Растопчинъ, гр. Сочиненія, Спб. и «Русск. Ст.» 1889 г., № 12. *Погожевъ, Н. В.* Воспоминанія, «Ист. Вѣст.» 1893 г. № 6. *Ѳ. П. Толстой, гр.* «Записки», «Русск. Стар.» 1873 г. Записки *И. А. Второва* (Москва и Казань въ началѣ XIX вѣка) «Русск. Стар.» 1891 г., № 4 и др.

«Столица безъ двора, Москва жила самобытною и самостоятельною жизнью, подавала лозунгъ Россіи и имѣла вліяніе на провинцію. Москва, по выраженію Н. Г. Левшина, была въ то время инвалиднымъ домомъ всѣхъ россійскихъ дворянъ знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и безчиновныхъ. Здѣсь жило большое число нашихъ знаменитѣйшихъ и старѣйшихъ родовъ и высшее дворянство. Большею частью, это были люди, занимавшіе прежде высшія государственныя должности и потомъ отдыхавшіе на склонѣ дней въ пышномъ бездѣйствіи; или такіе сановники, самолюбіе которыхъ было оскорблено, которые показывали, что ищутъ независимости, или, наконецъ, богатые помѣщики изъ губерній, не искавшіе службы и чиновъ, а желавшіе пользоваться своимъ богатствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы. «Москва,—говоритъ Н. Г. Левшинъ,—удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать было нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ѣздить со двора на дворъ; дѣловыхъ людей въ Москвѣ мало. Всѣ вообще отставные старики, моты, весельчаки и празднолюбцы—всѣ стекаются въ Москву и тамъ вѣкъ свой доживаютъ, припѣваючи. Раздѣлять ли родители дѣтямъ имѣніе—ѣдутъ на покой въ Москву вѣкъ доживать; надобно ли дѣтокъ малолѣтнихъ въ пансіоны отдавать (которыхъ нигдѣ кромѣ Москвы найти нельзя было)—ѣдутъ въ Москву; въ службу записывать сынковъ—опять на совѣты и отыскиваніе по роднымъ покровительства ѣдутъ въ Москву—словомъ сказать, со всего россійскаго свѣта стекается многое множество къ зимѣ въ родную Москву. Зато лѣтомъ, хоть шаромъ покати, нѣтъ никого, даже на улицахъ станетъ травка пробиваться; всѣ разбредутся по деревнямъ—къ зимѣ деньги собирать».

«Отсюда лѣтомъ разносились вѣсти по всей Россіи, а зимою онѣ собирались. Москва страстна была къ новостямъ и толкамъ о дѣлахъ общественныхъ болѣе, чѣмъ Петербургъ, гдѣ умы развлекались дворомъ, обязанностями службы и погонею за почестями. Въ Петербургѣ,—говоритъ князь П. А. Вяземскій,—

была «сцена, въ Москвѣ зрители», оцѣнивающіе и судившіе петербургскихъ актеровъ. Зрителями были графы Орловы, Остерманы, князья Голицыны, Долгорукіе, Дашковы, графъ Растопчинъ и другія второстепенныя знаменитости. Всѣ они въ свое время были сами дѣйствующими лицами на государственной сценѣ, а теперь сдѣлались—зрителями. Эти вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличнѣе жить нельзя, какъ въ *отставной столицѣ*. Графъ Растопчинъ въ шутку называлъ ихъ и, конечно, самого себя, «безсмертными» москвичами и въ письмахъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и императору Александру, по свойственному ему характеру, подсмѣивался надъ ними. «Безсмертные московскіе дышатъ исправно,—писалъ онъ.—Остерманъ... разъѣзжаетъ по гостямъ. Мамоновъ почти молодецъ, хотя изъ 92 лѣтъ утаиваетъ восемь. Князь Долгорукій утромъ живетъ на Болотѣ и до обѣда второй гильдіи купецъ, а вечеромъ будто баринъ. Князь Ѳ. С. Барятинскій, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнію ласково разстаться. Товарищъ мой Нарышкинъ отплылъ по водѣ въ саняхъ благополучно, доволенъ бывъ отмѣнно покупкою за 1.200 руб. козла».

«Несмотря на то, старцы эти давали тонъ и руководили общественною жизнью Москвы. «Встревоженный и разукрашенный призракъ князя Голицына сохраняетъ свои знаки отличія, свои звѣзды и ленты, которыя, въ прибавокъ къ девяностолѣтнему бремени, вдвойнѣ клонятъ старческій станъ его къ землѣ. Этотъ призракъ носитъ на костлявыхъ раменахъ своихъ брильянтовый ключъ, ленты и всѣ свои блестящіе доспѣхи и пользуется подобающимъ почетомъ среди своихъ товарищей-призраковъ, которые въ прежнія времена раздѣляли съ ними государственныя почести.

«Другой подобный блестящій призракъ—это графъ Остерманъ. Орденскіе знаки св. Георгія, Александра Невскаго, св. Владиміра и проч. развѣшены на немъ на красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ лентахъ. Восемьдесять три года мертвящею пирамидою воздвиглись надъ его головою; и этотъ трепещущій остовъ колышется въ своей каретѣ, запряженной восемью лошадьми, обѣдаетъ не иначе, какъ съ стоящими за его креслами гайдуками и требуетъ, чтобы ему оказывали изъ вѣжливости всѣ тѣ почести, которыя принадлежали ему по праву во дни дѣйствительнаго его значенія при дворѣ.

«Графъ Алексѣй Орловъ своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто азіатской роскоши. Таковъ же и генералъ Корсаковъ,—этотъ осиротѣвшій фаворитъ, котораго можно почти назвать алмазнымъ видѣніемъ и который, не взирая на свои морщины, еще лелѣетъ въ самомъ себѣ воспоминаніе о минувшемъ отличіи, возбудившемъ столько зависти въ средѣ его сверстниковъ».

«Вотъ и еще вельможа, бывшій въ случаѣ при Екатеринѣ II,—Александръ Семеновичъ Васильчиковъ. «Домъ у него былъ сущій замокъ или какой дворецъ. Подъѣздъ былъ съ навѣсомъ—въѣдешь—какъ будто прямо въ парадныя сѣни въѣхалъ. Швейцары встрѣчаютъ, звонятъ вверхъ, а тамъ ливрейныхъ лакеевъ высыпаетъ съ дюжину и начнутъ дверь отворять и провожать съ поклонами и 10 церемоніями, по-китайски, ведутъ черезъ всѣ парадныя комнаты, убранныя драгоцѣнными картинами, мебелью, фарфорами и проч.». Въ самой же отдаленной небольшой комнаткѣ сидѣлъ хозяинъ, въ бархатномъ халатѣ, темно-зеленомъ, опушенномъ соболями, при двухъ звѣздахъ непремѣнно.

«Страсть къ украшенію себя орденами была даже у людей умныхъ, какимъ былъ, напримѣръ, графъ Н. С. Мордвиновъ. «Онъ дома всегда одѣвался въ шлафрокъ со звѣздами и ходилъ въ башмакахъ».

«Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ всѣми силами поддерживалъ свою сановитость: ѣздилъ всегда въ четырехмѣстномъ ландо, запряженномъ четверкою лошадей, цугомъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ и любимымъ калмыкомъ на

козлахъ, возлѣ кучера. Князь самъ не выходилъ изъ кареты, а его вынимали и выносили гайдуки.

«Примѣру важныхъ баръ слѣдовали и люди средняго сословія. Барыни не ѣздили въ каретахъ иначе, какъ съ двумя лакеями сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина очень дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади, а статскіе совѣтники не выѣзжали иначе, какъ на шести лошадяхъ цугомъ. Случалось, когда ворота выѣзжавшаго стояли рядомъ съ сосѣдними, то ферейторъ былъ уже у чужого крыльца, а экипажъ не выѣзжалъ еще изъ своего двора.

Семидесятилѣтняя старуха Анна Алексѣевна Обольянинова сидѣла постоянно въ креслахъ, потому что была безъ ногъ, но всегда наряжалась по модѣ и въ табельные дни непремѣнно надѣвала орденъ св. Екатерины. Въ такомъ видѣ она принимала гостей.

«Съѣхавшіеся въ Москву, съ разныхъ концовъ Россіи, богатые помѣщики оспаривали другъ у друга первенство въ разнообразіи увеселеній и роскоши. Двухъ и трехъ этажные дома, съ нѣсколькими флигелями, занятыми только семействомъ владѣльца и его прислугою, составляли украшенія столичныхъ улицъ. «Роскошь,—говоритъ графъ Ѳ. В. Растопчинъ,—которою окружало себя дворянство, представляло нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ, напримѣръ, встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели; громадныя залы, множество гостиныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома».

«Отдѣлка комнатъ въ общемъ представляла смѣсь стараго быта съ новымъ западно-европейскимъ. Здѣсь можно было встрѣтить камины изъ разныхъ родовъ мрамора, множество бронзы, мраморныя статуи и бюсты, старинную золоченую мебель, картины лучшихъ художниковъ и окна, драпированныя богатыми разноцвѣтными занавѣсями. Рядомъ съ этимъ въ сосѣднихъ комнатахъ стояла потертая простая мебель, а въ углу стоялъ часто богатый кіотъ съ образами и теплящеюся передъ ними лампадою. У премьеръ-маіора П. А. Собакина былъ фамильный образъ Спаса Нерукотвореннаго, осыпанный драгоцѣнными камнями и помѣщавшійся въ литомъ изъ серебра кіотѣ. Этотъ образъ цѣнили тогда болѣе чѣмъ въ 100.000 рублей ассигнаціями.

«Типомъ стариннаго московскаго барскаго дома можно было назвать домъ фельдмаршала графа Михаила Ѳедоровича Каменскаго, въ которомъ жило его семейство. Домъ этотъ былъ переполненъ разнымъ людомъ, составлявшимъ, какъ и во многихъ другихъ богатыхъ домахъ, прислугу и свиту графа. Няни, мамы, плѣнныя турчанки, крещенныя въ православную вѣру и кое-какъ воспитанныя, калмычки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки—все это сливалось, во многихъ знатныхъ домахъ, со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости.

«Въ домѣ былъ театръ, на которомъ любители, родственники и родственницы, играли комедіи Вольтера и другихъ французскихъ писателей. Когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, то горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни «ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, такъ что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста давно уже была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки русская, хотя и уродливая жизнь».

«Настоящую русскую жизнь можно было встрѣтить въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ, тщательно хранившихъ дѣдовскіе обычаи. Большой дворъ заваленъ соромъ и дровами, позади огородъ съ овощами, а возлѣ дома подъѣздъ съ перилами. Въ прихожей—толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ и полупьяныхъ, которые, отъ нечего дѣлать, съ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, по стѣнамъ большія и малыя картины кисти домашняго крѣпостного художника, тутъже на столахъ каша въ горшкахъ, грибы

и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; съ одной стороны сидитъ приходскій попъ, школьный учитель и шутъ, а съ другой — толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ. Это домъ стараго москвича, замкнувшагося въ своей средѣ и удалившагося, какъ и многіе люди его положенія и сословія, отъ прелестей и шума полуевропейской жизни столицы. Эта послѣдняя жизнь была принадлежностью людей высшаго порядка, богатыхъ, сановныхъ и отличалась крайнимъ разнообразіемъ.

— Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спрашивалъ Н. В. Погожевъ одного изъ своихъ знакомыхъ.

— По утрамъ,—отвѣчалъ онъ,—бродимъ или толкаемся по городу (гостиному двору), потомъ гуляемъ въ Александровскомъ саду, ѣздимъ въ театръ, или въ Марьину рощу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку подъ названіемъ savoir vivre и egatger le temps. Утренніе визиты, званые и запросто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады—вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и пріѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками.

«По утрамъ, въ праздники, почти вся Москва расходилась по церквамъ: шли въ церковь Стараго или Большого Вознесенія, на Никитской, слушать превосходныхъ пѣвчихъ П. П. Бекетова или на Басманной улицѣ въ церковь Никиты Мученика, гдѣ пѣвчіе Колокольникова собирали московскую публику. Пѣвчіе Шереметевской и Голицынской больницъ, прихода Василія Блаженнаго, Всѣхъ Скорбящихъ, Божіей Матери, Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри привлекали къ себѣ московское общество. Въ Даниловъ монастырь съѣзжалось много молодыхъ барынь, чтобы посмотрѣть на молодого красиваго монаха, постриженнаго изъ купцовъ.

«По окончаніи службы люди старые и пожилые разъѣзжались по домамъ, а молодежь устраивала гулянья близъ монастырей, шла на пруды или на Тверской бульваръ себя показать и на другихъ посмотрѣть».

«Съ гуляній расходились на званые завтраки, обѣды, гдѣ проводили время сытно и весело. Не даромъ Москва слыла, да и донынѣ слыветъ «хлѣбосольною». Гостепріимство было развито въ самомъ широкомъ размѣрѣ: въ другихъ городахъ и имѣніяхъ васъ сначала узнаютъ, а потомъ приглашаютъ; въ Москвѣ же сперва пригласятъ, а потомъ узнаютъ; бывало и такъ, что гости ходили годами и хозяева не знали, кто они.

«Такъ водится,—говоритъ Н. В. Погожевъ,—въ московскомъ большомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе—къ хозяйкѣ, а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что, впрочемъ, случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ, особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендацій. Мнѣ разсказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ-то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ объ этомъ даже мужа своего, который, впрочемъ, и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

— Что это ты, матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?

Эти слова, конечно, не относились къ иностранному происхожденію гостей, потому что москвичи, напротивъ, принимали иностранцевъ съ особымъ радушіемъ и даже предпочтеніемъ.

«Московское гостепріимство,—писалъ англичанинъ Ж. К. Пойль,—со сво-

ими балами совершенно насъ заполонило. Ни одного дня не имѣю роздыха для страннических ногъ моихъ».

«Въ теченіе зимы, начиная со второй половины ноября, въ Москвѣ каждый день бывало 40 или 50 баловъ, на которыхъ играло до 1.300 человѣкъ музыкантовъ, принадлежащихъ дворянамъ. Тогда не требовались на балъ такіе расходы, какъ нынѣ. Освѣщеніе было слабое, «такъ что отъ одного конца залы до другого нельзя узнать другъ друга».

«Обыкновенно въ 6 часовъ вечера зажигались двѣ плошки у крыльца, а фонарь освѣщалъ путь отъ воротъ къ дому; на лѣстницѣ, по стѣнамъ, зажигались у людей богатыхъ восковыя, а у остальныхъ сальныя свѣчи, которыя таяли и оплывали; въ прихожей цѣлая свѣча, обыкновенно стоящая въ бутылкѣ съ разбитымъ горлышкомъ, перемѣщалась въ жестяной подсвѣчникъ; въ люстрахъ пріемныхъ комнатъ горѣли свѣчи-аплике (сало, налитое въ восковой чехолъ), также оплывавшія; жирандоли отражались въ зеркалахъ, стоящихъ въ простѣнкахъ, а на окнахъ маканыя свѣчи (сальныя, толстофитильныя) воткнуты были въ деревянные некрашенные треугольники, съ тремя жестяными горлышками для свѣчей по концамъ.

«Балъ открывался «длиннымъ польскимъ», тянувшимся извилистой змѣей по всѣмъ комнатамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, въ шутку, то щеголевато кланяются, то присѣдаютъ. Не попавшіе въ польскій мужчины одинъ за другимъ, останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму. Кавалеры отвоеванныхъ дамъ, достаются сзади идущимъ дамамъ и переходятъ отъ одной къ другой; кавалеръ послѣдней пары оказывается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется къ одному изъ карточныхъ столовъ отдохнуть отъ своего подвига; а иной преслѣдуемый словами: «усталъ! въ отставку! на покой!» бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. «Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты и нежданныя встрѣчи, извиненія, шутки и прибаутки весело кончаютъ длинный польскій».

За польскимъ слѣдовали легкіе танцы; мазурка еще только входила въ употребленіе.

«Молодые люди хорошаго тона должны были присутствовать на всѣхъ балахъ и спектакляхъ. Не желая и не умѣя заняться ничѣмъ серіознымъ, чувствуя, что не привлечетъ къ себѣ вниманія познаніями, молодежь старалась обратить на себя вниманіе внѣшностью. Матеріально обезпеченные молодые люди «блистали одеждою, драгоцѣнными бездѣлицами, они слонялись цѣлый день по городу въ прекрасномъ экипажѣ или пѣшкомъ, разъѣзжали по трактирамъ, театрамъ и баламъ». Они ежедневно скакали изъ дома въ домъ для того только, чтобы размѣняться новостями. Тогда визиты дѣлались очень рано, часовъ около 11 утра, и были такіе львы, которые ѣздили въ каретахъ не запирая дверецъ—такъ много было визитовъ и такъ близко жили ихъ знакомые другъ отъ друга».

«Русская женщина тогдашняго времени была очень далека отъ учености и даже рѣдко заглядывала въ книги. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось,—писала одна дѣвица своей пріятельницѣ,—подойти къ столу, на которомъ лежатъ газеты и журналы, но дамы къ нему не подходятъ, хотя комнату, въ которой онъ поставленъ, проходятъ безпрестанно». Господствовало «пристрастіе и подражаніе общества всему французскому», и русская женщина, желая изобразить изъ себя Нимфу, Грацію и Богиню, обнажила свою талію и утонула во французской болтовнѣ; увлекшись кокетствомъ, она проводила время среди танцевъ, въ разсѣянной и пустой жизни.

Прекрасный полъ плавалъ тогда только въ морѣ удовольствій и свѣтской жизни. Безсмертный И. А. Крыловъ въ комедіи «Урокъ дочкамъ» такъ описываетъ словами Лукерьи, дочери богатаго помѣщика Велькарова, городскую жизнь дѣвушки.

«Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя:—танцо-

вальный, рисовальный, гитарный, клавикордный: отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ,—ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставилъ, и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по модньмъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій. На недѣлю будетъ что разсказывать».

«Модными лавками считались тѣ, которыя принадлежали француженкамъ и имѣли французскія вывѣски. Въ появившейся въ 1807 г. комедіи И. А. Крылова—«Модная лавка» ученица и продавщица Маша жалуется посѣтительницѣ, что не можетъ открыть своего магазина, потому что она не имѣетъ фамиліи мадамъ ла-Брошъ, или мадамъ Бошаръ, или мадамъ Каре. Та же Маша не стѣсняясь говоритъ помѣщицѣ Сумбуровой, что лучшія и знатнѣйшія щеголихи имѣютъ честь у насъ проматываться...

«Достоинство молодого человѣка, его аристократичность и даже дарованія принадлежали тѣмъ, которые путешествовали въ чужихъ краяхъ и на вопросы по-русски отвѣчали по-французски. Считалось какъ-то почтительнѣе и вѣжливѣе обращаться съ рѣчью на французскомъ языкѣ, тогда какъ заговорить по-русски казалось слишкомъ фамильярно и просто. Къ ошибкамъ въ русскомъ языкѣ относились даже болѣе снисходительно, чѣмъ къ незнанію французскаго языка, и, несмотря на это, многія лица даже высшаго общества плохо его знали.

«...Русскіе обычаи и русскій языкъ были забыты, и высшее общество, воспитанное на иностранной выдержкѣ, говорило по-русски болѣе самоучкою и знало его по наслышкѣ; красоту и силу природнаго языка изучали у псарей, лакеевъ, кучеровъ, и надо отдать справедливость, что изученное такимъ путемъ краснорѣчіе знали въ совершенствѣ. «Я зналъ,—говоритъ А. М. Тургеневъ,—толпу князей Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвицкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ,—да всѣхъ не упомнишь и не сочтешь,—которые не могли написать на русскомъ языкѣ двухъ строчекъ, но всѣ умѣли краснорѣчиво говорить по-русски...» непечатныя слова.

Иначе и быть не могло: русскіе учителя были не въ модѣ, ихъ избѣгали, предпочитая иностранцевъ. Дошло до того, что французъ, жившій нѣкоторое время въ Россіи и возвратившійся въ свое отечество, публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что близъ Парижа онъ завелъ пансіонъ спеціально для русскихъ молодыхъ дворянъ. Онъ приглашалъ родителей отправлять къ нему своихъ дѣтей на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему необходимому, особливо-же *языку русскому*. Противъ такого объявленія возсталъ Н. М. Карамзинъ и написалъ статью «Странность». Но многіе не считали этого страннымъ, потому что въ русскихъ учителяхъ, книгахъ и въ особенности въ учебникахъ былъ большой недостатокъ.

«Недавно,—говорилъ Н. Страховъ,—дворянскія дѣти выучивали не далѣе букваря, а съ псалтыря навѣки разставались съ чтеніемъ книгъ; но нынѣ они столь твердо выучиваютъ французскій языкъ, что совсѣмъ забываютъ природный, а чтеніе, начиная со сказокъ, продолжаютъ до непонимаемыхъ ими философскихъ системъ». Главное же чтеніе молодыхъ людей составляли романы и притомъ иностранные. «Спросите у книгопродавцевъ,—писалось въ одномъ изъ современныхъ журналовъ,—и они скажутъ, что наживаютъ капиталы почти только отъ романовъ». Ихъ читали не только дворяне, но и купцы и мѣщане—всѣ тѣ, которые знали грамоту. М. А. Дмитріеву приходилось не разъ подсмотрѣть въ рукахъ лавочниковъ Поль-де-Кока или другіе французскіе романы, изъ которыхъ они учились «семейному разврату и обману». Нѣмецкіе и англійскіе романы переводились всегда съ французскаго потому, что только этотъ языкъ

былъ у насъ извѣстенъ, и до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія знаніе же нѣмецкаго языка было большою рѣдкостью».

«Москва развивалась самобытно, сама собою, «ибо на нее почти никакія обстоятельства» вліянія не имѣли. Здѣсь каждый могъ жить, какъ онъ хотѣлъ, не обращая на себя общаго вниманія. Среди множества лицъ, преданныхъ пустой свѣтской жизни, можно было видѣть на лекціяхъ старѣйшаго и славившагося своими профессорами университета знатныхъ дамъ, молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Заиконоспасской академіи и проч.

«Только въ одной Москвѣ можно было встрѣтить такое крупное частное книгохранилище, какое было у графа Бутурлина, профессоровъ Баузе, Страхова и у другихъ; такой ботаническій садъ, какой былъ у графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, съ растеніями изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ всего міра. Въ ней же зародилась и изящная словесность и имѣла тамъ своихъ блестящихъ представителей. Въ Москвѣ выходило большинство русскихъ періодическихъ изданій. Россія училась говорить, читать и писать по-русски по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Русская литература долго имѣла Москву своею столицею и своею колыбелью. Петербургъ придерживался стараго слога: Москва развивала и проповѣдывала новый. Жившіе въ то время въ первопрестольной столицѣ Н. М. Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ были его основателями и образцами». (*Н. Дубровинъ*).

Поколѣніе 20-хъ годовъ. Общая картина александровской эпохи см. *Шильдеръ, Н. К.* Императоръ Александръ I. Спб. 4 т. 1897—98 г., изд. Суворина. *Пыпинъ, А. Н.* Общ. движеніе въ Россіи. Спб. 1908 г. *Семевскій, В. В.* (см. «Источники»). *Третьяковъ, М.* Моск. универс. въ 1798—1830 г.г. «Русск. Стар.». 1892 г. *Н. Буличъ.* Изъ первыхъ лѣтъ Каз. универс. Казань 1887 г. *Багалѣй, Д.* Опытъ исторіи Харьк. универс. Харьковъ 1894—96 г.г. *Сухомлиновъ, М. И.* Изслѣдованія и статьи по русск. литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889 г. *Майковъ, Л. Н.* Историко-литературные очерки. Спб. 1895 г. *Герценъ, А. И.* «Былое и думы». Соч. т. II, Спб. 1907 г. Записки и дневникъ *А. В. Никитенка.* Спб. 1905 г. *Пассекъ, Т. А.* «Изъ дальнихъ лѣтъ». 3 т. Спб. 1906 г. Записки и воспоминанія: *Арнольди, Ю. К.* «Русск. Арх.» 1891 г. *Греча, Н.* Спб. 1886 г. *Евреинова,* «Русск. Арх.» 1891 г. *Ермолова, А. П.* Спб. 1862 г. *Каратыгина, П. А.* Спб. 1883 г. *Кошелева, А. И.* Спб. 1906 г. *Ростиславова, Д.* «Русск. Стар.» 1892—95 г.г. *Свербеева, Д. Н.* М. 1899 г. См. также въ «Записки и воспоминанія» декабристовъ: *Басаргина, Бестужевыхъ, Волконскаго, Волконской, Горбачевскаго, Завалишина, Кюхельбекера, Лорера, Оболенскаго, Трубецкого, Штейнгеля, Фонвизина, Якушкина и др.*

Характеризуя поколѣніе 20-хъ годовъ въ лицѣ его лучшихъ представителей, *Д. Н. Овсянико-Куликовскій* выдѣляетъ слѣдующія главныя его черты: «умѣренность въ реагированіи чувствомъ на сильныя внѣшнія воздѣйствія и на тревогу собственной души». Это «первое, что бросается въ глаза психологу, изучающему жизнь и дѣятельность людей 20-хъ годовъ. Со стороны мысли замѣтно выдѣляются у нихъ слѣдующія черты: жажда знаній, охота и умѣніе учиться, способность усвоивать европейское просвѣщеніе, здоровая дѣятельность ума и отсутствіе «глубокомыслія». Они не были «мыслителями» въ томъ смыслѣ, какъ можно назвать мыслителями, напр., Бѣлинскаго, Герцена, Станкевича и др. Интересъ къ философіи уже пробудился, и мы видимъ проблески философской мысли въ сочиненіяхъ и Бестужева-Марлинскаго, и Полевого. Но, вообще говоря, людямъ этой эпохи было не до философіи. Имъ приходилось учиться, и они учились всю жизнь, съ рѣдкимъ для русскаго человѣка усердіемъ и выдержкою. Почти всѣ они были такъ или иначе самоучки, ибо школа того времени давала слишкомъ мало, а иные изъ нихъ никакой школы и не знали. Пушкинское «въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ» было у нихъ лозунгомъ, жи-

вою потребностью ума, неусыпнымъ стремленіемъ. Самоучка Полевой съ энциклопедическимъ образованіемъ—характерная фигура эпохи. Умственныя занятія декабристовъ въ Сибири и раньше, жажда умственной пищи и энергія въ ея добываніи, какія обнаруживалъ Бестужевъ среди тревогъ и тяжелыхъ условій солдатской жизни на Кавказѣ, любовь къ книгѣ, живой интересъ къ просвѣщенію у Грибоѣдова, у Пушкина, у Рылѣева и т. д.—все это живо рисуетъ намъ нравственный обликъ поколѣнія, которое призвано было учиться и просвѣщаться за всю Россію, въ противоположность слѣдующему поколѣнію, призванному мыслить и страдать муками самосознанія. Когда Пушкинъ сказалъ: «я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», онъ этимъ упредилъ свое время, какъ упредилъ его во многомъ. Поколѣніе 20-хъ годовъ не страдало болѣзнями и скорбями мысли. Оно скорѣе наслаждалось познавательною работою ума. Только тѣ, которые обладали творческимъ даромъ, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ, знали муки мысли, муки творчества.

Умственная жизнь людей 20-хъ годовъ, сравнительно съ богатствомъ умственной жизни Бѣлинскаго, Станкевича, Герцена и др., представляется гораздо менѣе сложною, болѣе простою и элементарною. Это нельзя объяснить однимъ лишь различіемъ эпохъ, т. е. тѣмъ, что новое время принесло и новые умственные интересы, выдвинуло новые вопросы мысли и развитія. Новые интересы и вопросы требовали и новыхъ умовъ, умственныхъ организацій иного склада, иного типа». (Ист. русск. инт., т. I).

«Героемъ этого поколѣнія былъ Чацкій. Лучшіе люди 20-хъ годовъ были, каждый по своему, «Чацкими»,—и не только по «соціальному положенію», среди отсталаго общества, лицомъ къ лицу съ Фамусовыми, Скалозубами, Молчалиными и въ виду надвигавшейся реакціи, но еще больше—по своему умственному и нравственному складу, по характернымъ признакамъ своей душевной организаціи. Если потомъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, образъ Чацкаго потускнѣлъ, и бывали случаи либо отрицательнаго, либо равнодушнаго къ нему отношенія со стороны лучшихъ людей эпохи, то это объясняется не перемѣною «соціальнаго положенія» этихъ людей (съ этой стороны они оставались все такими же «Чацкими»), а рѣзкимъ измѣненіемъ умственнаго и нравственнаго склада, равно какъ и преобладающихъ чертъ душевной организаціи». (Ibidem).

Литературные типы А. С. ГРИБОѢДОВА.

(Выпускъ 6-й).

Редакція Н. Д. Носкова,

при сотрудничествѣ:

Лебедева, Н. Н., Мартиросова, С. Е. и Поварнина, С. И.

Стр.

1. **Предисловіе** 5
2. **А. С. Грибоѣдовъ** (біографическая канва) . . . 7
3. **Характеристики всѣхъ типовъ и образовъ** 11
   - Загорѣцкій 12
   - Молчалинъ 16
   - Репетиловъ 20
   - Софья 23
   - Фамусовъ 27
   - Чацкій 34
4. **Перечень произведеній** (историко-литературныя справки) 55
5. **Приложенія:**
   - а) Источники для изученія Грибоѣдова 81
   - б) Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій 83
   - в) Прототипы дѣйствующихъ лицъ 89
   - г) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ 94
   - д) Грибоѣдовская Москва и поколѣніе 20-хъ годовъ 107

«Словаря». Но вѣдь «Словарь» и не пытается замѣнить собою произведеній писателя. Онъ претендуетъ только на роль *пособія*, и въ этой роли онъ представляетъ большую и ничѣмъ незамѣнимую цѣнность. При изученіи Тургенева для учащихъ и учащихся онъ послужитъ ключомъ къ болѣе широкому и всестороннему истолкованію его произведеній, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ» (**«Современный міръ»**, № 1—1909 г.).

4) «Словарь Л. Т. — прекрасное предпріятіе, крупнаго культурнаго значенія». Изданіе не «является только матеріаломъ для характеристики русскаго общества по литературнымъ образамъ русскихъ писателей, но и цѣннымъ справочникомъ при изученіи ихъ жизни и творчества». (**«Историческій Вѣстникъ»**, № 12—1908 г.).

5) «Изданія такого рода не было еще не только у насъ, но и за границей; пользу же ихъ при изученіи литературы и культурной исторіи народа нельзя достаточно и оцѣнить». (**«Міръ»**, № 2—1908 г.).

6) «Книга, которая въ состояніи оказать большую, многогранную службу разнымъ лицамъ, какъ спеціалистамъ по исторіи литературы, критикамъ, педагогамъ, такъ и всѣмъ интересующимся изящной литературой». «Словарь полезенъ и для всякихъ историко-литературныхъ сравненій, критико-соціологическихъ обобщеній, и для изучающихъ эволюцію дѣйствующихъ лицъ у крупныхъ художниковъ, и для сопоставленія классового состава героевъ въ произведеніяхъ тѣхъ и другихъ эпохъ и т. д. Значительна его цѣнность для учащихъ и учащихся». (**«Вѣстникъ Литературы»**, № 6—1909,—о 4-мъ вып.).

7) Словарь Л. Т. является весьма цѣннымъ дополненіемъ къ произведеніямъ писателя и въ то же время чрезвычайно цѣннымъ самостоятельнымъ трудомъ, который обязательно долженъ попасть въ библіотеки всѣхъ, кто интересуется литературой (**«Вѣст. Лит.»**, № 12 — 1909—о 5-мъ выпускѣ).

8) «Для критиковъ и библіографовъ, учащихъ и учащихся «Словарь» является незамѣнимымъ пособіемъ». (**«Слово»**, № 576).

9) «Помимо своей цѣли, какъ справочное руководство по русской литературѣ, «Словарь» долженъ оказать прекрасную услугу работающимъ въ литературѣ уже просто своею библіографическою стороною. (**«Биржевыя Вѣдомости»**, № 10326).

10) «Для серіозныхъ библіотекъ это изданіе является положительно необходимымъ». (**«Развѣдчикъ»**, № 949)

11) «Читатель получитъ возможность обозрѣть творчество писателя въ его герояхъ, положительно всѣхъ; о каждомъ изъ нихъ онъ составитъ отчетливое представленіе, разберется въ художественной и общественной стоимости типа, узнаетъ наиболѣе важные взгляды критической литературы. Словомъ, въ рукахъ читателя цѣлая, полно составленная портретная галлерея художественныхъ образовъ корифеевъ русской литературы. Отсюда «Словарь»—незамѣнимое пособіе для каждаго, желающаго возстановить въ памяти прочитанное произведеніе со стороны входящихъ въ составъ его литературныхъ героевъ». (**«Волгарь»**, № 115, 1909 г.).

12) «Словарь Литературныхъ Типовъ» для учителя, для писателя, занимающагося изученіемъ или изслѣдованіемъ литературы, является прекраснымъ справочнымъ подспорьемъ и необходимой настольной его книгой... (**«Спб. Вѣд.»** № 34, 1908 г.).

13) «Какъ историко-литературный справочникъ, «Словарь Л. Т.» несомнѣнно будетъ полезнымъ вкладомъ въ библіотеку семьи и школы. Но и помимо чисто-справочнаго значенія, «Словарь» интересенъ какъ удачная попытка собрать и систематизировать матеріалы для характеристики общества по типамъ русскихъ писателей». (**«Голосъ Правды»**, № отъ 9-го января 1908 г.).

14) «Для всѣхъ интересующихся исторіей нашего общества и любителей литературы настоящее изданіе, будучи доведено до конца, несомнѣнно, окажется настольною книгой. Изъ военныхъ читателей «Словарь» будетъ особенно полезенъ для готовящихся къ поступленію въ Александровскую военно-юридическую академію». «Краткія и въ то же самое время полныя характеристики «Словаря», снабженныя указаніями на отзывы главнѣйшихъ представителей русской критики, должны очень облегчить изученіе писателей. Не менѣе важно значеніе «Словаря» и для нашихъ военныхъ педагоговъ». (**«Развѣдчикъ»**, № 910).

15) «C' est une des publications le plus intéressantes et les plus utiles pour tous ceux qui veulent étudier la littérature russe» (**«Mercure de France»**, № 294, Septembre, 1909 г.).

СЛОВАРЬ
Литературныхъ типовъ.

Спб. Тверская, 14.

Въ составъ каждаго выпуска входятъ 1) Біографическая канва; 2) Подробныя характеристики въ освѣщеніи автора и критики, библіографія; 3) Указатель всѣхъ типовъ и образовъ (краткія характеристики всѣхъ второстепенныхъ образовъ и лицъ); 4) Перечень произведеній съ историко-литературными справками; 5) Сводъ нарицательныхъ именъ; 6) Группировка типовъ; 7) Источники для изученія писателя.

Вып. 1—2. Тургеневъ.
» 3. Лермонтовъ.
» 4. Гоголь.
» 5. Аксаковъ.
» 6. Грибоѣдовъ.
» 7. Пушкинъ.
» 8—10. Толстой.
» 11. Гончаровъ.
Вып. 12—14. Достоевскій
» 15. Писемскій.
» 16—17. Островскій.
» 18—20. Салтыковъ.
» 21. Герценъ.
» 22. Успенскій.
» 23—24. Чеховъ.

1—2-й выпуски С. Л. Т. допущены въ фунд. библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

Редакція Н. Д. Носкова.

Сотрудники: Адріановъ, С. А. проф., Боцяновскій, В. Ѳ., Вейнбергъ, А. А., Измайловъ. А. А., Каптеревъ, Н. А., Лебедевъ, Н. Н., Лернеръ, Н. О., Либровичъ, С. Ф., Львовичъ, В. Л., Мартиросовъ, С. Е., Майеръ, Н. В., Носкова, Е. К., Носковъ, Н. Д., Поварнинъ, С. И. прив.-доц., Саввинъ, Н. А., Урванцовъ, Л. Н.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ:

Выпускъ 1—2. «*Литературные типы Тургенева*»—2 рубля.
Выпускъ 3. «*Литературные типы Лермонтова*»—1 рубль.
Выпускъ 4. «*Литературные типы Гоголя*»—1 рубль 25 коп.
Выпускъ 5. «*Литературные типы Аксакова*».—1 рубль.
Выпускъ 6. «*Литературные типы Грибоѣдова*»—1 рубль.
Выпускъ 7. «*Литературные типы Пушкина*» (печатается).

Подписная цѣна на 24 выпуска съ достав. и пересыл. двадцать четыре рубля.

Разсрочка: 9 руб. при подпискѣ и по 3 рубля послѣ выхода 8, 11, 14, 17 и 20 выпусковъ. Или 2 рубля задатокъ, при полученіи первыхъ 4-хъ по 1 рублю и при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ по 90 коп. наложеннымъ платежемъ (наложенный платежъ по 10 коп. за счетъ заказчика).

Желающіе получать выпуски въ переплетахъ (по 1 переплету на 3 выпуска) прилагаютъ по 75 к. съ пересылкой за томъ (три выпуска). Крышки (одна на 3 выпуска) по 60 коп. безъ пересылки. Пересылка по почтовой стоимости за счетъ заказчика. Переплеты и крышки изъ англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, четырехъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, сѣраго и малиноваго.

Отзывы печати см. на 2-й и 3-й стр. обложки.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр., 17.